

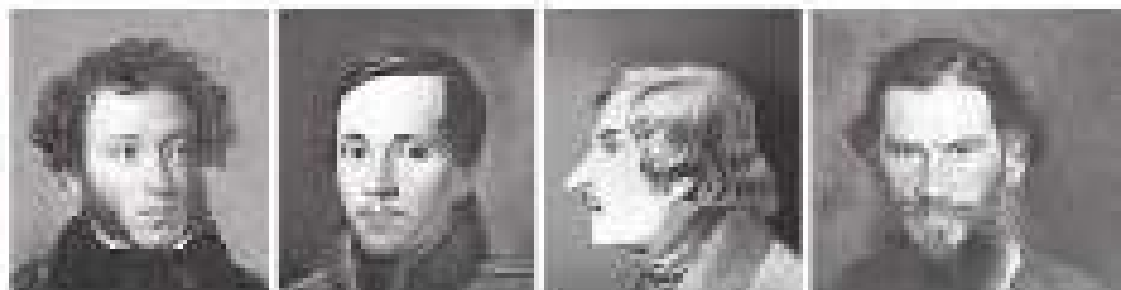
В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин

ЛИТЕРАТУРА

Часть 1

7

Л

В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Корвин

ИТЕРАТУРА

7 класс

Учебник

В двух частях

Часть 1

Допущено
Министерством просвещения
Российской Федерации

13-е издание, переработанное

Москва
«Просвещение»
2022

УДК 373.167.1:821.09+821.09(075.3)
ББК 80.301я721
К68

Учебник доступен к использованию при реализации элементов государственному аккредитованной образовательных программ дошкольного общего, основного общего, среднего общего, профессионального образования, дополнительного образования детей дошкольного, и среднего... : Проектное Минпросвещения и реализации Федерального № 858 от 21.09.2023 г.

По обложке — фрагмент репродукции картины Г. М. Курдюкина «Франция», 1900

Условные обозначения:

Публичное выступление

Диалог

Вместе со старшими

Работа в паре

Работа в группе

Королева, Вера Яковлевна.

К68 Литература : 7-й класс : учебник : в 2 частях : В. Я. Королева, В. П. Жудыкин, В. И. Королева. — 18 в изд., перераб. — Москва : Просвещение, 2023.

ISBN 978-5-09-102511-8.

Ч. 1. — 271, [1] с. : ил.

ISBN 978-5-09-102512-5.

Учебник подготовлен в соответствии со всеми требованиями ФГОС ООО, утвержденными приказом Минпросвещения России от 21.05.2021 г.

Учебник создан в учебно-методическом кабинете № 4-3 школы № 1007 общей образовательной школы № 1007 с углубленным изучением французского языка, специализированной на ФУОС (XXI) на территории «Лива-Претерра» на основе работы и сотрудничества с учебными заведениями. Учебник включает все задания творческого и исследовательского характера способствующие развитию

УДК 373.167.1:821.09+821.09(075.3)
ББК 80.301я721

ISBN 978-5-09-102612-8 (ч. 1)
ISBN 978-5-09-102611-8

© АО «Издательство «Просвещение», 2018, 2023
© Курдюкинские образовательные
АО «Издательство «Просвещение», 2018, 2023
Все права защищены

В этом году вам предстоит познакомиться с произведениями древнерусской литературы, со значимыми русскими писателями XIX и XX веков, с переводной на русский язык литературой зарубежных стран.

С. Я. Маршак писал, что литература так же нужна талантливым читателям, как и талантливые писатели. Именно на них, на этих талантливых, чутких, обладающих творческим воображением читателей, и рассчитывает автор, когда напрягает все свои душевные силы в поисках верного образа, верного повтора действия, верного слова». Что это значит? На что надеется каждый автор? Писатели и учёные советуют читать внимательно, вслух и с. Прислушаемся к их советам и рассуждениям...

...Книги говорили мне о том, как велик и прекрасен человек в стремлении к лучшему, как много сделал он на земле и каких невыносимых страданий стоило это ему.

И в душе моей резко возникли в чужбине — кто кому, кто бы он ни был, поклонники уважения к его труду, любви к его беспредельному духу. Жизнь становилась легче, радостнее — жизнь наполнялась великим смыслом...

И с глубокой мирной и кроткой силой убеждает в правоте моего выбора та книга, она облегчит вам жизнь, дружески поможет разобраться в тёмной и бурной путанице мыслей, чувств, событий, она научит вас уважать человека в самых тяжёлых ситуациях, она окрыляет ум и сердце чувством любви к миру, к человеку...

М. Горький

Читайте, читайте и читайте! Читайте не торопясь, чтобы не терять ни одной капли драгоценного содержания книг. Человек, отрывающийся от книги, похож на путешественника, выходящего со странной из окна вагона. Заставляйте себя читать медленно, запоминая, обдумывая, представляя самого себя в гуще тех событий и той обстановки, какими наполнена книга, делая себя так бы не никаким случайным наблюдателем и даже участником. Только тогда перед вами до конца откроется созданный писателем большой и прекрасный мир...

Мощь, мудрость и красота литературы открывается во всей своей широте только перед человеком просвещённым и знающим.

К. Г. Паустовский

У человека должны быть любимые произведения, к которым он обращается неоднократно, которые знает в деталях, и которые может вычитать в подходящий обстановке: окруженный в этом по поводу неспешно, то разрядить обстановку... то посмеяться, то просто выразить своё отношение к происходящему с вами или с кем-либо другим...

Д. С. Лядов

Если взять отзывы Пушкина о его современниках, то у нас создаётся впечатление, что он их презирал. Он жалел не только Жуковского и Тютчева, которых сразу заметил. Но наряду с ними жалел Туманского и Батюкова. Всегда даётся Дельтов и Кювельбаров. Почему? Они ему больше нравились, чем нам. С удовольствием читались, это впечатление к ним то больше, чем у нас. И он умел от этого взять полезное.

Мне часто приходилось читать книги Льва Николаевича Толстого. Он не закончил среднего учебного заведения. Но знал немецкий язык, как немец. Хорошо знал французский язык. Неплохо говорил даже по-английски. Он относился к шивгам своему как к людям, которые будут ему нужны всю жизнь.

Я помню библиотеку Малицкого, Хлебникова, Блока.

Все эти читали по-разному. Блок знал много. И всё время создавал ставал своё знание. Он знал античность. Он умел готовиться к поездке. Перед тем, как куда-нибудь поехать, скажем в Италию, в Флоренцию, он читал, что же он там увидит.

Малковский читал неожиданные для себя писателей, например, он знал Сумарокова. И читал из него стихи. Я даже запомнил: «Стихотворения дух, кельский дух... Язык, стихотворение — не в смысле написания в стихах, а творение слова. И Малковский, открывший книгу у меня в библиотеке, узнал стишки Сумарокова и начал читать. Для него это было интересно. Конечно, он знал много писателей — поэтов, он знал почти всех.

Иногда думаю, что Сергей Есенин мало знал. Это наверно. Он знал много. Когда я с ним познакомился, ему было что-то около двенадцати лет. Такой красавец из деревни. Он знал не только русских писателей, он знал французскую поэзию.

В. Шолохов

Павел всегда стремился открыть в мире прекрасное, муками доказывая людям, как важно и тяжело путь к крику, покаянию, смыслу жизни.

Поскольку же никто за эту близкую работу спонсору и по-настоящему ему не помог, что ждали странники Востока друг другу: «Борис...

обрадовать добрым словом встречного, может быть, в жизни не придётся больше пострадать.

В. Астафьев

Проверьте себя

1. Какие соавторы Н. Горького, К. Паустовского, Д. Лиханова канули вам в душу и какому из них вы симпатизировали больше?

2. Прочитайте предложения, объясните их смысл. Подумайте, как сложилась в них отношение народа к чтению и книге: русский — «Не на пользу читать, коли только терши дватать», немецкая — «В хороших книгах скот с рогами», английская — «Выбрай писателяй так, как выберешь друзей».

Назовите их или других писателей на эту тему? Какие? Назовите и объясните их.

ЗНАКОМИМСЯ С НОВЫМ УЧЕБНИКОМ

Рассмотрите внимательно учебник. Расскажите, с какими писателями и произведениями предстоит познакомиться впервые, какие справочные и иллюстративные материалы поместит в нём.

Обратите внимание, что литературоведческие термины объясняются в кратком словаре терминах и в справочном разделе теории литературы. Сведения о писателях, художниках, литературоведах можно найти в Интернете.

В конце каждой части учебника — информация о том, как читать свои произведения и на что обращать внимание при чтении текстов художественных произведений, вложенных в учебник. Там же — рекомендации по индивидуальной, самостоятельному чтению, статьи о литературных местах России, связанных с жизнью и творчеством писателей.

Мы желаем радостных встреч с новыми писателями и поэтами произведениями великих авторов. Пусть помогут они вам стать учеными и любознательными читателями, добрыми и интересными собеседниками, справедливыми и отзывчивыми людьми. Пусть растёт в ваших сердцах уверенность к человеку, уважение к его труду, любовь и это бесспорному делу!

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Долгие годы, передаваясь из уст в уста, из поколения в поколение, звучали в народе сказки и былины, пословицы и поговорки, песни и потешки, загадки и частушки, утешая, веселя.

Но вот в тяжёлые времена¹ монастырской начинают переписывать летописи, поучения. В X веке появляется древнерусская литература. «В ней сформировалось то удивительное чувство общественной ответственности предстателя, которое

стало характерной чертой русской литературы нового времени, — утверждает последователь древнерусской литературы Д. С. Лихачёв. — Именно в древней русской литературе складывается широкий и глубокий контакт между «облачным миром», который стал характерен для неё в XIX веке.

В древнерусской литературе сохранилось много похвал книгам. Царица Ольга сама писала. Летописец, хваля похвалить Ярослава Мудрого, отмечал, что он постоянно читал днём и ночью. Книжные царицы упоминаются на Русской земле, и сами летописания вместе с Киевом и Великим Новгородом завели Чернигов, Галич, Ростов, Владимир-Залесский. По свидетельствам литературоведов², над русской книгой трудилась масса. Добролюбов черниговский воспроизводил основной текст, старейший писец — записчик, заставочный писец — заставки и буквы, иконописцы и миниатюры — миниатюры; золотник покрывал золотом заставки и отдельные части миниатюр. Серебряник и сканный мастер³ оформляли оглобли.

¹ Война — военное время в летописях.

² Литературовед — специалист, занимающийся наукой о художественной литературе.

³ Сказ — сказание, сказка (то же самое, что и сказка). Сказ — сказка (сказка, в данном случае — сказка).

⁴ Золотник — специалист в области искусства — золотник, занимающийся искусством.

⁵ Сказ — декоративная роспись на основе или на фоне рисунка на тонких лентах, золотом, серебром, жемчужной или серебряной нитью.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПОВЕСТИ

Из «Похвалы князю Ярославу и книгам»

(Отрывок из «Молитвы временных дел»)

Велика бо благасть книги суть, ученье книжноту; книжми бо книжныи и ученыи люди пути показаша, мудрость бо обрешахъ и воздержанье от словесъ книжннхъ. Се бо суть рѣки, наполюши послешю, бо суть ископаша мудроститъ книжноту бо суть воздържанн глубина; сами бо в печали утѣшени есмы; отъ суть узда воздержаннхъ. Мудрость бо велика вещь... Аще бы пошесть на книжнхъ мудростн прашаемо, то бы рещени книжкы пошу души своей...

[Велика вещь бывает польза от учения книжноту: книжми воздържаныи и наученыи на пути показаша, ибо от самих книжнхъ обрешахъ мудрость и воздержанье. Это ведь реки, наполюши послешю, это ископаша мудрости; в книгахъ ведь познаниная глубина; сами мы в печали утѣшени; они — узда воздержанья. Велика вещь мудрость. Если прилежно шнщати в книгахъ мудрости, то найдешь великую пользу душе своей...]

?! Проверьте себя

1. Расскажите о книге о том, как и дружило трудилось над созданием книги, каковы жанры литературы включены в «Повесть временных лет». Используйте для этого статьи на сайте или материалы исследований древнерусской литературы.
2. Почему в начале и конце учения книжноту говорится, что книжми наставляются и пошесть на пути показаша?
3. Какое основное вышло промѣтного текста и сумели ли вы понять его на древнерусском языке? Прочитайте выразительно текст на древнерусском языке и тот же текст в пересказе.

Из «Поучения» Владимира Мономаха

Дети мои иде шиб кто, слушаю эту грамотку, не смеятесть надъ собою, не приидете же к вероце шиб и не шнщайте, но учедно трудитесь...

В дому своемъ не шнщайте, но за всемъ любиволайте, не шалагайтеся ни ни гнуна¹, ни ни штраки², чтобы приходящие к вам не осрамилась

¹ Гнуна — упрямый человек.

² Штраки — шоры.

ни над дномки кашки, ни над обедни кашки. На виину жайди, не ле-
нись, не надейтесь на ковок. Ни петью, ни еде не предавайтесь,
ни сивью. Сторожей сами сваржайте и ковько, со всех сторон рас-
ставяи охрану, докатись шело винок, а вляжайте ряно. Оружия не
скажайте с себя кланья, не позадывайте; ок лениги, выкапите ниц
человек посьбье. Дак остерпайтесь и пльветя, от торо душа паче
бает и тело.

Куда бы вы ни держали путь по своим зямлям, не даяйте огри-
кам причинять пред ни своим, ни чужим, ни елам, ни псовым, что-
бы не стали люди проклинать нас.

Везде, куда вы пойдете и где остановитесь, напоите и покормите
прошлого... Вста же более убогих не абыжайте и подавайте скре-
те, а вдовяцу рассудите сами, а не дайте сильным губить челове-
ка. Ни правого, ни виновного не убивайте и не поведывайте убить
его. Мы, люди, грешны, и если кто нам зло сотворит, то хотим его
поглотить, кровь его пропить скорей.

Если же вам придётся вкост целовать, то, проверив сердце своё,
целуйте только на том, что можете выполнить, а целовав, дободай-
те своё слово, ибо, нарушик клятву, посубите душу свою.

Гордости не имейте в сердце и в уме; свершны все, сегодня живы,
а завтра в гробу; мой, что нам живим, дано нам на мизки время. Не
увлекайтесь учить увлекавшихся властью, ни же что слышати всеобщ-
ный повет.

Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. Волон же вкост
чтите паче, откуда бы не к ним ни пришёл, прихлеводни ан, или
платный, или посал; если не можете почтить его подарком, то уго-
стите его пицей и питьём; ибо он, проходя, прославит человека по
всем зямлям или добрым, или злым.

Большого повестите, покойника проводите, ибо все мы смертны.
Не пропустите человека, не приветив его, и доброе слово ему молви-
те. Живу свою любите, но не дайте ей влякы над собой.

Если анбудете вы, то чини: переключайте жоло прямитку, тогда о
мне не будет стыдно, а моя будет хорошо.

Что умеете хорошего, того не забывайте, а чего не умеете, тому
учитесь — как отец мой, думя суди, хвалит нас ковок, истини и зеть
ему была от других стран. Славость жды мать вкосту дурному; что кто
умет, то забудет, а что не умет, тому не научитесь. Добро же тве-
ри, не делайте ни на что хорошее...

Размышляем о прочитанном

1. В чём смысл поучений Владимира Мономаха и почему на них можно вам небезразлично и сейчас? Как вы понимаете смысл этих слов: «страхъ бояни зѣдъ, не ѡдну, — и чужди, ни цѣди, ни казвѣши, зѣи цѣи и покоришѣ трѣщице», «убиша на поубишѣице»?
2. Как цитата звучит для вас? Прочитайте её с разным интонационным оттенком, о разных особенностях слова.

Творческое задание

1. Попробуйте сами составить небольшое поучение молодому брату, сестре или другу, используя несколько слов из «Пучины», на пример: «время во, зовышѣ, стѣице и др. (предпочтительно использовать не все).

2. Прочитайте сведения о жизни «Повесть о Петре и Февронии Муромских». Напишите небольшое сочинение о характере героев повести и их поступках.

Повесть о Петре и Февронии Муромских

Был в земле Русийской город, называемый Муром. В нём, как про сказывают, правил князь по имени Павел.

И вот случилось так, что дядька, человек несправедливой род чело-веческий, повелел в достоящего злата и стал прилетать к жене князя. Жене князя Павла он выдал в злате злата, злати же остальным продал, как и злато, злати же жене видны и женою слыши. Жена не стала от злата, что случилось в злато, в разсказала ему всё.

Князь задумался:

— Не знаю, что и сделать из злата, как убить его. Выспросил у него, от чего ему случилась смерть.

Когда тот злой язык опять правился к жене, она стала лгать ему и с потешным спросила:

— Ты много знаешь, аниши ли князю злато, князя или будет и от чего?

Добрый обман первой женою обманул лукавого обманщика, и по-нариком он открыл ей свою тайну:

— Смерть мне суждена от Петрова плеча, от Агриковой меча.

Мужья — старший братик. Рассказывает, что он полюбил молодую и злато. Он со-брат и злато и злато и злато, среди злато был и злато и злато.

Жена сообщила мужу, что князь ей явился, Князь же индивидуализирует, что слышит «от Петрова плеча, от Агрикова меча».

У князя Пинда был брат по имени Пётр, и князь рассказывал ему всё. Князь Пётр, услышав, что змей назвал его имя, начал думать, как бы убить его. Но его смущало, что он не знал, где раздобыть Агриков меч.

Была же вне города церковь Воздвижения. Пришёл в неё князь Пётр помолиться, и явился ему отрок, сказавший:

— Князь! Я покажу тебе Агриков меч. Иди за мной.

И показал ему скважину в алтарной стене между мозаиками¹, а в ней лежал меч. Доблестный князь Пётр взял меч и с того дня искал подходящего времени, чтобы убить змия.

Каждый день Пётр ходил к брату своему и к сестре приветствовать их. Случилось ему прийти в покои брата своего, и от него — в покои сестры. У неё увидел брата своего, от которого он только что вышел. Поняв пронырство лукавого змия, он, желая твёрдо убедиться, пошёл к брату и спросил его, выходил ли он на поединок своим. Тот ответил, что не выходил и у жены своей не был. Тогда князь Пётр сказал:

— Никогда не выходил на поединок своим. Я иду бороться с лукавым змием.

И, взяв Агриков меч, пошёл к покою к сестре. Там увидел он змия, видом подобного брату; но Пётр, свергну уверовавшийся, что это не брат, но лукавый змей, ударил его мечом. Змей обратился в свой естественный вид и пал мёртвым в судорогах, забрызгав князя Петра своим кровью. От той грязной крови тело Петра покрылось струпами и открылись язвы, и попала на него тяжкая болезнь. Стал он искать врачей, но ни один не мог ему помочь.

Прослышав, что в Рязанской земле много врачей, князь Пётр повелел везти себя туда, сама же он не мог сидеть на коне от своей тяжёлой болезни. Когда его привезли в Рязанскую землю, он послал своих приближённых искать врачей.

Юноша, слуга его, заехал в село Ласково. Подъехал он к воротам одного дома, во дворе не видит никого. Он вошёл в дом, мет искоты, кто бы ему услышал; лёг на полницу и увидел чудные картины: он двенадцать дверей, twelve пологов, а перед ним скачет змей.

И сказала девица:

— Пошёл дому без ушей, а корытце без ошей.

¹ Мозаика — орнаментический и, обычно, символический рисунок.

Юноша не понял её слов и спросил:

— Где хозяин этого дома?

Она же в ответ:

— Отец мой и мать ушли плакать в хаймы, брат же мой пошёл через воду смотреть смерти в глаза.

Юноша слова не понял её речей, только дивился, ведь и слыша такие чудеса, и сказал:

— Вышёл к тебе и вижу тебя за работой и зайца, скалущего перед тобой, и слышу странные слова и не пойму, что говорить.

— Чего же ты не понимаешь? Ты пришёл в дом, и я приказу твоему, и увидяши меня сидящей в простом платье. Если бы был во дворе пёс, он бычнул бы тебя и задал бы уши дома. А если бы в моей горнице было дитё, увидяши бы оно тебя и сказало мне: дитё — оти дама. А отец мой и мать пошли на похороны и там плачут, а когда бы иши смерти придёт, другим будет плакать над иши, ибо это иши хаймы. И говорю тебе о брате. Отец мой и брат — древаланы, в лесу они собирают с деревьев дикий мёд. Брат же мой пылче пошёл на своё дело, полза высоко на дерево и через ноги смотрит на землю, как бы не сорваться с высоты и не разбиться насмерть. Потому и я сказала, что он через ноги на смерть глядит.

Сказал ей юноша:

— Вижу, что ты дева мудрая. Расскажи мне своё имя.

— Меня зовут Фезриши.

— А в слуги муромского князя Петра. Князь тяжело болен. Веса покрыт угрушеньями и каками от крови сгоревшего летящего змея, которого убил своею рукою. У себя он не нашёл, кто бы излечил его. Потому велел приехать сюда сюда, слышал, что здесь много врачей. Мы не знаем, где они живут, и цурем их здесь.

— Тут сможет его вылечить, кто потребует князя твоего себе, — сказала девица.

Юноша спросил:

— Что такое ты говоришь — потребует тебе. Если кто илечит князя, он кто богаты одарит. Скажи мне имя врача, кто он и где живёт.

— Приведи князя твоего сюда. Если будет добросердечен и не замосмерен, то будет царем.

Юноша скоро возвратился к своему князю и поведал ему всё подробно, что видел и слышал от девицы. Пётр велел везти себя к ней. Привезли его во двор, он послал слуг своих спросить, кто же врач, который может излечить его, и обещал ему богаты одарить. Девица же без обещаний отвечала:

— Я — врач, на даром мне не паде. Моё слово таково: если не буду его супругой, нечего мне и лечить его.

Князь же Пётр презрёт её словами, подумав: «Как князю взять в жёны дочь деревеняка?» А сам послал к ней сказать:

— Пусть лечит, если излечит, то возьму её в жёны.

Когда ей сказала слова князь, она взяла маленький сосудец, почерпнула хлебной закваски, дунула на неё и сказала:

— Истопите своему князю баню и пусть помажет этой мазью свои струпья и язвы, но один струп пусть остаётся, и будет яденок.

Князь велел истопить баню и, жеман помыться, так ли мудре девица, как сказала княжна слуга, послал ей пучок льна, сказав:

— Слых девица лечит, чтобы я взял её в жёны ради мудрости её. Если мудра, то пусть, пока я лежусь в бане, срежет из этого пучка льна мне сорочку, порты и полотенце.

Девица, услышав слова князя, велела слуге:

— Пешай на печь и сними поленище.

Он падил её поленище. Она, отмерив пяди¹, сказала:

— Отсечь вот столько от поленища.

Когда же слуга сделал, как она повелела, Феврония сказала:

— Возьми чурочку, дай её князю и скажи: пока я лён очешу, пусть твой князь приготовит мне из этой чурочки ставок и всё снаряжение, чтобы я могла откатыть ему полотно.

Слуга принёс князю чурочку и передал ему слова Февронии. Князь же сказал:

— Иди, скажи девице, что невозможно сделать штанок из такой чурочки и в столь короткий срок.

Слуга вернулся к Февронии и передал ей речи князя. Феврония же ответила:

— А разве возможно в такой короткий срок из такого малого пучка льна откатыть изрядному мужнине сорочку, порты и полотенце?

Слуга снова пошёл к князю и сказал ему слова Февронии. Он же удивился её мудрости.

Помылся Пётр в бане и помазал язвы и струпья мазью, что дала ему Феврония. Только один струп, как она ему велела, остался непомазанным. Вышел он из бани, а наутро увидел, что всё тело адорошно и гладко, только остался тот струп, что ей не помазал. Дивился князь своему скорому исцелению, но не захотел взять Февро-

¹ Пядь — старинная мера длины, равная расстоянию между концами вытянутой пальцы — большого и указательного.

нию в жены из-за её низкого рода и послал ей дары. Она же не приняла их.

Поехал князь Пётр в свою отчину, в город Муром, и был совсем здоров. Но от непомазанного струпа и первого же дня стали расходиться струны на теле его, и вскоре он князь покрывая струнами и кивами.

Князь послал князя и Фефроню за медведицею. Принимая к её дому, со стыдом покаян к ней послал, прося вылечить его.

Фефрония же, немало не гневаясь, сказала:

— Вели будет мне супредам, будет печалити.

Тогда он дал ей тайное слово, что жальше ей и жины. Она же опять дала ему ту же жаль и сделала всё, как я раньше писал. Князь вскоре выздоровел и взял её в жены. Так Фефрония стала княгиней. Прибыли они в отчину свою, в град Муром, и жили благочестиво и праведно.

Вскоре скончался князь Павел, в котором речь была правде, и князь Пётр стал самодержцем в городе Муроме. Болре муромские неважнобили Фефронию из-за наветов своих жён, ибо те не хотели, чтобы государыней над ними была перодовитал. И стали они наговаривать на неё князю:

— Она за столом не умеет сидеть. А перед тем как встать, собирает со стола крики, как голубица.

Князь Пётр захотел принять свои княгиню и повелел Фефроню обедать за одним с ним столом. Когда кончился обед, она собрала в руку крики, по своему обыкновению. Князь Пётр взял её за руку, разжал её пальцы и увидел на её ладони зёрна благоуханного ладана. С того дня он больше её не винятыжал.

Через некоторое время пришла к нему болре к князю и говорила:

— Хотим служить тебе во приде как нашему самодержцу, но не хотим, чтобы княгиня Фефрония была государыней над нашими жёнами. Если хочешь быть самодержцем, найди себе другую княгиню, а Фефрония пусть возьмёт себе богатство всякого и идёт куда хочет.

Владевший¹ князь Пётр никогда не впадал во гнев и спокойно ответил:

— Скажете в том Фефронии, послушаем, что она скажет.

Пенстовые же болре, потеряв всякий стыд, устроили пир и, когда охмелели, начали как псы лаять и говорить:

¹ Владетель — князь, суверен.

— Господина княгиня Феvronия! Всем народ и бояре говорят тебе: «Дай нам то, что мы у тебя просим».

Она ответила:

— Возьмите, что просите.

Они все в один голос закричали:

— Мы, госпожа, все хотим князя Петра, пусть будет самодержцем над нами. Но наши жены не хотят, чтобы ты была госпожою над нами. Возьми богатство всякое и уходи куда хочешь.

Феврония ответила:

— Обещали вам, что вы получите то, что просите. Дайте же и вы мне, что я попрошу у вас.

Они же, злодеи, обиделись, не видя будущего своего, и клятвенно обещали ей беспрекословно дать то, что она попросит. Она сказала:

— Ничего не прошу себе, только супруга моего, князя Петра.

— Если сам захочет, не будем спорить, — ответили бояре.

Давша надежду им: если не будет князя Петра, то поставят себе другого князя. И каждый боярин в уме своём хотел стать самодержцем.

Блаженный князь Пётр не мог оставить жену свою ради княжества и решил поклясться Муром.

Злочестивые бояре приготовили из суда на реке, ибо под Муром течёт река, палычская Она. И поплыли они вниз по реке.

Когда пришёл вечер, пристали они к берегу. Князь же Пётр начал думать: «Что будет дальше? Сам я своей волей отказался от княжества».

Княгиня же Феvronия, поняв его мысли, сказала:

— Не скорби, князь, милостивый Бог не оставит нас в нужде.

Когда готовили ужин, повар срубил ветки и повесил на них котлы. После ужина княгиня Феvronия ходила по берегу и, увидев срубленные ветки, благословила их и сказала:

— Пусть вырастут из них внутри высокие деревья с ветвями и листьями.

Так и сбылось. Веток утром, вышло, что те ветки стали большими деревьями.

Когда ступи стали складывать пакетики в суды, чтобы пойти дальше, пришли вельможи на Муром и сказали:

— Господине князь! Мы пришли к тебе от всех вельмож и от всего города. Не оставляй нас сырым, жидарничайся и отычества свой. Многие вельможи в городе друг друга перебивали, ибо каждый хотел стать

«Повесть о Петре и Февронии Муромских».
Художник А. Гаврилов

самодержцем, и все от меча погибли. Оставшиися в живых все мы, хоть и прогневали тебя, молим тебя и твою княгиню: не оставайте нас, рабов своих, хотим вас, и любим, и просим.

Вернулся в Муром князь Пётр и княгиня Феврония. И княгиня во грехе воз как щадящими оуд и маеть. Повея рожки дубица, только не любила гордости и гробежа. Принимали странников, нащивали голодных, щивили нищих, выбавляли нечестных от нещивей.

Когда же подошёл конец их жизни, они стали молить Бога, что бы им преставиться в один час. И повелели вытесать из одного большаго камня еднѣнѣ тѣмъ с гризидоу покрывати в ямѣ тѣмъ положить тела их в том гробу. Сами же в одно время облачились в нечестные одежды и приехали манастиство. Князь Пётр был наречен Давыдом, а княгиня Феврония — Евфросинией.

Феврония, нареченная Евфронией, вышивала для соборного храма Богородицы коздук¹ с лицами святых. Влаженный же князь Пётр, нареченный Давыдом, прислал к ней сказать:

— Святая Евфрония! Душа моя уже хочет покинуть тело, и я жду тебя, дабы вместе стоять.

Она же я ответи:

— Подожди, господице, допью я покров в сытую перхаль.

Он вторично пишет к ней:

— Ещё недолго мне ждать тебя.

И третий раз пишет к ней:

— Уже мне мой пришла, не могу больше ждать тебя.

Она же закончила коздук, вышила у себя в комнате на вышивальном резы, Кочник вышила лица, вышила и покров свою и обмыла догору своё платье, которой шила, и послала к близкому Петру, нареченному Давыдом, о том, что они готовы преставиться вместе с ним. Намолившись, предала оба вместе чистые свои души в руки Господи землянок в 25-й день.

После их преставления захотели люди похоронить Петра внутри города, в соборной церкви Пресвятой Богородицы, в Февронию — вне города, в земляном захоронении, в церкви Владычицы. И сделали им деревянные гробы и положили их рядом. Общий же гроб, который они пожелали нести на священном камне, остался стоять пустым в соборной церкви внутри города.

Наутро людям увидели, что их гробы пусты и тела их обрываются внутри города, в соборной церкви, в едином гробе, который они пожелали для себя нести. Перезумные люди, которые и при жизни хотели не расстаться, не хотели похоронить их вместе и после их преставления. Они снова переложили их в отдельные гробы и опять развели по разным местам. И снова, внутри города, их в едином гробе. Уже больше не осмеливались приступить к святым их телам и положили их в едином гробе, так она сама пожелала, в соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы внутри города. И лежат они там на праведности и на спасение граду тому.

Размышляем о прочитанном

1. Какими чувствами пронизаны поступки святых людей?

¹ Коздук — покров для лица.

- 2*¹ Похожи ли Феврония на типичных русских «испод-ниже молчаливых» женщин? Чем? Какие сказочные приёмы использованы героиней-использовал автор повести? Какие особенности речи Февронии и как они её характеризуют?
3. На что надеялась Феврония в трудные минуты гнева?
4. Почему великодушный народ города стал просить героев вернуться назад?
5. Что вы могли бы сказать о характере главных героев книги и их поступках? Чем важен для нашего времени и истории наш Пётр и Феврония? Чему вы учили?
6. Найдите в газетных ресурсах Инстаграм (<https://www.instagram.com/12172>) определение драматургического жанра «жизнь». Какие черты этого же драматургического жанра для «Повести о Петре и Февронии Муромских»?

Творческое задание

Какие провозглашения мировой литературы о любви и верности, преданности испытаны, книга «Повесть о Петре и Февронии Муромских»? Подтвердите своим сообщением на эту тему.

Фильмография

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

«Повесть о Петре и Февронии Муромских»

1. Какие интонации преобладают в чтении народной артисткой России Анисей Покрышкиной драматургической пьесы о жизни святых? Чем они отличаются от обычных интонаций? Как вы думаете, в чём причина отличий?
2. Какие чувства переживает актриса, читая заключительные строки повести, рассказывающие о последних днях гнева Петра и Февронии?
3. Какие качества человеческого характера актриса прославляет повестью, а какие осуждает? Какими средствами выразительно-выразительной актрисы подчёркивает, усиливает авторскую оценку душевных качеств героев повести?

¹ Драмма – одна из видовых разновидностей задачи повествовательной сложности.

² Житий – жанр средневековой литературы. Жанр, в котором описывался жизнь святых, блаженных, подвижников, деяния их, сведения о жизни.

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Александр Сергеевич ПУШКИН

1799—1837

А. С. Пушкин,
художник
А. А. Рубинский, 1827,
Москва

12 августа 1811 года Александр Пушкин выдержал экзамен и был принят в Лицей в числе 30 воспитанников (закончили Лицей при первом выпуске 29 юношей). 19 октября состоялось открытие Лицея¹. Этот день стал священным для Пушкина, который впоследствии предал ему значение огромного исторического события в жизни России и в своей судьбе, воспев его в стихах.

Обстановка открытия нового учебного заведения была торжественной: воспитанники, преподаватели и именитые гости, приглашённые в актовом зале, увидели большой, покрытый красным сукном с золотой бахромой стол, помещённый между колоннами, а на нём роскошно убранную грамоту об основании Лицея. Значительность совершаемого действия подчёркивалась присутствием государя императора и высших чиновников государства. Это чувствовали и лицеисты, и их профессора и наставники.

Сначала слово было дано директору Лицея В. Ф. Малиновскому, сыну которого, как и Александру Пушкину, предлагалось обучаться в Петербургской гимназии. Профессор Н. Ф. Кошарский представил лицеистов Александру I. Гарячую речь произнёс профессор А. П. Кунцын.

По пунктиру в Лицей воспитанникам объявили правила поведения и распорядка пребывания.

¹ Пушкински Ю. М. Лицейский этап в жизни Александра Сергеевича Пушкина и том, что немалый юра делами для него был Лицей.

Воспитанников обучали в зимние двухпарные уроки с крыльями стеллини мартовскими, с крыльями вышиты на манжетах, каждый носил синий суконый офлет с блестящими гладкими пуговицами, длинные панталаны синего сукна; ноги обули в полусапожки.

Лицей им объявили, что до окончания пятилетнего срока обучения сюда не должны походить Лицея или высылать на него. Разрешением разрешалось посещать воспитанников только по праздничным дням.

День лицейских занятий начинался в шесть часов утра. После утренних процедур плавание или шашки на коньках. С семи до девяти — завтрак (скажишь). В девять часов утра — чай. С десяти до двенадцати — снова занятия. От двенадцати до часу — прогулка. В час — обед. От двух до трёх дня — часотопление или упражнение. От трёх до пяти — другие уроки. В пять — чай и затем (до шести) прогулка. Девять до десяти вечера — вспомогательный класс (повторение уроков). В половине десятого — ужин. После ужина до десяти — отбоя. В десять лицейцы шли на вечернюю молитву и потом отходили к сну. Утреннюю и вечернюю молитву читали по очереди.

Пушкин занял комнату с 14-м номером. По соседству с ним была комната Пущина.

Программа Лицея включала разнообразные предметы. Первые три года Пушкин изучал русский, латинский, немецкий и французский языки, математику, словесность, историю, географию, нравственные науки, статистику, изящные искусства, занимался рисованием, пением, танцами, гимнастикой, фехтованием, верховой ездой. Обязательными были занятия на первых трёх курсах, следующие три курса включали выборочное изучение наук. Занятия продолжались с 1 августа по 1 июля. Канкулы устраивались раз в году (с 1 июля по 1 августа).

В Лицее существовала благоприятная атмосфера для развития творческих, художественных и иных способностей воспитанников.

Профессора благосклонно относились к сочинениям стихов, к занятиям искусством и всячески поощряли воспитанников. В Лицее почти все писали стихи, а у Пушкина была своя газеточка. Ученики были тихими, энергичны, проявляли исключительное внимание и дисциплинированность и уважали их личное достоинство. Они утвердили в Лицее дух чести, товарищества, лицейского братства, воспитывали в лицеях независимость суждений и убеждений, принимали участие в гражданстве к конституции, на добродетель, бедности, чинопочитанию и требовали от воспитанников ответственного отношения к словам и поступкам. В Лицее царил культ дружбы, а Пушкин любил: «не сараям моя слава была». Его любимым другом стал Давыдов, поэт сохранил дружеские связи с Крыловым, Воронцовым, Пущиным, Малиновским и другими воспитанниками.

«Пушкин на лицейском экзамене в Царском Селе 5 января 1815 года.
Художник А. Е. Гинин»

Лицей был основан в ту пору, когда Россия переживала национально-патриотический подъём. В стране возникли идеи отмены крепостного права, ограничения власти царя, мысли о главенстве законов и строгом их соблюдении. Крупнейшим историческим событием стала Отечественная война 1812 года, выстоявшая войско народа, вставшую на защиту Отечества иждавшую поражения захватчиков. Лицейсты вместе со всеми радостно, восторженно праздновали победу русского оружия, изгнание Наполеона с родной земли и взятие Парижа. Об этих событиях Пушкин написал в стихотворении «Воспоминание в Царском Селе».

Пушкин навсегда остался верен свободоловному духу Лицея, лицейской дружбе. Он считал Лицей родным домом своей юности, а Царское Село — колыбелью своей муз, «Отечество нам Царское Село», — скажет он спустя годы.

Первый выпуск Лицея состоялся 9 июля 1817 года. После окончания семнадцать человек зачислили в гражданскую, двенадцать — в военную службу. Пушкин был направлен в Коншегское иностранное дело.

После выпуска все собрались у директора Лицея Энгельгардта, чтобы провести вместе последний лицейский день.

В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ А. С. ПУШКИНА

Без особой причины никогда он не изменял порядку своих занятий. Всегда утро посвящал он чтению, вильским, составлению планов или дру-

той умственной работе. Вставая рано, тотчас принимался за дело. Не кончив утренних занятий своих, он болтал одеться, чтобы преждевременно не оставить кабинета для прогулки. Перед обедом, который откладывал до самого вечера, прогуливался во всякую погоду... Писать стихи любил он преимущественно осенью...

Н. А. Некрасов

...Он носился во сне и наяву целые годы с каким-нибудь созданием, и когда оно дозревало в нём, вылилось перед духом его уже созданным вполне, но выливалось пламенным потоком в слова и речь; вылилось мгновенно стынит в воздухе, и создание потома.

В. М. Джек

...Труд был для него святынью, куньей, в которой всцвикилось явь... Когда чувл он налет вдохновения¹, когда гримасился на работу, он устонавался, мужал, перерождался...

Л. А. Вилковский

Изю всех вреён года он любил более всего осень, и чем хуже она была, тем для него была лучше. Он говорил, что только осенью овладывает им бес стихотворства, и рассказывал по этому поводу, как была им написана последняя в то время поэма: «Полтава». Это было в Петербурге. Погода стояла отарательная. Он уселся дома, писал целый день. Стихи ему презлились даже во сне, так что он ночью вскакивал с постели и записывал их впотымак. Когда голод его прохватывал, он бежал в ближайший трактир, стихи преследовали его и там, он ел на скорую руку, что попало, и убегал домой, чтобы записать то, что набралось у него на бегу и за обедом. Таким образом слогались у него сотни стихов в сутках. Иногда мысли, не укладывавшиеся в стихи, записывались им прозой. Но затем следовала отделка, при которой из набросков не оставалось и четвёртой части... Несмотря, однако же, на такую работу, он кончил «Полтаву», помнятся, в три недели...

М. В. Кудряков

Как же сам Пушкин говорил о своём труде, о вдохновении? Прочитаем строки его поэтических воспоминаний:

...в сладкой тишине
Я сладко усыплён моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне!
Душа стивняется анрическим колчаньем,

¹ Вдохновение — творческий порыв, подъем, творческое озарение.

Трепещет и звенит, и идет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявлением —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.
И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие неостережённы бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут...

Проверьте себя

Что нового о Пушкине сообщили вам каждый из отзывов и чьё высказывание ближе вашему пониманию поэта? Чем интересны для вас жизнь и личность Пушкина?

Творческое задание

Вы прочитали строки стихотворения, в котором Пушкин рассказывает о том, как к нему приходит вдохновение. На что вы обратили особое внимание? Сформулируйте ответ на вопрос: а чём своеобразно творческая работа А. С. Пушкина?

Литература и другие виды искусства

Используя ресурсы школьной библиотеки и Интернета, найдите и рассмотрите репродукции портретов поэта, фотографии памятных ему. Подготовьте сообщение-рассуждение на одну из тем: «Портреты поэта», «Памятник Пушкину», «Каким я представляю себе Пушкина (на выбор)».

ЛИЦЕЙСКИЕ ГОДОВЩИНЫ

День основания Лицея — 19 октября 1811 года — ежегодно отмечается лицейцами торжески: выпуск. Пушкин бывал на лицейских собраниях в 1817—1819 годах, в 1820—1826 годах отмечал «Лицейский день заветный» в одиночестве, каталогизировал стихи друзей и послал им приветия в стихотворениях, посвящённых лицейским годовщинам. В 1827 году, возвратившись из ссылки, он празднует «забытую» годовщину Лицея — 10 лет со дня его основания. День Лицея празднует вместе с друзьями лицейцами в 1832, 1834 и 1836 годах. Лицейским годовщинам Пушкин посвящал несколько стихотворений: «19 октября (а Родина лес бы ринный мой убоа...», «19 октября 1827 года» («Бог помочи вам, друзья мои...»), «Чем чаще празднует Лицей...», «Был я тогда: наш праздник молодой...».

ЛИЦЕЙСКИЕ ПРОФЕССОРА

Воспитание лицейцев возлагалось на шестерых профессоров, священнослужителя, преподававшего Закон Божий, двух адъюнктов¹ и шестерых учителей народных искусств и гимнастических упражнений.

Пушкину особенно запомнились А. П. Кунцын, читавший нравственные и политические науки; Н. Ф. Кошанский, преподававший латинскую и русскую словесность; А. И. Гален (он заменил заблаговременно Кошанского), знаток древнего и нового искусства; Д. И. де Будан, знавший лицейцев с французской словесностью; Ф. М. Гаусеншльд, профессор немецкой словесности; И. С. Кайданов, профессор исторических наук, лекции которого были интереснее его учебников. В числе преподавателей был и профессор математических и физических наук Я. И. Карцов.

В рукописной редакции стихотворения к 19 октября (1825) Пушкин писал:

Наставникам, краинишим юность нашу,
Всем честно — и мертвым и живым,
К устам подыме гражданельную чашу,
На помя зла, за благо воздадим.

? Проверьте себя

1. Вы прочитали статью о лицейских годах А. С. Пушкина (лицейских учителях, друзьях, лицейских праздниках). Какие различия вы заметили у вас при сравнении с великим русским поэтом?
2. Расскажите о Лицее (скажите на русском языке название этого учебного заведения) — кем интересен о бытии его отпрыски: каковы были условия учебы, одежда лицейцев, режим в Лицее; к чему принадлежал Лицей по своему типу; что действовало преподаватели и какие предметы и др.). Вспомните, как рассказывал Иванова о лицействе.
3. С кем из лицейских друзей Пушкина вы знакомы?
4. Что вы можете рассказать о лицейских профессорах?
5. Как относились студенты к лицейским праздникам?

ЛИЦЕЙСКАЯ ЛИРИКА

В лицейской лирике Пушкина преобладает поэзия, славящая наследственные знания с их радостями и невзгодами. Поэт сподрует лирику Дерматана,

¹ Адъюнкты — должность секретаря и заместителя преподавателя (лат. adjungere — присоединять).

Жуковский, Батюшков. Подлинный поэт, по его мнению, творит по вдохновению. Пушкин-лицейскт пробует перо в различных жанрах: от оды до романа, эпитафии и сказки. Любимым жанром раннего лицейского периода становится дружеское послание («К Наталье» — первое стихотворение поэта, «К другу стихотворцу» — первое «элегантное произведение»).

В обращениях к друзьям («Товарищам», «В альбом Пушкину», «Кюхельбекеру») возникает тема Лицея, которая будет жить и в поздних стихотворениях поэта.

Творческое задание

1. Что интереснее для вас: лицейский период жизни А. С. Пушкина (особенности организации жизни в Лицее, обучение)?
2. Подружитесь с датским поэтом (на основе презентации в классе) или с лицейским товарищем (о котором вы прочитали на уроке).
3. Рассмотрите фотографии Лицея и портреты лицейских — друзей Пушкина. Прочитайте стихотворение «Мой друг, мой друг бесценный!» А. С. Пушкина. Подружитесь с ним и сделайте анкету напечатанном стихотворении (ссылка: <https://dokladniki.ru/2151/>).

Стихотворения

Портрет А. С. Пушкина.
художник Ф. Коровин

«М. И. Пушкину» (1825). Другам из лицейского братства Пушкин посвятил много произведений. Стихотворение «М. И. Пушкину» («Мой поэтический друг, мой друг бесценный!...») было передано Пушкину, сосланному в Финляндию.

Стихотворение пронизано чувством благодарности другу за то, что тот его навещал в трудные годы ссылки в Михайловском. Поэт надеется, что и его послание принесёт Пушкину удовольствие, осветит его дни «лучом лицейских юных дней».

Прочитайте это стихотворение. Подумайте, какими средствами художественной выразительности поэт высказывает своему грустному наставнику радость встречи двух лицейских друзей.

И. И. Пущину

Мой первый друг, мой друг безотечный!
 Не судьбу бы ты поминал,
 Когда мой двор уединенный,
 Неизлечным светом лишенный,
 Твоей вполколымаж отяжел,
 Моем скитанье преклоняя:
 Да голбе мой душе твоей
 Дарует ты же утешенье,
 Да взарит он заточенье
 Лучом лицейских ясных дней!

Формирование

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

«И. И. Пущину»

1. Какими средствами художественного чтения актёру удалось передать настроенно-смысловую суть и благодарности другу из письма в Михайловском?
2. Какие чувства передал актёр во второй части стихотворения?
3. Подумайте: марши что вы читали стихи вслух? Вспомните «мощный слог» в друзья, поддержку, стихи утешили, ободряли: и дайте иму другу.

«19 октября» (1825). В послании «19 октября», первом стихотворении, посвященном лицейской годовщине, Пушкин, вспоминая друзей-лицейцев, славил дружеский союз («приветствуй наш союз»), лицейское братство, которое помогает противостоять натиску «судебницы» и даже усмирить её огнес. Он приветствовал гир экзаны, наслаждение се радостями, творчеством и общением родственных душ. Поэт был уверен, что заточение скоро закончится и свобода стоит на пороге его дома:

Пора и мне... пируйте, о друзья!
 Предвзвустую отрадное свиданье:
 Вспомните ж окая предсказанье:
 Промчится год, и с вами снова я,
 Исполнится завет моих мечтаний;
 Промчится год, и я явлюся к вам!

Стихотворение отражает и признаи мучника творческих сил поэта, панного неволья, навязанных долгие замыслов.

19 октября

Резает лес бурьян свой убор,
 Среbrит мороз увянувшее поле,
 Проглянет день как будто пошеволе
 И скроется за край окружающих гор.
 Пылай, камин, в мойя пустынной келье;
 А ты, пиво, осенней стужи друг,
 Прольей мне в грудь втрадное похмелье,
 Манутое забвенье горных муз.

Печален я: со мною друга нет,
 С кем долгие днила бы я разлуку,
 Кому бы мог позвать от сердца руку
 И пожелать иных многи лет.
 Я два очна; ница жебразенные
 Вокруг меня товарищей зовёт;
 Знакомое не слышно приближенье,
 И милого душа моя не ждёт.

Портрет Н. А. Кириллова.
 Художник К. К. Зайцев. 1826

Портрет Ф. Ф. Михайлова,
Освобождённый художник, 1850-е годы

Я пишу один, и на брегах Нева
Моя дружба сыпалась исконно...
Но многие ль и тим их нас нарушит?
Варь ного не десчитались на?
Кто нанесёт пленительной прищипки?
Кого от нас уйдёт холодный свет?
Чей глаз умалит на братской перекличке?
Кто не пришёл? Кого жем нам не нет?

Он не пришёл, кудрявый наш певец¹,
С огнём в очах, с гитарой оладкогласной:
Под миртами² Италия прекрасный
Он тихо шип, и дружеский ревец
Не замертал над русской могилкой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашёл правец улыбай
Сын снора, браня и крава кужим.

¹ Николай Александрович Кюрасов (1800—1820) — русский поэт, композитор и любимый друг Пушкина. Умер в 1820 году от чахотки.

² Мирта — род кустов вечнозеленых древесных растений с белыми плоскими цветками.

Спадишь ли ты в кругу своих друзей,
 Чужих небес любимник бесконечный?¹
 Или снова ты проходишь тропки знойной
 И печальный лёд полуночных морей?
 Счастливым пути... С лицейскими парочка
 Ты на корабль перекинулся плутом,
 И с той поры в морях твоя дорога,
 О волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
 Прекрасных лет первоначальны права:
 Лицейский шум, лицейские заботы
 Среди бурных волн метельной тобы:
 Ты простирал из-за моря нам руку,
 Ты нас одних в жадной душе носил
 И повторял: «На долгую разлуку²
 Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!
 Он как душа неразделим и вечен —
 Незколебим, свободен и беспечен,
 Стрелился он над сными дружеских муз,
 Куда бы нас ни бросила судьбина
 И счастливо куда б ни повела,
 Всё же нас мы: нам земля и мир чужбина;
 Священно нам Царство Небесное.

На край в край преследуем грозой,
 Запутанный в сетях судьбы суровой,
 И с трепетом на лоне дружбы повою,
 Устаю, приник ласкающей главой...
 С мольбой моей печальной и мятельной,
 С доверчивой надеждой первых лет,

¹Фёдор Фёдорович Моголицкин (1798—1872) — русский адмирал, лицейский друг Пушкина. На момент создания стихотворения находился в дружеском пленении.

²Из поэмы «Борис Годунов» — стихотворение Моголицкина, которое Пушкин переделал по мотивам Царствования Лжедмитрия II. А. А. Дельвиля:

Судьба на венчере разлуку,
 Быть может, здесь соединит нас.

Пушкин А. А. Дельвиля (из музыки В. Тинькова до Фредериксы) была похоронена среди англичан и испанцев при матушке.

Портрет А. Н. Горчакова.
Неизвестный художник. 1810-е годы

Друзьям своим душой принадлежи нежной;
Но горек был небратский их приезд¹,

И ныне здесь, и забытой сей глуши,
В обители пустынных впаде и впаде,
Мне сладкая готовилась отрада:
Тронк извне, друзей моей души,
Здесь обнял и. Поэта дом опальный,
О Пушкин мой, ты первый посетил:
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны² блеск холщевый
Не изменил души твоей свободной:
Вей тебе жем ты для чести и друзей.

¹ Друзьям своим душой принадлежи нежной. / Но горек был небратский их приезд. — Пушкин вспоминает здесь о предательстве А. Н. Гаврилова (он отправлен «Кавказ-остан») и Ф. Н. Толстого, слугами Пушкина притесняют расстрелянного полковника Толстого Афанасия, с которым дружит в юности, а в 1814 году переехал на Александров остров, да что толку прожить омерзевшим.

² Фортуна — в римской мифологии богиня счастья, славы и войны.

Портрет А. А. Дельюга.
Хромова В. Л. Москва. 1899

Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись,
Но незаметной просёлочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех тужой, как сирота бездомной,
Под бурю тяжкой валил я томной
И ждал тебя, концун¹ пермских дней².
И ты пришёл, сын дна кохновенный,
О Дельюга мой: твой язык пробудил
Сердечный жар, так долго усыпанный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песни в нас горел,
И дивное волнение мы познали;
С младенчества две музы к нам встали,
И сладок был их лаской наш удел.
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, шел для муз и для души;
Свой дар как жизнь и тратил без князанья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

¹ Концун (узел) — то же, что предзнаменье.

² Пермские дни — день, который у реки Пермы, обозначил начало Перми.

Портрет В. К. Кавальчука.
Художник А. М. Жданович, 1906

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво;
Но совесть нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Особенным — не поздно и уныло
Глядя назад, следов не видя там,
Сквозь Валычельм¹, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по муже, по судьбам!

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим наоблаченные
Сокровен жажну или сны уединенныя!
И иду тебя, мой неподалекий друг —
Предан, огнем величавого расщипа
Сердечные предания ожени;
Поговорим о бурных днях Кипкоав,
О Шиллере², о славе, о любви.

¹ Валычельм, Владимир — Владимир Карлович Кавальчук (1897—1943), поэт, прозаик, драматург.

² Фридрих Карл Фредрих Шиллер (1759—1805) — немецкий поэт, драматург, философ и историк.

Паро и вин... паруйте, о друзья!
 Предупетвую отрадное свиданье;
 Запомните ж поэта предсказанье:
 Промчится год, и в язык слова я,
 Исполнится завет моих мечтаний:
 Промчится год, и я палюся к вам!
 О, сколько слёз и сколько воспоминаний,
 И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую палней, друзья, полней!
 И всю до дна в честь нашего союза!
 Благословя, ликующая муза,
 Блаженными да хрюклеткует Лицей!
 Наставникам, хранящим весть нашу,
 Всем честно, и мёртвым и живым,
 К нам из подъян приятельскую чашу,
 Не помяя зла, за благо водводим.

Полней, полней! и, сердца полгоря,
 Опеть до дна, до капли выпивайте!
 Но за кого? о други, угадайте...
 Ура, наш царь! так! выпьем за царя,
 Он человек! им плещет мновенье,
 Он раб молвы, сомнений и страстей;
 Простим ему неправое гоненье:
 Он взял Париж, он основал Лицей.

Паруйте же, пока ещё мы тут!
 Уны, наш круг час от часу редет;
 Кто в гробе спит, кто дальный сыроует;
 Судьба плещит, мы живем; дни бегут;
 Невдалеко склонимся и зладен,
 Мы близимся к началу своему...
 Кому ж на нас под старость день Лицей
 Торжественноать придётся одному?

Несчастный друг!¹ среди пошых поколений
 Докучный гость и лишний и чужой,

¹ Давыдовский друг... — имя персонажа по повести Алексея А. Н. Тургенева, издатель в 184 году.

Он вспомнит нас и дни соединений,
 Закрыв глаза дрожащею рукой...
 Пускай же он с отрадой хоть печальной
 Тогда свой день из жизни проведёт,
 Как ныне я, затворник ваш опальный,
 Его провёл без горя и забот.

Размышляем о прочитанном

1. С какими чувствами поэт вспоминает лицейское братство?
2. Как бы друзья складывали пепел на пыльном камне? Что бы с ним сделали?
3. Как бы понимали слова: предельноны, кабыло, опальныйны?
4. Какие чувства вызывают у поэта воспоминания о дружбе?

* * *

На холмах Грузии лежит ночная мгла...
 Шумит Арагва предо мною,
 Мне грустно и легко; печаль моя светла;
 Печаль моя полна тобою,
 Тобой, одной тобой... Унынья моего
 Ничто не мучит, не тревожит,
 И сердце вновь кохлет и любит — оное,
 Что не любить оно не может.

«На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (1829). В стихотворении отсутствуют яркие и красочные эпитеты. Только две метафоры — «лежит... мгла» и «сердце... горит», но они панвежны, широко употребительны в литературной разговорной речи. Все слова и выражения просты: «Мне грустно и легко...», «Унынья моего / Ничто не мучит, не тревожит...», «...Что не любить оно не может». Но вместе они складываются в один музыкальный образ светлой и тихой печали. Любовь, пришедшая к поэту, от него не зависит — виновато сердце. И поэт невольно возмужал этой складывающейся сердце «кохлет» и «любит».

Панвежно пейзажу и с исключительным значением: интимный мир души. Оба неживыны. Их соединит спокойствие, укрепление. Но соединение природы (личная мгла) не сходно с переживаниями сердца (слезы или светла). Вызвано это тем, что природу созерцает навальным любовью душа. «Сердце... горит и любит», несмотря на то что ему нет ответа. Не разделённая любовь вызывает печаль, грусть, уныние. Горой испытывает

противоречивые, контрастные настроения — «грустно» и «легко», «печаль» и «светло».

Для поэта-романтика эти образы и мотивы служили бы выражением разобщённости героя с возлюбленной и с миром, одиночества, невозможности достижения идеала. У Пушкина иначе: отсутствие взаимности не вносит в душу героя разлад, не отдаляет его от мира. Герой мысленно соединяется с возлюбленной, хотя она и осталась к нему неблагоприятной («Печаль моя полна тобою, / Тобой, одной тобой...»).

Любовь героя, даже если она безответная, смягчает страдания, вытесняет неразделённость чувств. Не отменяя ни грусти, ни печали, она рождает новые переживания, обогащается новыми оттенками. Поэт с некоторым удивлением замечает, что «грусть» его «легкая», «печаль» «светлая», что «кумилы» мои: / Ничто не мучит, — признаёт...». Так выключаются необычные поэтические соотношения: «грустно» и «легко», «печаль» моя «светлая». В них контрастные чувства сливаются и становятся неразделёнными. Поэт примерил противоречия в душе, гармонизировал их и передал гармонические отношения героя с миром. После Пушкина эти, казалось бы, странные сочетания стали обозначать сложные поэтические сочетания в больших чувствах, остающимися несоосуществимыми.

Чувство, которое выражено Пушкиным, принадлежит именно ему. И вместе с тем в этом конкретном чувстве каждый узнаёт нечто ему близкое. Жизненное переживание послужило лишь прототипом переживания художественного, в котором обобщён духовный опыт Пушкина. В жизни каждое чувство сопряжено с массой несудимых потребностей. В поэзии оно трансформируется, очищается от всего постороннего и потому ненужного. Великая тема, не тронутая и глубоко раскрытая Пушкиным, — тема страдания и музыки. Мы не можем перестать обращаться к этому пушкинскому шедевр.

«Во глубине сибирских руд...» (1826). В 1826 году ссылка Пушкина в Михайловский замок. Умер Александр I, и российский престол занял новый император — Николай I, при вступлении на трон на царский престол он провозгласил провозглашение добрых, желанных улучшений государственного порядка в России. Николай I подавил восстание: пятеро из бунтовщиков были казнены, а остальные сосланы и лишены дворянского достоинства. Николай I в то время был очень нужен — опытный Пушкин, чтобы смягчить тягостное впечатление общества от казней и наказания восставших дворянств. Он должен был привести Пушкина из Михайловского в Москву, где была назначена коронация. Царь надеялся, что, освободив поэта из ссылки, он привлечёт его к себе и тем даст понять обществу, что будет править справедливо и милосердно.

Пушкин действительно долго беседовал с царём и не скрывал от него, что если бы был в Петербурге, то встал бы в ряды восставших. Николай I специально аккомпанировал воюю, прибегая в о и обещаясь быть его личным пенциаром. Пушкин согласился терпимо и с гододою от юсаться к общему императора править во благо России. Мир Пушкина с властью был восста-кован. В парамь годы Пушкин ни таважно власть, самая критикой и при-водил царя в качестве примера для подражания Петра I. Однако он не был согласен с Николаем I, когда тот расправился с декабристами, считая, что они должны были быть прощены, потому что их подвиги не восста-ние «дум высокое стремление». В этом Пушкин был убежден до конца своих дней. И когда представился случай — в начале января 1827 года А. Г. Муравьева отправилась на каторгу к мужу. — Пушкин передал с ней стихотворение «Во глубине сибирских руд...», в котором написал, что он по-прежнему считает их такими же «брат-ями, рыцарями-дворянами», как и он сам, что они по-прежнему принадлежат к привилегированному сосло-вию и что у него есть надежда на скорое их освобождение.

Во глубине сибирских руд
Хранятся тайны терпимые,
Не пропадут ваш скорбный труд
И душ высокое стремление.

Несчастная верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в мире каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы таинные падут,
Темница рухнет — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

В ответ поэт декабрист А. И. Одоевский откликнулся стихотворением:

а б в

Струи вещей пламенные звуки
 До слуха нашего дошли,
 К мечам рванулись наши руки,
 Но лишь оковы обрели.
 Не будь покоен, бард: цепями,
 Своей судьбой гордимся мы
 И за затворами тюрьмы.
 В душе слейтесь над царями.
 Наш скорбный труд не пропадёт:
 Их искры выхлестите плава,
 И просвещённый наш народ
 Сбросит над сияем знамя.
 Мечом сохнём мы по цепей
 И вновь найдём опять свобода,
 И с вою тревом на царей,
 И радостно вздохнут парода.

Размышляем о прочитанном

1. Как вы думаете, правильно ли назвал А. Н. Одоевский чтеца Пушкина?
2. Что означает слово «не» («И больше нам вам отдадут») в стихотворении Тютчева и то же слово («И мечам рванулись наши руки») в стихотворении Одоевского?
3. Почему Тютчев называет не подписавших вышнему двору «большими», хотя речь после подписания декабрями («Искры тяжкие гадут») идёт о нем? И что означают эти знаки? Подумайте, как понимать выражения «сплывай, мгла у озера» и «родить, вернуть мгла рыцарю». Упомяните уроки по истории Средних веков.

«Туча» (1835). Стихотворение «Туча» можно рассматривать и как заглавную природу, и как описание на десятилетия вперёд декабристов, и как предсказание революции.

Центральное четверостишие посвящено прошлому, когда прожита ждала лония, траян, когда гудя мидийской пид, вом протий-а мю, «бурный» «небо промывала раскатами грома, напождая явилась жемчужной каплей». Но эта пора прошла: «Земля подмялась, и буря промчалась...» Такой вечный закон каменения и обновления природы. И природе (и в обществе) ничто не остаётся неизменным.

Если рассматривать стихотворение «Туча» А. С. Пушкина с философской точки зрения, то этот закон благ и справедлив: вечное движение, вечное изменение — условия неизбежности, неизбежности жизни. Но в то же время это вызывает грусть, ибо само прошлое и то ценное, что было в нём, уходит, к нему уже нет нужды. Этот закон охватывает всю сферу жизни, он универсален, следовательно, в орбиту его действия попадает и поэт.

В этом смысле в стихотворении можно заметить скрытые параллели с жизненным путём поэта: недавно был он кумиром общества, властитель дум поколения, он вынужден ныне войти с изменённой и литературной оценкой и уступить позицию другим кумирам. Близкой являлись сферы жизни тогдашней России, но и прощания, раслука с прошлым, с его ценностями и достижениями являются не только личными переживаниями, а выступили как конкретные универсальные, счастливый или несчастливый человек в своём значении и гармонически гармонизируется именно частным человеком и его же универсализации, универсальным миром и жизнью.

Туча

Последняя туча рассеянной бури!
 Одея ты посещая по ветру далаури,
 Одея ты наполнила унылым тоску,
 Одея ты печальешь анжуйский день.

Ты небо недавно крутым облачком,
 И молния грозно тебе обивала;
 И ты вздымала тучиственный гром
 И алчную землю поила дождем.

Довольно, скройся! Пора миновалась,
 Земля освежилась, и буря промчалась,
 И ветер, лаская листочки деревьев,
 Тебя с унылых высот тоску несёт.

Размышляем о прочитанном

О чём это стихотворение — о минувшей буре или о настроении лирического героя, созданном с картиной, которую он наблюдает? Или о чём-то другом?

Учимся читать выразительно

Выучите стихотворением наизусть, прочитайте его выразительно в классе, подчеркните с помощью интонации настроение поэта, передайте через выразительные образы-символы.

Совершенствуем свою речь

1. Как вы понимаете выражения: «раздались буре», «на том поле», «включил дробь», «танцованный трем», «взвонил земля» и т. д.?
2. Какие приемы (у-и) использует поэт, используя слова и выражения: «выдались», «взвонил», «надавала гром» и т. д.? Как называются литературные приемы, используемые поэтом?

Поэма «Полтава» (1828—1829). В поэме «Полтава» описывается победа Петра I над шведскими войсками, вторгшимися в Россию в 1709 году. В поэме Пушкин попытался осмыслить историческую судьбу русского государя среди других европейских государей, способность русского народа стоять свое независимости в неравной борьбе с Западом. Эта тема отражена в поэме как борьба полководца Карла XII (непобедимого до Полтавского сражения), главы сильнейшего тогда в XVIII веке, воюющего государства — Швеции, с Петром I, одним из любимых исторических деятелей А. С. Пушкина. Тема эта связывалась в сознании поэта с недавней победой России над Наполеоном в 1812 году, возможно, потому что племянница Пушкина Мария Волконская, дочь генерала Рязанского, героя войны 1812 года. Пушкин считал, что, одержав победу в такой борьбе с могучим врагом, Россия доказала свою государственную самостоятельность и, более того, окрепла:

...Но и искушенные долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, куёт булат.

Центральным эпизодом поэмы является Полтавский бой, центральным героем произведения — Петр I.

Поэма вышла в свет отдельным изданием в конце марта 1829 года.

¹ Мария Николаевна Волконская (1805—1861) — жена декабриста С. И. Волконского, известная также как сестра мужа и общественная деятельница. Она написала об этом событии воспоминания, которые вошел в книгу П. А. Баркова на тему о второй части поэмы «Полтава» Пушкина.

Полтава

(Однимъ стихомъ.)

Горятъ вѣстрею зарёвъ новой,
 Ужъ на равнине, по холмамъ
 Проколютъ пушки. Дымъ багровый
 Кругами выходитъ къ небесамъ
 Навстречу утреннимъ лучамъ.
 Полки ряды свои сомкнули,
 В кустахъ рассыпались стрелки,
 Кажется идя, свистятъ пули;
 Нависли холодные штаны,
 Сыны любимыя победы,
 Скажи оны шведовъ днута шведы;
 Волнуясь, конница летитъ;
 Некого дашьтесь яя нѣтъ
 И тяжелой твердостью саговъ
 Её стремление крепитъ,
 И битвы поле рожное
 Грозитъ, пышетъ здесь и тамъ,
 Но лишь счастье боевое
 Служить ужъ начинаетъ намъ.
 Пальбой отбитые дружины,
 Мешалась, падаетъ во прахъ,
 Уходитъ Росенъ сѣвъъ теснины;
 Слѣдуетъ пылкой Шлиппенбахъ¹,
 Теснимъ мы шведовъ рать за ратью;
 Темнѣетъ сѣвъъ ихъ знамѣнъ,
 И боги браней благодатью
 Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда же скажи: израненный
 Рядился звонный главо Петра:
 «За дела, с Негомъ!» Из шатра,
 Тяжкой любимицею окруженный,
 Выходитъ Пётр. Его глаза
 Сияют. Лицо его ужасно.
 Давношня Сестры. Онъ прекрасенъ,

¹Радва, Шлиппенбахъ — шведскій генералъ.

Он весь, как Божья гроза,
Идет. Ему коня подседает,
Ретив и смирен верный конь,
Послуж рижской огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мечется в цркви божьей,
Гордится могущим седоком.

Уж близок полдень. Жар пылает.
Как шарарь, битва отыкает,
Кой где гирцукет князю,
Разпяясь, стронет полки,
Молчит музыка боевая,
На хълтах пушки, прасмирет,
Прервали свой голодный реп.
И с¹ — равнину облашала
Далече грянуло ура:
Полки увидели Петра.

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он полк пожегнул ошкни,
За ним вослед велись толпой
Сии птенцы гвезда Петрова —
В временах шербля змознго,
В трудных держакства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шарвактов балгародный,
И Брюс, и Ваур, и Реннин,
И, счелта баловасы, безродный,
Полудержавный пласетин².

И перед сипими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый первыми слугами,
В качалке, бледен, недвижен,
Страдал раной, Карл явился,
Вожда героя шли за ним.

¹ Ся — црква ют.

² Длугий, великий, баловасы — А. Д. Козляков, известнейший артиллерист и полководец Петра I.

«Полтавская баталия». С южной картины М. В. Ломоносова

Он в думу тихо погружен,
 Смущённый пар воображенья
 Необычайное волненье.
 Как-толь, Карл привел
 Желанный бой в полдень...
 Вдруг слабым живем руки
 На русских дынул он полня.

И с ними царские дружины
 Сошлись в дыму среди равнины:
 И грянул бой, Полтавский бой!
 В огне, под градом раскаленным,
 Стеной живото отраженным,
 Над нашими строем свежий строй
 Штыки смыкает. Тяжкой тучей
 Отряды конники летучей,
 Враздвиги¹, саблями звучи,
 Сшибавсь, рубятся с плеч,
 Вросая груды тел на груды,
 Шары чугунные конвою
 Меж ними прыгают, ржут.

¹ Враздвиги — удары, удары.

Прах роет и в крови шипят,
 Швед, русский — колет, рубит, режет.
 Бой барабанный, клики, скрежет,
 Гром пушек, топот, реженье, стон,
 И смерть и ад со всех сторон.

«...»

Но близок, близок шаг победы.
 Ура! мы локтем твоятся шведы,
 О слажный час! о слажный миг!
 Бой наш — и враг бежит¹.
 И следом конница пустилась,
 Убийством тупеет меч,
 И подпавши все стеньги повернулись,
 Как роса черной сарапчи.

Широк Петр. И гора, и жезл,
 И славы постоял взор его.
 И царской пир его прекрасен.
 При кликах войска своего,
 В шатре своем он утешает
 Своих вондей, вондей чужих,
 И славных пленников ласкает,
 И за учителей своих
 Задранный кубок подымает.

Размышляем о прочитанном

1. Кто еще оставил перо до окончания Полтавского боя? Так ли мы представляли себе это героическое историческое событие?
2. Как оставило впечатление для русских войска поражение от шведов? Подтвердите свой ответ цитатами из текста. Какие примеры из текста доказывают, что речь идет об историческом событии?
- 3* Сопоставьте слова о Петре I и Карле XII (схематичный код, над реченьем, под реченьем и т. д.). Как и почему о нем писали в разное время и с разными целями в истории и геральдике? Как и почему об этом не говорится?

¹ Бой продолжался не более двух часов.

Современность облоя рече

Как вы понимаете такие строки и отдельные слова, словосочетания: «Горит восток зарёю новой», «Дни багровый кругами взоходит к небесам», «В кустах рассыпалась стрелка», «Поле розовое», «Как пахара, битва отдаивает», «И за учителей своих задрозной кубок подивнасть»? Какие картины возникают перед вашим мысленным взором? Какие литературные приёмы использованы поэтом для описания Полтавского боя и какой эффект достигается с их помощью?

Учимся читать выразительно

Подготовьте в выразительному чтению наизусть отрывок из поэмы, посвящённый Полтавской битве, подчеркните во время чтения и написание боя, и его стремительность, и радость победы, и возмущение откатой Петра и его сподвижников, и величественное пришествие Петра к победителям.

Литература и другие виды искусства

1. Рассмотрите две картины: миниатюрной картины М. В. Ломоносова «Полтавская битва». Рассмотрите, что, выделяете наиболее яркую, её автор привнёс со своими умениями три: технику шпатель, вышивка искусства вышивки стекла. Какие впечатления остались у вас от этой картины? Какие детали картины перекликаются с отрывком «Полтавский бой» из поэмы «Полтава»?
2. Изложите в каких художественных формах близки, по вашему мнению, пушкинскому тексту?

а б в

В 1830-е годы, обратившись к прозе, Пушкин написал «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», в которых запечатлел столичный и провинциальный быт России.

О «ПОВЕСТИХ ПОКОЙНИКО ИВАНА ПЕТРОВИЧА БЕЛКИНА»

Из полемических статей литературоведа А. Л. Славинского

...В пяти белкинских повестях Пушкин являлся в роли бытописателя, изображающего современную ему жизнь обыкновенных людей, и у него возникло ощущение, что издание повестей подобного содержания будет не только критикой как падение его: таланта. Поэтому он и решил тематить их анонимно, приписав авторство выдуманному лицу — некоему Бел-

нину. Повести вышли в свет в 1831 году под заглавием «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», изданными А. П. Л.

Главная черта пушкинской прозы вообще и «Повестей Белкина» в частности — это ясность и простота изложения, из которого не вынищешь ни одного слова, потому что каждое слово на месте и необходимо. Пушкин избегает всяких распространений, ненужных украшений. Его проза — точная, краткая, мужественная, «краткая», как однажды выразился Лев Толстой. Всплеск мелочей характерна — ведёт к чему-то, связана со всем про-им.

Пушкин никогда не вдаётся в подробное объяснение поступков своих героев. Но он всегда угадывает скрытые темными душевными путями, как должен поступить такой-то человек в силу своих социальных навыков и других причин. И угадывает безошибочно, так что мы без всяких толковых сразу чувствуем правду, вальде живых людей со всеми их страстями и грехами.

Творческое задание

Прочитав повесть А. С. Пушкина «Станционный смотритель». Подтвердите или опровергите А. П. Славянского утверждение личными впечатлениями от повести: «В языке, размышлениями и поступках героев».

Станционный смотритель

Компьютерный редактор,
Почтовой станции директор,
Коллеги, коллеги!

Кто же прикладная станционных смотрителей, кто с ними не бранился? Кто, в минуту гоним, не требовал от них роковой книги, да бы написать в книгу свои беспыльчатые знания на приложении, грубость и несправедливость? Кто не почитает их сплетнями человеческого рода, равными покойным казначейкам¹ или, по крайней мере, муромским разбойникам? Будем однако справедливы, постараемся войти

¹ Дворяне — слова из стихотворения П. А. Вяземского «Станция» у Павлова:

Когда губернский редактор,
Почтовой станции директор.

Первый стих Пушкин, видимо, умышленно выделено. Станционные смотрители палатского типа. Это была не только административная структура, а была структура в Таблице о разном, а было.

² Дворяне — слова из стихотворения у донского Рубин, гоним, и донского донского. Для гонимых людей — это было — потому было несправедливо, потому было — несправедливо.

в их полуживые и, может быть, плачем судить о них гораздо проще-детальнее. Что такое станционный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, ограждённый своим тином только от побоев¹, и то не всегда (смыслось на совесть моих читателей). Какова должность его диктатора, как называет его шуточно книга Вяземский? Не настоящая ли каторга? Покою ни днём, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода несносная, дорога скверная, экипаж упрямый, лошади не вьют — и выкипят смотритель. Входя в будку его жилища, приходящий смотрит на него как на врага; киркано, если удирит ему скоро избавиться от непрощённого гнева: вы если не случится лошадей?.. Боже! какие ругательства, какие угрозы слышатся на его голыню! В дождь и снежок принуждён он бегать по дворам; в бурю, в вешенский мороз уйдёт он в асиа, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздражённого постояльца. Прикажывает генерал, дрожащий смотритель отдаёт ему две последние тройки, и там мчале курьерскую. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Чрез пять минут — капоколычник!.. и фельдшер² бравлет ему на стол вино подорожнику³.. Вникнем во всё это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием. Ещё несколько слов: в течение двадцати лет ездю изъездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений пмщников мне знакомы; редкого смотрителя не знаю и в лицо, с редким не имел я дела; любопытный какже путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени; покажет скажу только, что сословие станционных смотрителей представлено обществу именно в самом дурном виде. Они столь обыкновенные смотрители вообще суть люди жарвые, от природы услужливые, склонные к обществу, скромные в притязаниях на почёте и не слишком сребролюбивые. На их развращён (какимникстати превращают посещения проезжающих) можно шмчирнуть много любопытного и поучительного. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю их беседе рочим какому-нибудь чиновнику Б-го класса⁴, следовательно по нашей надобности.

¹ По уставу 1828 года путешественники строго запрещается на-ять станционным смотрителем покровитель и покровитель. По этому же смотрителю, хотя и не имеет никакого влияния на дело, ввиду того по давнему уставу 14 я казали.

² Фельдшер — докторок вестной кучер.

³ Подорожник — бумажка на право проезда.

⁴ Капоколычник — чиновник казенный, капоколычник казенный, капоколычник казенный.

Легко можно догадаться, что есть у меня признания на почтительных условиях зрителей. В самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обязательства некагда облизали нас, и об нём-то намечен я теперь побеседовать с любезными читателями.

В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проехать через ^{***}скую губернию, по тракту, ныне уничтоженному. Находился я в мелком чине, ехал на перекладных и платил прогоны за две лошади. Вследствие сего зрители со мною не церемонились, и часто бирали я с баш то, что, по мнению моём, следовало мне по праву. Будучи молод и вспыльчив, и выговаривал на них и малодушные зрители, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под колеску чиновного барина. Стало же долго не мог я привыкнуть к тому, чтоб разборчивый холост обносил меня блудом на губернаторской обеде. Нынче то и другие кажутся мне в порядке вещей. В самом деле, что были бы с нами, если бы можно было обидеться приятель: чем была бы польза? — видеть и употреблять друге, например: для две лошади? Какие возникли бы споры? и случаи с кем бы значили кушанье подавать? Но обращаюсь к моей повести.

День был жаркий. В трёх верстах от станции ^{***} стали накрывать, и через минуту проливной дождь залил меня до последней нитки. По приезде на станцию, первая забота была поскорее переодеться, вторая — спросить себе чаю. «Ой, Душа! — кричал по третьему, — поставь самовар да сходи на сливками». При сих словах вышла на-за перегородки девочка лет четырнадцати и побежала в сад. Красота её меня поразила. «Это твоя дочка?» — спросил я зрителя. «Дочка-с, — отвечал он с видом довольного самолюбия, — да такая разумная, такая проворная, вся в покойницу мать». Тут он принялся переписывать мне подорожную, а я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную обитель. Они изображали историю блудного сына¹. В первой картинке старик в кошаво и шафирох отпущивает беспоконного юношу, который поспешно изображает всю благословенную и великую с дьяволом. В другой яркими чертами изображена развратное поведение молодого человека

¹ Листок драмы по М. Мамбу — государству, даётся право на получение от людей по установленному тарифу, выдаётся на определённое число лошадей, а вместе с тем и чина. Кроме того, люди лошади назначаются в определённом порядке. По две лошади остаются по своим чинам и служителям. Ехать на перекладных должно было в определённом порядке, перебиваясь на каждой станции.

² История блудного сына — евангельская притча о сыне, который был развратен (блудил) много, ждал и мучился и, разоблачён, вернулся домой.

ка: он сидит за столом, окруженный толпами друзей и бесстыдными женщинами. Далее промотавшаяся женщина, в рубашке и в треугольной шляпе, пьет чай и разделывает наизусть тираду; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние. Наконец представлено выкрикивание некоему отцу: добрый старик в том же кителе и шапке, вежливо выслушав и некую завистницу; блудный сын стоит на коленях в переплетенном пальце убиенного теленка, а старший брат вопрошает отца о причине такой радости. Под каждой картинкой прочёл я приличное немецкое стихотворение. Всё это довольно выкрикивалось к моей памяти, так же как и парик с пальчатым концом, и крошечка с пистолетной нажималкой, и прочие предметы, меня к ти прилежно переживавшие. Внизу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, свежестя и бодрого, и его длинной палецый сертук с тремя медалями на пальчатых лентах.

Не успел я расплатиться со старым немецким лещиком, как Дуня возвратилась с самоваром. Маленькая конетка со второго взгляда заметила впечатление, произведенное ею на меня: она потупила большие голубые глаза; я стал с нею разговаривать, она отвечала мне без какой-либо робости, как девушка, видевшая свет. Я предложил отцу её стакан пуншу: Дуня поднесла чашку чаю, и мы втроем начали беседовать, как будто все были знакомы.

Лошади были дажно хороши, а мне всё же хотелось расстаться с смотрителем и его дочкой. Наконец я с ними простился: отец пожелал мне доброго пути, а дочь проводила до телеги. В сенях я установился и прощал у ней пожизненно её поцеловать; Дуня спешковатенько... Много могу я насчитать поцелуев.

С тех пор, как я стал замечать,

но ни один не оставил во мне столь долгота, столь приятности впечатления.

Прошло несколько лет, и обстоятельства привели меня на тот самый тракт, в те самые места. Я посетил дочь старого смотрителя и обрадовался при мысли, что увижусь с отцом. Но, получив я, старый смотритель, может быть, уже сменил; вероятно, Дуня уже замужем. Мысль о смерти того или другого также мелькнула в уме моем, и я приближался к станции ^{***} с печальным предчувствием.

Лошади стали у почтового домика. Вышел в комнату, и тотчас узнал картишки, изображающие историю блудного сына: стол и кровать стояли на прежних местах; но на окнах уже не было штор, и всё кругом показывало ветхость и небрежение. Смотритель спал под

чуждом; мой приезд разбудил его; он привстал... Это был точно Сам-сои Вьран; но как он посерел! Шиникост подобрелся на переписи: моя подорожная, я смотрел на его седьму, на глубоко морщинистую даже на избитую кожу, на сторбленную спину — и не мог выдвинуться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика. «Узнал ли ты меня?» — спросил я его; — «мы с тобой старые знакомые»; — «Может статься, — отвечал он упрямо; — здесь дороги большая; много проспих у меня перебивало». — «Здоров ли твой Дуна?» — продолжал я. Старик нахмурился. «А Бог её знает», — отвечал он. «Так, видно, она замужем?» — сказал я. Старик притворился, будто бы не слышал моего вопроса, и продолжал пошептом читать мою подорожную. Я прекратил свои вопросы и велел поставить чайник. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надеялся, что дуна развешет язык моего старого знакомого.

Я не ошибся: старик не отказался от предлагаемого стакана. Я заметил, что ром превозмил его угрюмость. На втором стакане сделался он разговорчив; вспомнил или показал вид, будто бы вспомнил меня, и я узнал от него повесть, которая в то время сильно меня занимала и тронула.

«Так вы знали мою Дуна? — начал он. — Кто же и не знал её? Ах, Дуна, Дуна! Что за доникота была! Бывало, кто ни придет, всякий похвалит, никто не осудит. Барыня дарила её, та платочком, та серебрянкой. Господа просащие парочка устанавливались, будто бы пообедать, или отужинять, и в самом деле только чтоб на ней подальше поглядеть. Бывало, барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво ей много разговаривает. Поверите ль, судиря: курьеры, фельдъегерь с всю по полчаса заговаривались. Вся дом держалась: что прибавить, что притосовать, за всем успевала. А я-то, старый дурак, не наглянулся, бывало, не парадуюсь; уж я ли не любил моей Дуны, я ль не делал моего дитяти; уж ей ли не было житье? Да нет, от беды не отбоянишься; что суждено, тому не миновать». Тут он стал подробно рассказывать мне свою горь.

— Три года тому назад, однажды, в зимний вечер, когда смотритель различивал новую книгу, а дочь его за перегородкой шила себе шляпку, тройка седыххон, а приважий к церковной шляпке, а именной шинели, окутанный шалью, вошли в комнату, требун лошадей. Лошади все были в разгове. При сём известии путешественник во-крася было гуное и выгайку; но Дуна, привыкшая к такому сна-ням, выжидала на хя перегородки и ласково обратилась к приважему с вопросом: на угодно ли будет ему чего-нибудь покушать? Появле-

ние Дуни превратило обихованные своею действителе. Гусар проважного прощел; он согласился ехать лошадей и накарал себе уздичи. Цыпа жекрузо, кивматую шапку, отпугав шаль и едернуз шинель, проважный пандел молодым, стройным гусаром с черными уздыми. Он расположился у смотрителя, начал весело разговаривать с ним и с его дочерью. Подале ужинать. Между тем лошади пришли, и смотритель приказал, чтоб тотчас, не борся, выпрягали их в кибитку проважного; но, выкрятась, нашёл он молодого человека почти без памяти лежащего на ливке; ему сделалось дурно, голова разболелась, невозможно было вжечь... Как быты! смотритель уступил ему жюки кивитки, и только жюки было, если больному не будет дурно, на другой день утром поехать в С^т за лекарем.

На другой день гусару стало хуже. Человек его поехал верхом и поехал за лекарем. Дуня обжыкала ему пашему платком, наипречнем увещаном, и села с своим шитым у его кровати. Бальной при смотре жюки охот и не говорила почти ни слова, однако же выпила две чашки кофе и охот изжычал себе обед. Дуня от него не отходила. Он поминутно просил пить, и Дуня подносила ему дружку со пароловственною ливматом. Бальной обжыкала тубы и великий раз, повариптая кредеку, в знак благодарности слабой спосою рукою пожычал Дуношину руку. К обеду приехал лекарь. Он пашупал пулас бальной, поговорила с ним по-немецки и по-русски обьявил, что ему шужно адна спокойствие и что дни через два ему можно будет отправиться в дорогу. Гусар вручил ему двадцать пять рублей за визит, приласила его отобедать; лекарь обжыкался; оба ели с большим аппетитом, выпили бутылку вина и расстались очень довольные друг другом.

Прешёл ещё день, и гусар совсем оправился. Он был презытительно весел, без умозку шутил то с Дуней, то с смотрителем; выжытывал песни, разговаривал с цыпжыками, вышывал их подорожные и поштовные книги, и так пошывился дшржому смотрителю, что на третьем утро жюль было ему расклитая с акобинским жюном шитымальцем. День был воскресный; Дуня собиралась к обеду. Гусару подала кибитку. Он прештился с смотрителем, прара наградила его за поштой и ушощанье; прештился и с Дуней и кивитки джыкала ей до церкви, кштржые выжы делал на колю деревни. Дуня стояла в недоумении... «Что же ты боинься?» — сказал ей отец, — ведь это выжыкалшгорядне не жюлк и те бы не жюст; провагнись-ка до церкви». Дуня села в кибитку подла гусара, слута закончал на облучон, ливцях свештыул, и лошади пашыкали.

Бешый смотритель по пошывал, каким образом жюг он сам пошодить своей Дуне ехать вместе с гусаром, как пашла на ноги обжыпле-

ние и что тогда было с его разумом. Не прошло и получаса, как сердце его начало бить, бить, и беспокойство овладело им до такой степени, что он не утерпел и пошёл сам к обедне. Подходя к церкви, увидел он, что парад уже расходился, но Дуня не было ни в ограде, ни на каверти. Он поспешил вошёл в церковь: священник выходил из алтаря; дьячок таскал свечи, две старушки молились ещё в углу; но Дуни в церкви не было. Бедный отец ксензу решил спросить у дьячка, была ли она у обедни. Дьячок отвечал, что не бывала. Смотритель пошёл домой на жинь ни мёртв. Одна оставалась ему надежда: Дуня не непременно младших лет издумала, может быть, прокатиться до следующей станции, где жила её крёстная мать. В мучительном ожидании ожидал он возвращения тройки, на которой он опустил её. Ямщик не возвращался. Наконец к вечеру приехал он один в халвайн, с убийственным известием: «Дуня с той станцией не привилась далее с гусаром».

Старик не спит: сюжет несчастия; он тут же спит в ту самую постель, где внезапно лопнул младшей обманщик. Теперь, смертельно, обображая все обстоятельство, догадывается, что болесни была притворная. Болесни анкетанг едланой горячкой; его свезли в С^{ААА} и на его место определили на время другого. Тот же доктор, который приезжал к гусару, лечил и его. Он уверил смотрителя, что молодой человек был совсем здоров и что тогда ещё догадывался он о его злобном намерении, но молчал, опасаясь его нагайки. Правду ли говорил немец или только желал похвастаться дальновидностью, но он немало тем не утешил бедного больного. Когда оправался от болесни, смотритель спросил у С^{ААА} почтмейстера отпуск на два месяца и, не сказав никому ни слова о своем намерении, решительно отправился за свиею дочерью. На подорожной знал он, что ротмистр Минский ехал из Смоленска в Петербург. Ямщик, который вёз его, сказывал, что во всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ехала по своей воле. «Ах, — думал смотритель, — правду ж дожиё избудишную овичку мою». С этой мыслии прибыл он в Петербург, остановился в Намай ловенном палату¹, в доме оставившего унтер-офицера, своего старого епслуживца, и начал свои поиски. Вскоре узнал он, что ротмистр Минский в Петербурге и живёт в Демуттовом трактире². Смотритель решился и нему житьея.

¹ Намайловская палата — район в Петербурге, где располагалась бывшая казарма переселенцев Намайловской палаты.

² Демуттов трактир — палата в Петербурге, близ Невской тропы.

Рано утром пришёл он в его переднюю и просил доложить его вышесоблюденцам, что старый солдат просит с ним увидеться. Военный лакей, чистя сапог по косякам, объявил, что барин поживает и что прежде одиннадцати часов не принимает никого. Смотритель ушёл и возвратился в назначенное время. Минский вышел сам к нему в халате, в красной шафье¹. «Что, брат, тебе нужно?» — спросил он его. Сердце старика зашепело, слёзы навернулись на глаза, и он дрожащим голосом промолвил только: «Ваше высокоблагородие!.. сделайте такую божескую милость!..» Минский взглянул на него быстро, выпятил, взял его за руку, повёл в кабинет и запер за собою дверь. «Ваше высокоблагородие! — продолжал старик. — что в вазу упало, то пропало; отдайте мне, по крайней мере, бедную мою Дуню. Ведь вы натёпшились ею; не погубите ж её понапрасну». — «Что сделано, того не воротишь, — сказал молодой человек в крайнем замешательстве; — виноват перед тобою и рад просить у тебя прощения; но не думай, чтоб в Дуню мог покинуть; она будет счастлива, даю тебе честное слово. Зачем тебе её? Она меня любит; она отвыкла от прежнего скитанья по тюрьмам. Ни ты, ни она — вы не забудете того, что случилось». Потом, сунув ему что-то за рукав, он отворил дверь, и смотритель, сам не зная как, очутился на улице.

Долго стоял он неподвижно, наконец увидел на обшлагом своего рукава свёрток бумаг; он вынул их и развернул несколько пяти- и десятирублёвых свёрток ассигнаций². Слёзы опять навернулись на глазах его, слёзы благодарения! Он сжал бумажки в комоч, бросил их на землю, протоптал кибиткою и пошёл... Утопал несколько шагов, он останавливался, задумал... и воротился... но ассигнаций уже не было. Хорошо одетый молодой человек, увидя его, подбежал к извозчику, сел весело и закричал: «Пошёл!..» Смотритель за ним не погнался. Он решился отправиться домой по своей станции, но прежде хотел хоть ещё раз увидеть бедную свою Дуню. Для сего дня через два воротился он к Минскому; но военный лакей сказал ему сурово, что барин никого не принимает, грудью вытеснил его из передней и хлопнул двери ему под нос. Смотритель постоял, постоял — да и пошёл.

В этот самый день, вечером, шёл он по Литейной, отслужив молитвы у Вокз Свирбидных. Вдруг примчалась перед ним цинкыяские дрожки, и смотритель узнал Минского. Дрожки остановились перед трёхэтажным домом, у самого подъезда, и гусар вбежал на крыльцо.

¹ Шафья — кружка из стекла.

² Ассигнация — бумажная денежка.

«Сти и си-ий гвариниць». Художник *М. Е. Делуцковский*

Смущенная мысль мелькнула в голове зрителя. Он вертелся и, шаркая ногами с кучером: «Чья, брат, лошадь? — спросил он, — не Минского ли?» — «Точно так, — отвечал кучер, — а что тебе?» — «Да вот что: бирюга твой приехала мне отвезти к его Дуни знакомку, а я и позабуду, где Дуня-то она живёт». — «Да вот здесь, во втором этаже. Подожди ты, брат, с такой знакомкой; твоему уж она сама уйдет». — «Ну, да нет, — возразил зритель с невыясненным движением сердца, — спасибо, что подоумил, а и своё дело сделано». И с этими словами пошёл он по лестнице.

Двери были закрыты; он позвонил, прошло несколько секунд в тосковом для него ожидании. Ключа неприметно, ему отперли. «Здесь стоит Авдотья Самсоновна?» — спросил он. «Здесь, — отвечала молодая служанка; — зачем тебе её надо?» Зритель, не отвешая, вошёл в залу. «Мелкая, мелкая! — выкричала вслед ему служанка, — у Авдотьи Самсоновны гости». Но зритель, не слушая, шёл далее. Две первые комнаты были темны, в третьей был огонь. Он подошёл к растворённой двери и остановился. В комнате, прекрасно убранной, Минский сидел в задумчивости. Дуня, одетая со всем роскошью моды, сидела на ручке его кресла, как иностранка на своём английском седле. Она с нежностью смотрела на Минского, наметывая чёрные его кудры на свои сверкающие пальцы. Великий зритель! Никогда

дочь его ни как-нибудь ему столь прикрасивше; ни поперыше же дабыкна-ся. «Кто ты?» — спросили она, не подымая головы. Он всё молчит. Не получая ответа, Дуня подняла голову... и в криком упала на пол вёр. Испугавшейся Минский кинулся её подымать и, вдруг увидя в дверях старика-смотрителя, оставил Дуню и подошёл к нему, дрожа от гнева. «Чего тебе надобно? — сказал он ему, стиснув зубы, — что ты за меня жемуду крадёшь, или разбойник? или хочешь меня зарезать? Пошёл вон!» — и, сильной рукою схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу.

Старик пришёл к себе на квартиру. Приятель его советовал ему жаловаться: но смотритель подумал, махнул рукой и решил отступиться. Через два дня отправился он на Петербург обратно по своей станции и опять пришёл за свою должность. «Вот уже третий год, — заключил он, — как живу и без Дуни и как об ней нет ни слуху ни духу. Жива ли, нет ли, Бог её ведает. Велико случается. Не её первую, не её последнюю сманил просвирный папаса, а так подержал да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в платье да бархате, а завтра, поплаздишь, метут улицу вместе с голым каблуком. Как подумаешь орозо, что и Дуня, может быть, тут же припаднёт, так понеже не соображались да поживались ей восты...»

Также был рассказ приятеля моего, старика-смотрителя, рассказ, неоднократно прерываемый слезами, которые живописно старик он своей повестью, как утёртый Терентий в прекрасной балладе Дмитриева¹. Слезы эти отчасти возбуждаемы были пуншем, когто вытравил он пять стаканов в продолжение своего повествования; но как бы то ни было, они сильно тронули моё сердце. С ним расставшись, долго не мог я забыть старого смотрителя, долго думал я о бедной Дуне...

Недавно ещё, проезжал через местечко ***², вспомнил я о моём приятеле: я узнал, что станция, над которой он начальствовал, уже уничтожена. На вопрос мой: «Жив ли старый смотритель?» — никто не мог дать мне удовлетворительного ответа. Я решился посетить некогую старону, куда вольных лошадей и пустился к жене Н.

Это случилось осенью. Серенькая туча покрывала небо: холодный ветер дул с пожатых полей, уносил красные и жёлтые листья со ветрених деревьев. Я приехал в село при закате солнца и остановился у петтового домика. В сени (где некогда поцеловала меня бедная Дуня) вышла толстая баба и на вопросы мои отвечала, что ста-

¹ ...от рукописей Терентия в журнале *«Благой Сестрицы»*. — Искать о том же см. в творении Н. В. Дмитриева «Последней любовью» (174).

«Блаженный смотритель». Художник Д. А. Шадриков

рый смотритель с год как помер, что в доме его поселилась пивовар, а что она веша пивоварона. Мне стала жаль моей напрасной поездки и семи рублей, задержанных даром. «Отчего ж он умер?» — спросил я пивоварову жену. «Стился, батюшка», — отвечала она. «А где его похоронили?» — «За околицей, подле покойной хозяйкиной гроб». — «Нельзя ли довезти меня до его могилы?» — «Почему же нельзя. Эй, Васюк! Поедь тебе с коньками возыться. Приведи же барина на кладбище да укажи ему смотрителеву могилу». При сих словах оборванный мальчик, рыжий и краной, кыбежал ко мне и тогда повел меня за околицу.

— Видел ты покойника? — спросил я его дорогой.

— Как не знать! Он выучил меня дудочки вырезывать. Бывало (царство ему небесное!), идет из кабака, а мы-то за ним: «Дедушка, дедушка! орешки!» — а он про орешки и паделает. Вот, бывало, с нами возитя.

— А прозвище вспоминают ли его?

— Да все мало проезжих; разве заседатель завернёт, да тому не до мёртвых. Вот летом проезжала барыня, так та спрашивала о старом смотрителе и ходила к нему на могилу.

— Какая барыня? — спросил я с любопытством.

— Прекрасная барыня, — отвечал мальчишка; — ехала она в карете и шесть лошадей, с тремя мальчишками бирюзовыми и с кормилицей, и с чёрной моською; и как ей сказали, что старый смотритель умер, так она заплакала и сказала детям: «Сидите тихо, а я схожу на кладбище». А я было выждался двести её. А барыня сказала: «Я сама дорогу знаю». И дали мне шесте серебряном — таким добрым бирюзовым.

Мы пришли на кладбище, голое место, ничем не ограждённое, усаженное деревятами крестами, не обшитыми ни одним деревцем. Отроду не видая я такого печального кладбища.

— Вот могила старого смотрителя, — сказал мне мальчик, выпрыгнув на гряду песка, в которую врыт был чёрный крест с медным образом.

— И барыня приходила сюда? — спросил я.

— Приходила, — отвечал Вацлава; — я смотрел на неё издали. Она легла здесь и лежала долго. А потом барыня пошла в село и призвала попа, дала ему денег и поехала, а мне дала пятак серебром — спасибо барыня!

И я дал мальчишке пятак и не жалел уже ни о поезде, ни о сем рублех, мною истраченных.

Разговоримся с учителем

1. Что характеризует на жизнь старинных дворянских дворянских автор? Какими чувствами охвачен этот рассказ?
2. Как вы думаете, почему рассказ о судьбе души, возлюбленной Сидорова Барыня, ведётся от лица старого повествователя?

3*. В чём художественный смысл картины на стенах «Смотритель, на спящей обителе», «Мальчишки» и «Видение будущего души»? Есть ли связь между ними и судьбой Души? Дайте развёрнутый ответ на эти вопросы.

4. В «Письмах Божьих» упоминается и «бывало» как русский язык, и «книжки» и «книжки», и «книжки», и «книжки» и «книжки». Как вы думаете, почему в рассказе «Сидорова Барыня» не описана одна-единственная беда Сидорова Барыня? Найдите в тексте главы эпизоды, подтверждающие ваш ответ.
5. Подготовьте характеристику главного героя рассказа Сидорова Барыня. Вспомните в свой рассказ цитаты из текста.
6. Почему во первом рассказе описывается? Какие настроения провозвещает рассказ? Какие чувства и размышления вы у вас вызвала?

Литература и другие виды искусства

Повесть «Станционный смотритель» проиллюстрирована знаменитым художником — Н. Добружинским и Д. Шарноком. Каким на иллюстрации кажется вам сюжет в тульском гонимом царстве? Каким вы представляете себя внаши дни? Облик героев? Чем различаются настроения, созданные художниками?

Проект

Подготовьте сценарий вечера, посвящённого прозаическому творчеству Пушкина: составьте программу конкурса чтецов, определите условия проведения конкурса иллюстраций, выберите отрывки из прозаических для инсценирования, составьте перечень вопросов для литературной викторины, подберите музыкальное сопровождение для инсценировок.

Филохрестоматия

СЛУШАЕМ АВТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. С. Пушкин. «Станционный смотритель»

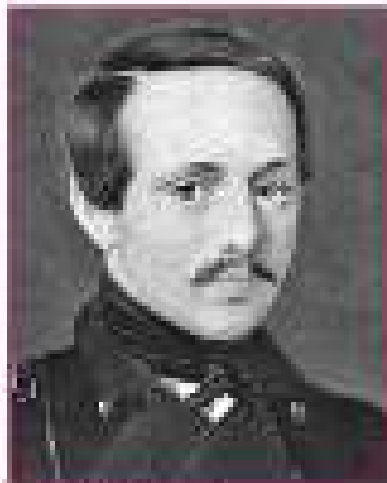
1. На что повести — мини-фильм рассказ читателя о станционном смотрителе — лучших учениках четырнадцатого класса. Каким интонациями обращает внимание чтение первых страниц произведения, полностью соответствуя с рассказчиком?
2. Что переживает рассказчик во время первого посещения полковой станции в селе НТ? Как меняется его настроение и как это отражается в чте-нии отрывка?
3. Каким образом на трюмо и на рассказчика обратили внимание станционные двери во время вторичного посещения? Как это выразительно передано автором?
4. Подумайте внимательно фразы на повести о третьем посещении рассказчиком села Н. Каким вы представляете жену смотрителя и деревенского мальчишку Ваню, прослушав их разговор?
5. Как вы считаете, почему Ванюшка попал приезжающим в село дома смотрителя кразной барыне? Только ли из-за её серебряной монеты?

Внеклассное чтение

Прочитайте повесть «Барыня-крестьянка» из цикла повестей и попробуйте ответить на вопросы:

1. Насколько серьёзна раздвоение и спор между Берестовой и Муромской?
2. Кто в характере и в поведении Лили Муромской и Алексея Берестова виноватее — он, з что неудачно в любви?
3. Как вы думаете, почему повесть закончилась горем и несчастьем?

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

1814—1841

М. Ю. Лермонтов
в острове Тенгисского
пехотного полка.
Художник
С. К. Заринский, 1841.
Фотомонтаж

Шел 1814 год. Русские войска возвращались из-за границы и вступали в опалённую пожаром Москву. В то самое время, когда Москва, лихора, встретила победителей, в маленьком домике у Красных Ворот, в ночь на 15 октября (по старому стилю — 3 октября) 1814 года, в семье отставного капитана Юрия Лермонтова родился сын Михаил. Незабываем было детство этого мальчика. Смутно помнил он ласковые руки и слабый шик как матери, чашекавшей ему грустные попки. Мать умерла, когда ему не на отпыхивать и трёх лет... Отца Лермонтов видел редко. Бабушка же побила его и заставила уступить ей право воспитывать мальчика.

Самые первые, а потому и самые прочные впечатления — это скромный провинциальный пейзаж Пятигорской губернии, первые воспоминания — русские песни, народные игры и хороводы, неторопливые рассказы об Иване Грозном, о Разине и Пугачёве.

Вокруг дома — аллея старинного сада, сплывший гroud, заплутый сетью гоня и морщины ухабам — длинными, в два ряда чёрные кабы и бинья церковь села Тархань. В детстве Лермонтов часто болел, и бабушка три раза возила его на Кавказ, к Красным Водам. Ездил на своих лошадях, перех всю Россию. Кавказ с детских лет вошёл в сознание Лермонтова как край слаботы, как страна благородных, возмущённых страстей...

Детство кончилось. Лермонтов поселился с бабушкой в Москве и поступил в университетский Благородный пансион. Это был уже 14-летний подросток, серьёзный, хорошо подготовленный домашним учителем. Неизданным до Лермонтова пансион этот включали только учащники декабря-

ского восстания 1825 года. В пансионе царил дух свободомыслия по рукам тайно ходили запрещённые стихи Рыжова, Пушкина... Из пансиона он перешёл в Московский университет, учился там в одно время с Герценом и Белинским. В его тетрадах появляются стихи — «Индий», «Паруса», «Два великана».

Природа одарила Лермонтова разнообразными талантами. Он обладал редкой музыкальностью — виртуозно играл пьесы на скрипке, на рояле, тел дрил на своих любимых дпер, даже сочинял музыку: есть сведения, что он положил на музыку свою «Казачью колыбельную песню». Он хорошо рисовал и писал картины маслом, легко рделал оживые пейзажные эскизы. Он был вышкелем на «брыжанах», вымпалах, шпиле скляным шашкой жонгл, владея несколькими иностранными языками. Все давалось ему легко. И всё же свой гениальный поэтический дар он соверше-ствовал упорным трудом. Некоторым аналогом Лермонтова, на протяжении размеров его поэтического таланта, казалась, что он подражает английскому поэту Байрону. Как бы в ответ на это Лермонтов написал замечательное стихотворение:

Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё неизвестный избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой...

В конце второго года из-за участия в студенческом бунте ему пришлось покинуть университет. Исключённым закрывался путь в другие университеты России. И тогда ему ничего другого не оставалось, как поступить в школу гвардейских подпрапорщиков и кинжеров в Петербурге. «До сих пор, — писал он друзьям в Москву, — я жил для литературной славы, столько жертв принёс своему неблагоприятному миру, и вот теперь я — солдат» Он писал друзьям не забыть его. Но даже там, в стенах кинжерской школы, он продолжал свою заботу литературой. По окончании школы Лермонтов вышел офицером в гвардейский гусарский полк, квартировавший в Царском Селе под Петербургом, и окунулся в полковую и великосветскую жизнь. Наблюдения над жизнью петербургской аристократии побудили его написать драму в стихах «Маскарад». Герой её — и «жесток», и «слаб». Мысль о том, что зло порождает зло, он развил потом и в «Герое нашего времени».

М. Ю. Лермонтов — единственный в литературе того времени — воспевавший образ Ивана Грозного по «народным песням. Поэт так глубоко сумел постигнуть дух «народной пазалл, что современные исследователи справедливо сравнивают «Песню про царя Ивана Васильевича...» с творениями «народных сказителей. Недаром Белинский писал, что Лермонтов «вошёл в душу и фантазию и как её полный мистикан, и, проникнувшись её духом,

слившись с нею, он показал только своё родство с нею...». «Песня...» Лермонтова принадлежит к лучшим произведениям русской и мировой поэзии.

28 января 1837 года по Петербургу разнесся слух, что Пушкин накануне стрелялся на дуэли с Дантесом и ранен смертельно. На другой день стало известно, что Пушкин умер. И в эти самые дни по Петербургу распространялось в рукописи стихотворение «Смерть поэта», под которым стояло в ту пору мало кому известное имя: Лермонтов. Это был голос мощного поэта, которому суждено было стать преемником Пушкина в современной русской литературе. Так начинало своё архаичное слово Лермонтова. Он считал, что назначенная поэзия в том, чтобы говорить с народом, прожигать на нём искры как на железном штыре.

Жизнь Михаила Юрьевича Лермонтова оборвалась также трагически. Современники говорили, что это дуэль с Мартыновым 27 июля 1841 года была на прямоте дуэлью, а обдуманная политическая убийством.

Памятник М. Ю. Лермонтову в Пензенском университете

Скульптор А. М. Шквардин

Архитектор А. А. Дудкин, 1998

Читал и перечитывал Лермонтова, проникался героическим, активным духом его поэзии, восторгался её неповторимым лирическим содержанием, мы думали о нём как о юном. И представляем себе его — не достигшего ещё и 27-летнего возраста, так много сделавшего для родной литературы, так много не успевшего осуществить.

И. Л. Андреева

КАК РАБОТАЛ ЛЕРМОНТОВ

Сохранились сведения о том, как составлял Лермонтов сборник своих произведений: в него вошло всего 28 стихотворений и две поэмы: «Мцыри» и «Песня про царя Ивана Васильевича...», хотя к этому времени им было написано 30 поэм и 400 стихотворений.

«Мне случилось однажды в Царском Селе увидеть лучшую минуту его вдохновения. — пишет его современник А. П. Музалев. — В летний вечер я к нему зашёл и застал его за письменным столом, с тылою спинкой к двери и огненными глазами, которые были у него особенно выразительны. „Что с тобою?“ — спросил я. „Сядьте и слушайте“, — сказал он и в ту же минуту, в порыве восторга, прочёл мне, от начала до конца, это свой великолепную поэму „Мцыри“ (переводом — послушайте), которая только что вылилась из-под его вдохновенного пера».

Проверьте себя

1. В чём особен-нoсть первых впечатлений детства Лермонтова? Какими талантами обладала природа поэта и как они проявились в его жизни и творчестве?
2. Углубите статью уёбки и материалы биографических словарей (<https://dic.academic.ru/12150>), подумайте особенно о жизни поэта.

Стихотворения

Стихотворение «Желание» (1832) было написано Лермонтовым в ссылке. Оно характерно в духе народной поэзии. В нём поэт чувствует себя обделённым жизнью, лишённым воли, простора, покоя и полноты жизненных переживаний. Но он не унывает, а надеется, что ему ещё удастся наслаждаться свободой, побродить по степям, познать жизнь в её яркости и сложности.

Через пять лет Лермонтов обратился к тем же мотивам и написал стихотворение «Узник» (1837). Но теперь в стихотворении возникает образ узника, у которого нет надежды на освобождение, он одинок и не знает выхода из своего незавидного положения. Жизнь не сулит ему счастья, и в стихотворении ползает и усиливается мрачное настроение. Героическая прелесть обреченности и жизни, по-прежнему далекой, остается неудовольствием, без ответа:

Только слышны за дверями
Звучно-нарныи шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный человек.

Желанье

Отворите мне темницу,
Дайте мне сырые дни,
Черноглазую девушку,
Черногривого коня.
Дайте раз по спине ползу
Прокатать на том коне;
Дайте раз на жемчуг и перлы,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.

Дайте мне чашуок даскитый
С полуосинишшею ежимой,
Парус серый и космичый,
Смыккомонный с гризой.
И тогда пушуся в море
Беззаботныи и плава,
Рапгуллишь на просторе
И покочуся в буйном споре
С дивной прихотью пучка.

Дайте мне дворец высокой
И прутком пелешый сад,
Чтоб в тени его широкой
Зрел гитарный виноград;
Чтоб фонтан не умолкая

В злате иризорной жемчужа
И мена б в мечтальных ризах,
Хладной пылью орошена,
Усыпана и пробуждена...

Узник

Отвратите мне темницу,
Дайте мне сказанье злато,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
И красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

Но охня тюрьмы мысели,
Дверь тяжёлая с замком:
Чернишских дачица,
В пыльном тереме своём;
Добрый конь в бойнице поле
Без ухды, вдня, по воле
Скочет, жемч в ирриа,
Хлост по ветру распустити...

Одинок я — нет отрады:
Степь голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнём;
Только слышно: за дверями
Звучно-мерцами шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

Размышляем о прочитанном

1. Как вы думаете, что пронаписано с Лермонтовым за пять лет, разделяющих их стихотворение — «Меланхолия» и «Узник»?
2. Попробуйте доказать, что в основе стихотворения лежит фольклорное понятие.

Из Гёте

Горские вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Покры свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подождай немного,
Отдохнёшь и ты.

Размышляем о прочитанном

1. Каких размеров (длины) стихотворение?
2. Как создаётся образ поэмы (стихотворения) — поэта (поэмы)?
3. Каких образы противопоставлены в стихотворении?
4. Как связаны в анду Лермонтов под названием «Тучи»?

«Тучки» (1840). В 1840 году Лермонтов во второй раз отправился в ссылку на Кавказ. В апреле этого года он прощется с петербургскими друзьями. Современник поэта граф В. А. Соллогуб вспоминал: «Друзья и приятели собрались в квартире Карамзиных, простились с юным другом своим, и тут, растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного казачка, поэт, стоя у окна и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невскою, написал стихотворение „Тучки небесные, вечные странники!“». Знакомая поэтесса, Софья Карамзина, дочь знаменитого писателя, и несколько человек поэзии окружили поэта и прощались прощались только что написанное стихотворение. Он... прервал его. Когда он кончил, глаза были влажны от слёз...»

Лермонтов увидел сходство между мчащимися тучами и своим избранником: и тучи, и поэт ползут по небу и устремляются в каждую южную сторону. пейзажная картина стала воплощением настроений поэта. И в этом стихотворении «Тучки» напоминают такие стихотворения, как «Утёсы», «На скамье души...». В их лирической стихотворенной культуре мир Лермонтова, его чувства передаются через образы природы.

В образе туч и в образе лирического героя есть лишь видимое сходство: кажется, что тучи, как и поэт, — испуганны. Такой герой уже встречался нам в фольклоре. Но вскоре становится ясно, что сходство между судьбой туч и судьбой поэта мнимое, у них гораздо больше различий,

чем сходства. Тучи — вечные странники, вечно холодные, вечно свободные, у них нет «родины», и потому они не знают одиночества. Тучи подчиняются ветру, стихийной силе природы. Им чужды чувства привязанности и дружбы. Поэт, напротив, живёт в человеческом обществе и подчиняется его законам. У него есть родина. Эти различия очень значительны. Поэт жаждет свободы и крикит, он хочет сохранить сердце, что притянуто к миру природы (свободу, красоту) и миру людей (любовь к родине, дружбу, наполненную большими чувствами, жизнью). Ему жаль расстаться и с тем и с другим. Однако он понимает, что это невозможно. Откуда проистекает печальный и светлый тон стихотворения.

Тучи

Тучи! небесные, вятные странники!
 Степью лавриною, пещерою жемчужною
 Мыслюсь вам, будто как я же, изгнанный
 С южного севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
 Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
 Или на вас тяготит преступление?
 Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам инкутуила инкам беспощадная...
 Тужды вам страсти и тужды страдания:
 Вечно холодные, вечно свободные,
 Нет у вас родины, нет вам изгнания.

Развиваемся в творчестве

1. В чём Лермонтов видит сходство своей судьбы с «судьбой тучи»?
2. Какие различия есть в судьбе поэта и «судьбы тучи»?
3. По какому настроению Лермонтов писал на южном побережье по волнам и трюмной палубе стихотворения?
4. Как вы думаете, помогает ли отношение к северу, где находится родина, и откуда должен уехать поэт, и к югу, куда его выгнали?

СТУПЕНЬ АКТЁРСКОГО ТРЕНИНГА

М. Ю. Лермонтов. «Туча»

Перечитайте стихотворение и ещё раз прослушайте. Проследите, как меняется характер отношения лирического героя к тучам.

— В какой части стихотворения он мысленно приближает, обмысливает себя с ними? Почему?

— В какой части это сближение оказывается под вопросом, под сомнением?

— В каких строках стихотворения звучит укромное знание? (У него и внешне и внутренне разные судьбы.)

Как передаёт эту динамику, развитие чувства забора актриса?

Выучите стихотворение наизусть, подготовьте его амбициозное чтение.

Прочитайте стихотворения «Молитва» (1839), «Ангел» (1837) и «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837). Какими настроениями они наполнены? Какие краски, литературные приёмы использует поэт, чтобы передать эти настроения читателю?

Молитва

В минуту жизни трудную
Тоскуютльк в сердце гудеть,
Одну минутку чудную
Тирежку я ищу жиста.

Есть сила благодатная
В колечках голубых женских,
И дышит неизвестным,
Святая прелесть в них.

С душой как время шатится,
Совещенье далеко —
И верится, и платится,
И так легко, легко...

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

М. Ю. Лермонтов, «Ангел»

1. Как вы можете объяснить, почему в мелодичном, спокойном интонации, чёткой ритмической структуре?
2. Помогает ли музыка Эдварда Грига глубже почувствовать содержание стихотворения? Какими эпитетами вы характеризовали бы музыку: трогательная, спокойная, красивая, светлая, нежная, радостная?
3. Как вы думаете, может ли трость быть светлой? Переживали ли вы когда-нибудь такое состояние? Расскажите об этом.
4. Выделите стихотворение - эмоция. Подготовьте его вразительное чтение, передавая движение чувств от трости к трюму, светлой радости.

Ангел

По небу полуполночь ангел летел,
 И тихую песню он пел;
 И месяц, и звёзды, и тучи толпой
 Внимали той песне святой.
 Он пел о блаженстве безгрешных духов
 Под купавами райских садов;
 О Васе вдали он пел, и слышал
 Ею невзрачная была.
 Он душу вандую в объятиях нёс:
 Для мира печали и слёз;
 И звук его песни в душе вонзился
 Остаток — без слов, но жгучий.
 И долго на свете томилась она,
 Живя в мире чудным полна;
 И звуков небес заменить не могла
 Её скучные песни земля.

СЛУШАЕМ АКТИВНОЕ ЧТЕНИЕ

М. Ю. Вермонт. «Ангел»

1. Как автором средствами художественного языка передаётся конкретная эмоциональность, одушевлённость картины пейзажа: звенит небесная струна его песни?
2. С какими мыслями, чувствами, представлениями-образными и то-лиными автором передаётся «слова» о земной жизни и любви, слышащей струну в тоскелой песни? Когда вы слышите? Почему? Подумайте о взаимности связи на эти вопросы.
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

Когда волнуется желтеющая луга,
И свежий лес шумит как струна восторга,
И прилетит в сад малиновый слани
Под тенью сладостной зелёного листка:

Когда расой обрызганной душистой
Румяным вечером или утра в час заката,
Из под куста мне лавина серебристая
Приветливо качает головой;

Когда студёный ветер играет на обрыве
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственным языком
Про мирный край, откуда зчится он, —

Тогда сморщится души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...

Фонетическая игра

СЛУШАЕМ АВТОРСКОЕ ЧТЕНИЕ

М. Ю. Лермонтов.

«Когда волнуется желтеющая нива...»

1. В стихотворении «Никола юный тот противопоставляет «звучные песни: земля, озвонен небеса». Услышав ли вы такое противопоставление в чтении стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива...» народной артисткой России Аиной Покровской? Противопоставлены ли здесь звуки земли (шум леса, звуки ветра, крик, лепет родника) и звукам Бога в небесах?
2. Перевод стихотворения лермонтовского — художник песни своего предложения, начинающиеся с союза «когда» — акрису читает по-разному с одной интонацией, со сложной эмоциональной окрашенностью. Права ли она, ведь изображённым поэтом картины так различны: «желтеющая нива» — осень, «слышав серебристый» — весна? Обоснуйте свой ответ.
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

Развивающее и презентационное

1. Какие переживания, связанные с красотой природы, передаёт поэт в стихотворении «Никола юное детство, голубого неба»?
2. Какие чувства вызывает в тебе название (выделено цветом) и строки стихотворения «Никола»?
3. Когда и почему в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива» «вспирается душа поэта» у поэта? Что делает его счастливым?

Творческое задание

Что заинтересовало вас в воспоминаниях и высказываниях о Лермонтове? Подготовьте устный развёрнутый ответ на этот вопрос, найдите обмывание «Мой Лермонтов».

Играйте читая выразительно

Подготовьтесь к выразительному чтению стихотворений наизусть, постарайтесь передать настроение эпического героя.

Лермонтов

«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» была написана Лермонтовым в 1837 году. В содержание «Песни...» включаются прошлое и настоящее. Этот мотив выражается как в ней страстно, так и в поэзии к ней откровенно. Особый колорит характерен для Лермонтова стихом — поэтизированным отношением прошлого и настоящего (например, в «Бородино») в «Песне...» передана в народно-эпическом ключе, «Песня...» — эпическое произведение, не имеющее соответствий в творчестве Лермонтова.

Таким образом, сюжет «Песни...» Лермонтов нашёл в современности, увидев в Пушкине, погибшем на дуэли, защищавшем честь своей семьи, героическую личность. Однако поэт обработал сюжет в народно-эпическом духе, перенёс события в русское Средневековье. С этой целью Лермонтов воспользовался широким фольклорным материалом, в частности историческими песнями об Иване Грозном, наряду с каждым-либо одному конкретному историческому.

Фольклорные элементы выражены во всем тексте «Песни...» — в стилистической речи, в синтаксисе, лексике, синтаксисе, ритме.

Стих «Песни...» — безрифменный, четырёхстопный («Лишь одна из них, из опричкова, Удалой боец, буйный молодец...»). К особенностям фольклорной традиции относятся также повторы конца строки в начале следующей. Как и в народных песнях, у Лермонтова широко используются эпитеты (поним единственного).

В стилистике народной песни употребительны отрицательные сравнения, заимствования («не снает на паше солдатское, / Не любитесь им тучки дичья...», «На встречает его молодая жена, / На накрыт дубовый стол бабой-ска-ерывой»), синхроничными или тавтологичными повторы («И гул-ли-шумят вара буйные», «Не шушу шутишь, не жидкой смешишь», «Променился пенком, толкнул с земли», «Пляскай мне по прихоти, по желанию, свистом-наострившем, еде-б-нарядным, еверткою-пелюкой, пелючником, «Торговать бездачно, беспощанно и др.)). К стилистике русского эпического фольклора относятся и ласкательные эпитеты (конь — добрый, сабля — острая, зелье — волшебное, смерть — летал), уменьшительные и ласкательные слова (голубушка, сторонюшка, детинушка), краткие (стар человек) и полные (топозем наостренным, с'у варот стоит у тесовым) народно-речевые формы прилагательных, некоторые формы деепричастий (играючи, парусичи), глаголы с деевыми приставками (подумалась, по-устрадалась), также естественные формы сочетания глагола с приставкой (взвизгивала).

Этнический характер «Песни...» подчеркнут и тем, что ей поют гуслеры — славятели-посельники. Они одновременно слагают и исполняют её. Стало быть, события в песне происходят не от лица автора, а от лица эпических «народных» поэтов. Гуслеры начинают «Песню...», заканчивают каждую главу непосредственным обращением к слушателю и завершают эпическое повествование. Это связано с тем, что татарский голос не допускается в «Песню...», чтобы не нарушить духовное единство изображённого мира, которое несут с собой гуслеры.

При этом речевое единство (все персонажи говорят фольклорным языком) конфликтует с содержанием «Песни...», её сюжетом.

«Песня...» содержит в себе современный художественно-общественный смысл, поэтому куца Калашникова и опричник Кирибеевич можно рассматривать в качестве типичных героев-антагонистов. Куца — просто человек патриархального строя жизни. Он выполняет роль герольдиста, который саживают и гибнет, умирая за свою честь и честь своей жены. Кирибеевич — своеобразный герой-антиутопия, нарушающий патриархальные и христианские законы и справедливо наказанный за позорные «дела и обычаи, неким социальное-бытовое поведение». Тем самым эпическое Калашникова и Кирибеевича Липинцева поют как столкновение старых, патриархальных устоев средневекового общества с новыми яркими, демократическими нормами общественного поведения этнокультурного типа, в которых главную роль играют личные желания и свобода.

Степан Калашников, как герой средневекового прошлого, испытывает на себе тяжесть «жаркой мушкетёра». Он избегает от исторических обстоятельств, которые побуждают его бросить вызов обществу. «Песня...» потому и получила достоинство эпического произведения, что куца Калашникова имеет не только личную мотивировку, но и общенародную, общественную.

Кирибеевич и Грозный, нарушая всеобщие моральные нормы, посягают общечеловеческую этику, покушались на личную свободу и честь. С этой точки зрения Кирибеевич выпадает своеобразным индивидуалистом. Иван Грозный — типичен.

Бой Калашникова с Кирибеевичем происходит на виду всего народа. Эмоциональным выражением смертельного поединка и вместе с тем величия бравопанной «души», заключённой в нём, служат предпринятые боевые движения, переданные «цветом армяно-кавказского панцирного мазохизма».

Пред лицом Ивана Грозного Степан Калашников на виду всей Москвы, всё Кремля и царской, всей святой Руси защищает плечую честь и народную правду. Бой же Калашникова с Кирибеевичем — не обычный кулачный бой, а смертельный. Степан Параносович вышел не только с пами-

ринням постоять за правду, но и ослепнуть и даже невинно убить обидчика.

Дважды преступив закон, Степан Параманович склоняет перед ним голову.

В связи с этим очень существенно отношение к Калашникову Ивана Грозного, гусляров и самого автора, Лермонтова.

Литературоведы, как правило, не сочувствовали Ивану Васильевичу, считая, что царь изобразён деспотом и тираном, жестоко казнившим смелого купца. Однако никакой особой жестокости в действиях Ивана Грозного нет, если понять во внимание суровые нравы эпохи, весьма далёкие от гуманистических моральных и этических норм более позднего времени.

С точки зрения Ивана Грозного, Калашников должен быть кривень-аккуреный лютый, позорный (слово «позорный» здесь означает «зрелищный», «выставляемый на обозрение: представляющий на виду всего народа, при стечении большого «моря людей»), по тому что он бросил вызов царю, принял буйство, «взвиль-кай вишню» убив любимца царского опричника. Потешный Бог паццуметонил не наказавши вибедника о, а царскую награду:

Кто побьёт кого, того царь наградит,
А кто будет побит, того Бог проклянет!

Калашников превратил купечью забаву в смертоубийство. Признаваясь в своём желании убить Кирибеевича, купец противопоставляет себя личности царя:

А за что про что — не скажу тебе,
Скажу только Богу единому.

Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова

Ох ты гой вес¹, царь Иван Васильевич²!
Про тебя нашу песню сложили мы,
Про твоего любимца опричника³,
Да про смелого купца, про Калашникова:
Мы сложили её на старинный лад.

¹ Гой-гой (услы, карсано-гок) — трёхстопный, обобщительный возглас.

² Иван Васильевич — Иван IV (Грозный) (1530–1584), русский царь.

³ Опричник — должност. сл. славян и сербов — долж. солдата. Иван IV дал бояр-близким боярам. Опричник отличался крайней жестокостью.

Мы пинали её под густараный ланг
 И прочитывали да рассказывали.
 Праздничной народ всю толпился,
 А боярин Матасей Ромодановский
 Нам чарку папиёе иёу пинил¹,
 А боярыня его белолыцал
 Поднесла нам на блюде серебряном
 Полатенце носок, шёлком шиток.
 Угощали нас три дня, три ночи,
 И всё слушали — не двелушались.

I

Не сияет на небе солнце красное,
 Не пробуктос на тучки синие:
 То за трипеной сидит во златом венце,
 Сидит грозный царь Иван Васильевич.
 Поведа он слонг столькои²,
 Суровога его всё бояре да князья,
 Не баяем его всё опричникам:
 И пирует царь во славу Божию,
 В удовольствие спяе и веселье.

Улыбаясь, царь повелел тогда
 Выпя сладкого заморского
 Напелать в спай золочёный кожип
 И поиневать его опричникам.
 И всё пила, царя славили.

Лишь одан во иза, из опричником,
 Удалий боец, буйный молодец,
 В жинтом кожипи не мовил укин:
 Онустил он в жемло оин тёмныи,
 Онустил гуннушску ни широкую труди —
 А в труди его были думи крепкая.
 Вол нахмурона царь бриваи ширеваи
 И павел на него очи зорине.

¹ Мёд пинил — дало: пинил сладкой водке.

² Стылым — по дурной, притомленной за царем словом.

Словно зарей взглянул с вышнего неба
На младого глуми сизокрылого, —
Да не поднял глаз молодой бивц.

Вот сби жилак царь стужуа шапка,
И дубовой пол на полчетверти
Он желанном пробля околеником —
Да не кидринул в туе молодой бивц.
Вот премолял царь слова грозное, —
И ачнулся тогда добрый молодец.

«Гей ты, верный наш слуга, Кирибеевич,
Аль ты думу авталл незвестную?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная прикучила?
Когда всходит мысли — звезды радуются,
Что светлей из глумя по поднебежьи;
А которая в туеку прилетя,
Та стремглав на землю падает...
Неправильно же тебе, Кирибеевич,
Царикой радостки тоскуются;
А из роду ты ведь Смурятовых,
И земляки ты искорыли Маниганой!»¹
Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному и поже князяжель:

«Государь ты наш, Иван Васильевич!
Не поря ты раба податочного:
Сердца жоржосо не жалеть нищом,
Думу черную — не ашотчевать!
А прогновал тебя — воля парежал:
Привыкла кланить, рубить голову;
Тяготит она плечи богатырские,
И вама и сырой земле она клонитя».

И сказал ему царь Иван Васильевич:
«Да ни чьм тебе, молодцу, кручиниться?
Не истеря ли твой парчевый кафтан?
Не вымывсь ли выжик сибиринья?»

¹ Младша Смурятов — приближенный Ивана Грозного, племя стрелецкое.

Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась слабей закалённая?
Или конь захромал, худо кованный?
Или в нутр твою обил на кулачном бизе,
На Москве-реке, сын кулачничий?»

Отвечает так Кирибесник,
Покрякав глоскою мудреюшою:

«Не родилась та рука ашолдованная
Ни в боярском роду, ни в купеческом;
Аргамак² мой степной ходит весело,
Как стекло горит сабля пострал,
А на правдивичьей дельи твоей милостиво
Мы не хуже другого нарядимся.

Как я еду-поеду на лиском козе
За Москву-реку покатаюсь,
Бушаном полтиную шёлковым,
Заломлю шбочок шланку бирхатную,
Чёрным собором пирогчиную³, —
У ворот стоит у лесовых
Красны девишки да молодюшки,
И любуются, глядя, перешёлтыняжсь;
Лишь одна не глядит, не любуется,
Подкоятой фатой⁴ закрывается...

На скитой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходит плавно — будто лебедушка;
Смотрит гладко — как голубушка;
Малют слово — соловей поёт;
Горят щеки её румяные,
Как заря на небе Вознем;
Восы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетённые,
По плечам бегут, взвиваются.

² Аргамак — имя для восточной лошади, для коняк украшенных; аргамак — название трюмо-
данные «арданы» — обитатели южных степей.

³ Суврёлочука — обилие по кулаку.

⁴ Фата — головной убор.

С грудью белою палуются,
Во семье родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитривной.

Как увижу её, и и сам не свой:
Спускаются руки сильные,
Помрачневится очи байкины:
Скучно, грустно мне, приездившей парь,
Одному по свету маляков.
Осветыла мне коня дёккан,
Осветыла наряды парчовые,
И не пади мне золотой казыны:
С кем казною своей поделишь теперь?
Перед кем покажу удачистки своей?
Перед кем я парядом похваляюсь?

Отпусти меня в степи приползюкля,
На житьё на польное, на казачное.
Уж слоужу я вам будущую головушку
И слоужу на коньё бусурманское:
И разделит по себе злы татаровья
Копи доброго, сабли острую
И седельце бранное черкасское.
Мои очи слёзные коршун выключет,
Мои кости сироме дождик вымоет,
И без похорои сиремьичьей прах
На четыре стороны разлетит!..»

И сказал, смеясь, Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! я твой беде,
Твоему горю пособить постараюсь.
Все ишаны перекликаю на мой ахантикый¹,
Да какому окарелю аюучужной.
Прежде слахе² слышанной поклашайся.
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алене Дмитривне:
Как полюбилась — празднуй свадьбу,
Не полюбилась — не прогневайся».

¹ Ахантикый (от аханти) — старинное название сарбана.

² Слахе — в старину означало пожелание или просьбу или же совет.

— Ох ты гоф еси, царь Иван Васильевич!
 Обманул тебя твой лукавый раб,
 Не сказал тебе правды кутизной,
 Не поведал тебе, что красавица
 В церкву Божий переменила,
 Перевенчила с молодым кунцом
 Ты дакому нашему христьянскому —

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
 Ай, ребята, пойте — дело разумеете!
 Ум потешьте нас доброго боярина
 И боярыню его белолицую!

II

За прилазкою сидит молодой купец,
 Степной молодец, Степан Парамонович,
 По прозвищу Калашиников;
 Шашкистые товары раскладывает,
 Рыцка ласковой густой он заманивает,
 Злато, серебро перемешивает,
 Да недоброй делью выдался ему!
 Ходят мимо базы бесстыж,
 В его лавочку не заглядывают.

Отжончили вечерню по святых церквах;
 За Кремлём горит зоря туманная,
 Набегают тучки на небо, —
 Гасит их метелица распевашчи;
 Опустел широкий гостинный двор¹,
 Запирает Степан Парамонович
 Свою лавочку дверью дубовою
 Да замком немецким со пружиною;
 Злого не-виртуза зубастого
 На женскую цынь прижмывает,
 И пошёл он домой, праздуеманшись,
 К молодой хозяйке на Москву-реку.

¹ Гостинный двор — двор на южном берегу Кремля, расположенный поперёк реки. [Гостинный — от старинного слова гостини — купец.]

И приходит он в свой избушкий дом,
 И думает Степан Парамонович:
 Не встретит его молодая жена,
 Не накроет дубовый стол белой скатертью,
 А свеча перед образом еле тлеет,
 И встает на старую работницу:
 «Ты скажи, скажи, Еремеевна,
 А куда делась, астанилась
 В такой поздний час Алёна Дмитриевна?
 А что детки мои любезные —
 Чай, забегались, заигрались,
 Спозаранку спать уложились?»

«Господни ты мой, Степан Парамонович,
 И скажу тебе дело дивное:
 Что к вечеру пошла Алёна Дмитриевна:
 Вот уж пол пришёл с молодой повадьей,
 Засветила свечу, села ужинать, —
 И на её пору твою дожилиха
 На приходской церкви¹ не вернулась,
 А что дитки твои милые
 Поживать не ашак, не играть пошли —
 Плачем плачут, ноё не утешаются».

И смутился тогда думой крепкою
 Молочной купи Калашников;
 И он стал к окну, глядит на улицу —
 А на улице ночь темнотонька;
 Валит белый свет, растылается,
 Заметит след человеческий.

Вот он слышит, в сенях дверью хлопнула,
 Потом слышит шаги торжественные;
 Обернулся, глядит — сила крестная!
 Перед ним идут молодая жена,
 Сама блонная, прилавокская²,
 Косы русые расплетённые
 Сметком-нивом порёванные;

¹ Духовная школа — часть церкви.

² Духовная — с полноразличными. (Вот думает, как-то не так же, как мы сейчас
 пойдём так на улицу)

Смотрят очи мутные, как бычужины;
Уста шепчут речи непонятные.

«Уж ты где, жена, неси, шаталива?
На каком подворье, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одежда твоя вся изорвана?
Уж гукала ты, пирозала ты,
Чай¹, в сыжках все бабрюкижи!
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобой, жена, обручались,
Золотыми кольцами венчались!
Как зигру я тебя за железной решётке,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свету Божьего ты не видела,
Мой имя честное не порочила!»

И услышавши то, Алёна Дмитриевна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, как листочек осенний,
Горько-горько она застонала,
В ноги муну повалилася.

«Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои речи — будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюсь смерти дитя,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей несправедливости.

От жегерки дымил шив и нонече
Вдоль по улице одиношенька,
И пельменилось мне, будто снег хрустнул;
Отинулася — чужакам бежит.
Моя неженщина подбежала,
Шелковый платок я закрылася.
И на склянку схватила меня за руки
И сказала мне ты тихим шепотом:
«Что пужаешься, красная красавица?

¹ Чай — сыжа, пирозка.

И не вор павой, душегуб лесной,
 И слуга царя, царя грозного,
 Прозываюся Кирабеевичем,
 А из славной семьи из Малюткиной...»
 Испугалась и души прежнего:
 Закружилась моя бедная головушка.
 И он стал меня целовать-целовать
 И, целуя, всё приговаривал:
 «Отвечай мне, чего тебе надобно,
 Мне милан, драгоцення!»
 Кошешь золота или жемчугу?
 Кошешь ярких камней или цвелый парча?
 Как царницу я наряжу тебя,
 Станут как тебе ожиданть,
 Лишь не дай мне умереть смертью трупном:
 Подойди меня, обнимай меня
 Хотя единый раз на прощанье!»

И ласкал он меня, целовал меня:
 На щеках моих и теперь горят,
 Живым пламенем разливаются
 Щедалуй его оканящие...
 А смотрели в вилитку беседашки,
 Смеются, на нас пальцем показывали...

Как их рук еси и разнуажю
 И досой стремглав бежать бросилась,
 И осталась в руках у разбойника
 Мой ужорный платок, твой подарочек,
 И фата моя бухарская.
 Ослепил он, ослепил меня,
 Меня числуки, выворочил, —
 И что скажут атам севдучики?
 И кому на глаза покажусь теперь?

Ты не дай меня, своею верную жону,
 В чьих окулапиках¹ в поруганье!
 На кого, кроме тебя, мне надеяться?

¹ Окулапика (от слова окула — пазырма, паздырма) — чалма, которой горюла, торонт, похорит другого.

У кого просить стану помощи?
 На белом свете я спережинушка:
 Родной батюшка уж в старую землю,
 Рядом с ним лежат моя матушка,
 А мой старший брат, сам ты виднись,
 На чужой стороне црени божьей,
 А маленький мой брат — дитя малое,
 Дитя малое, перелетное...»

Говорил так Алёна Дмитриевна,
 Гарюшки слезами заливаясь.

Повыдлет Степан Парамонович
 За двумя меньшими братьями;
 И пришли его два брата, поклонивши
 И такое слово ему заговорили:
 «Ты поведай нам, старший наш брат,
 Что с тобой случилось, приключилось,
 Что поделал ты за нами во тёмную ночь,
 Во тёмную ночь морозную?»

«Я скажу вам, братцы любезные,
 Что дала беда от многи приключилась:
 Опозорил семью нашу честную
 Какой огривчик парочкой Кривобивкой.
 А такой злобы не слышеть думи
 Да не вынести сердцу молодильному.
 Уж как завтра будет кулачный бой
 На Москва-реке при самом царе,
 И я выйду тогда на арену,
 Буду на смеху битися, да последний свет;
 А побьёт от меня — выходите вы
 За святую правду-матушку.
 Не сробейте, братцы любезные!
 Вы молодые люди, свежей силой,
 На вас меньше грехов накопилось,
 Так здесь Господь вас помянет!»

И в ответ ему братья заговорили:
 «Куда куда дует в подпийески,
 Туда мчится и чучело полюбившее,

Когда сизый прёл знойт голосом
 На кровавую долину поблизца,
 Знойт пир править, мертвецов убирать,
 К нему милье пражея плативится:
 Ты наш старший брат, нам второй отец!
 Делай сам, как знаешь, как ведешь,
 А уж мы тебя, родного, не выдадим.

* * *

Ай, ребята, пейте — только гулаи стройте!
 Ай, ребята, пейте — дело разумеите!
 Уж потешьте вы доброго боярина
 И боярыши его белолицую!

III

Над Москвой великой, величавой,
 Над стеной прелёпавшей белокаменной
 На-за дальних лесов, на-за синих гор,
 По тёмном кровелькам вкраюча,
 Тучки серые разгоспяюча,
 Заря алая подымается,
 Разметала кудря золотистая,
 Улыбается снегами россыпчатыми,
 Как красавица, глядя в зеркальцо,
 В небо чистое смотрит, улыбается.
 Уж зачем ты, алая заря, просыпалась?
 На какой ты радости разыгралась?

Как сходился, собрался
 Удалые бойцы московские
 На Миску-реку, на кулачный бой,
 Разгуляться для праздника, отгуляться.
 И проехал царь со дружиною,
 Со боярами и сорочниками,
 И являл разогнуть цепь серебряную,
 Четверть золотом в пальцах спаянную,
 Цепила жито в 25 сажень,
 Для охотничьего¹ бою, одиночного.

¹ Охотничий — здесь дворянский, для «за» и «с» боя.

И велел тогда царь Иван Васильевич
 Клань кланять зношким талосом:
 «Ой, уж где вы, добрые молодцы?
 Вы потешите царя нашего батюшку!
 Выходите к нам широким кругом:
 Кто добьёт кого, того царь наградит;
 А кто будет побит, тому Бог простит!»

И выходит удалой Кирзбесеня,
 Царю в поле молта кланяется,
 Скидывает с могучих плеч шубу бархатную,
 Подпершись в биве рукою правою,
 Показывает другой шапку злою,
 Ожидает он себе противника —
 Трясая гривкой коня прожелезани —
 Не один боец в не тронулся,
 Лишь стоят да друг друга поталкивают.

На просторе спривчаних показывается,
 Над плоскими бойцами подмеивает:
 «Примирели, ребось, призадумались!
 Так и быть, обещаю, для праздника,
 Отпустию живого с показником,
 Лишь потешу царя нашего батюшку».

Варут талпа раздалась в обе стороны —
 И выходит Степан Параконобига,
 Молодой купец, удалой боец,
 По прозвищу Калашникос,
 Поклонился прежде царю грозному,
 После велелю Кремлю на контыя церквыя,
 А потом велелю наряду рукояному,
 Турит очя его соколшине,
 На шарынакя смекрял пристальны,
 Судротяв него он становитум,
 Боевые рукояны натигикает,
 Мисутыны плечи распрямливает
 Да кудренку бьоруду шелажиконет.

И сказал ему Кирзбесеня:
 «А поведай мне, добрый молодец,

«Писня ара... куца Квеман-квеман». Изображение М. И. Гусова

Ты какого роду, племени,
 Каким именем прозвасешься?
 Чтобы звать, по ном панжиду¹ служить,
 Чтобы было чем и похвастаться».

Отвечает Степан Парамонович:
 «А зовут меня Степаном Калашниковым,
 А родился я от честного отца,
 И жена я по закону Господнему:
 Не похорил я чужой жены,
 Не разбойничья дочка твоя,
 Не такля от света небесного...
 И проматыва ты бражку истинную:
 По одному на нас будут панжиду петь,
 И не позже, как завтра в часе полуденный;
 И одна на нас будет хаятаться,
 С удалыми друзьями перуться...
 Не шутку шутить, не людей смешить,
 К тебе вышел я теперь, бутурманский сын,
 Вышел я на страшный бой, на последний бой!»

¹ Панжидо — название слова по украинскому.

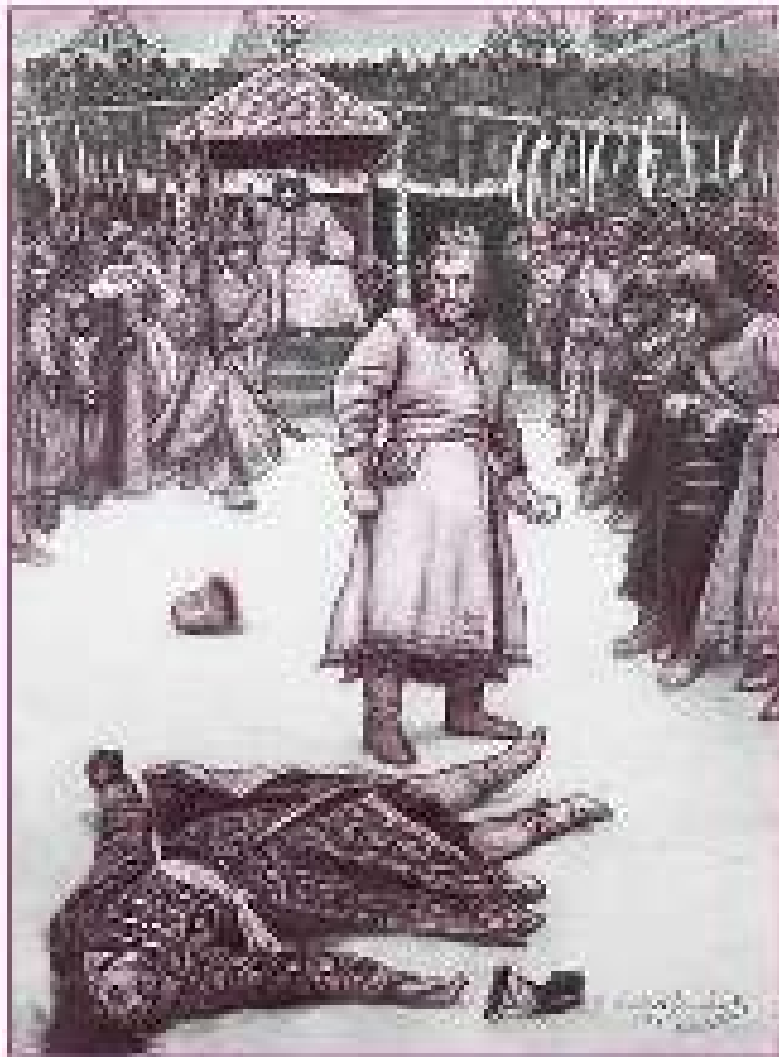
И услышав то, Карибеевич
 Поблизил в лице, как ожившей свет:
 Бойки очи его потуманились,
 Между сильных плеч пробежал мороз,
 На раскрытых устах слезы замирали...

Вот молча оба расходятся. —
 Ботатырский бой начинается.

Рывахнулся тогда Карибеевич
 И ударил впервой купца Калашникова,
 И ударил его посереде груди —
 Затрещала грудь молодецкая,
 Пошатнулся Степан Параскиевич;
 На груди его вырос видный крест
 Со святыми мощами из Киева,
 И пошатнулся крест и качнулся к груди;

«Сцена про... купца Калашникова».
 Художник А. В. Боровой

«Песня про... героя Калашникова».
Художник В. М. Бокланд

Как роса их под ноги крошек хвостыкам;
И подумал Стасян Пармонукам:
«Чему быть суждено, то и обудетси;
Постыло же правду до послонинкам!»
И залочился он, приплоточидня,
Собрался со всею силою
И ударил своего выначиттеника
Прямо в ливый живот со жези плочи.

И перичина млорой источила слотки,
Закочилен, упал замертво;
Повдлался он на хвлодиль онос,

На холодный снег, будто сосенка,
 Будто сосенка, во сыром бору
 Под еловый сад корни подрубливаются.
 И увидев то, царь Иван Васильевич
 Прогневался гневом, топнул о землю
 И как мурна брину айрены:
 Поведи он схватить удалого купца
 И привезти его пред лицю своё.

Как повелел православный царь:
 «Отвечай мне по приказу, по совести,
 Большой волею или нехотю,
 Ты убил по смерти моего первого слугу,
 Моего лучшего бояра Касрибесыта?»

«Я скажу тебе, православный царь:
 Я убил его вальшой валесою,
 А за что про что — не скажу тебе,
 Скажу только Богу одному.
 Прикажи меня казнить — я на казнь несть
 Мне головушку поизвиную;
 Не оставь лишь малых детушек,
 Не смей милодуми криву
 Да двух братьев моих своей милостью...»

«Хорошо тебе, детинушка,
 Удалой боец, сын купеческий,
 Что совет держал ты по совести,
 Милую жизнь и спрут твою
 И как же мной я поиздуму,
 Твоим братьям вею от всего не дня
 По песню царятю русскому широкому
 Торговать боляшню, бастопилкиню.
 А ты сам ступай, детинушка,
 На пыльное место лобное,
 Сложи свою буйную головушку.
 Я топер вею выточить-выштрипать,
 Палача вею одеть-парадить,
 В большой колокол приказу звонить,
 Чтобы знали все люди московские,
 Что и ты не складишь моей милостью...»

Как на площади парад собирается,
 Заушанный гудит-вост колокол,
 Разглядывает вонду вость недобрую.
 Но пышному месту лобному
 Во рубахе красной с яркой запятой,
 С большим топором наостренными,
 Руки голые потираючи,
 Палач персла покажывает,
 Удалова бойца дожидается.
 А ликой боец, молодой купец,
 Со родными братьями прощается:

«Уж вы, братья мои, други кровные,
 Поцелуйтеся да обнимаетесь
 На последние расставание.
 Поклонитесь от меня Алёне Дмитриевне,
 Скажите ей женше печалиться,
 При меня моим детушкам не смеживать.
 Поклонитесь дому родительскому,
 Поклонитесь всем папкам товарищам,
 Помолитесь сами в церкви Божией
 Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова.
 Смертью дотою, позорною;
 И головушка бестальщана¹
 Во крови на плаху повешалася.

Схоронили его за Москвой-рекой,
 На чистом поле промеж трёх дерек:
 Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской;
 И бугор земли сырой тут насыпали,
 И каменный крест тут поставили.
 И гуляет, шумит ветры буйные
 Над его безымянной могилкою.

И прохлдет мимо люди добрые:
 Прайдёт стар человек — перекрестится,
 Прайдёт молодец — прикоснется.

¹ Бестальщок — известный от старинно слова щель — дыра, щель.

Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гуслары — спойет песенку.

* * *

Гей вы, ребята удалые,
Гуслары молодые,
Годом заливные!
Красно начинали — красно и кончайте,
Всякому правду и чести выжайте,
Тырохому боярину слава!
И красавице боярыне слава!
И всему народу христианскому слава!

Размышляет и промышляет

1. Какое чувство испытала у вас после чтения поэмы¹, судя по какому герою вы почувствовали это? По какому поэма — явление Перестройки поэзии?
2. Нарисуйте свою картину мира в поэме поэта и культуры Боя. Какую представит в этих эпизодах дряхлый старик, Калашников?
3. В чём характер Алены Дмитриевны Гендалюк — жено-полю мужу замужней, жене? Как роль Алены Дмитриевны, Калашникова, Карибеева характеризует каждого из них? Дайте устный ответ на эти вопросы, заранее подготовив ответы на тему «План...», который вы будете подготавливать после чтения.

Творческое задание

1. По мнению учёных-историков, образ Прохорова сложен. Царь казнил Калашникова после того, как тот убивает Карибеева, а также признаёт свою виновность — совершённое стало криминалом. Он общается с друзьями, в том числе с женой Калашникова, но в то же время его слова про насилие являются не к покаянию:

Я теперь вале наочить-наострить...
В большой колокол призыву звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что я ты не оставлен моей милостью...

1. Таким образом, царский суд расходится с судом народа, который поёт славу Калашникову. Согласны ли вы с этим утверждением? Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.

¹ Поэма не создана, поэтому не её подготавливать, а тему эпизода.

2. В. Г. Белинский так характеризовал трёх главных героев:

«...Ваня своей суровой волей, жуткой силой — драматической, порывом своей смерти и пылкой и смелой волей этого, как мы знаем, сумасшедшего, предвещает величия Пушкина... но сильного и благородного по природе своей? Другой?»

«Камилла — сильная, могучая натура! Её страсть — лавина, её порывы — громады и руды... Вы видите, что любил... — не дураком-де дура, не простым человеком-ста, но страсть — натурой пылкой, души горячей, Вы понимаете, что для этого человека нет середины: или голубить, или погубить!»

«...Это один из тех угрюмых и тёмных характеров, которые — тьма и колючки только до тех пор, пока обстоятельства не расколют их, одна из тех железных натур, которые в обиду не стоят, и один дадут... Есть душа, доух — колючка... всё это — то же, что и у нас, но зато вы знаете, что близость, что туча — туча — слава...»

К концу операции каждая характеристика? Совпадают ли они с авторским, — каждому / вашим отношения к героям? Подготовьте сценическое действие на эту тему, объясните свои выводы, подтвердите их цитатами из текста поэмы.

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение «Песни...», учитывая работу с устным народным творчеством, передавая характеры героев, их язык, поступки, обратив внимание на выразительность языка и концовки, на использованные автором сравнения, метафоры, инверсию.

Анализ сценического чтения

СЛУШАЕМ АКТИВНОЕ ЧТЕНИЕ

М. Ю. Лермонтов. «Песня про царя Ивана Васильевича, малолетнего царицына и удалого купца Калашниковца»

1. М. Ю. Лермонтов, подражая фольклорным произведениям, называет «Песню...» с заглавием. От чего ике и звучит заглавие? К кому он обращён, к читателю или слушателю? Почему? Какое настроение создаёт у слушателя заглавие песни, к чему оно толкает?
2. Какое место здесь преобладает в творчестве народного артиста России Сергея Савокина, метафорично описывая царского тирана?
3. Как актеру удаётся при чтении передать черты характера царя Ивана Грозного и описывать поведение Кирибеевича? Что в характеристике этого персонажа подчёркивает автор?
4. Как Кирибеевич рассказывает о любви царю и как — крестьянину, которого он не по-настоящему? Как вы думаете, почему в этом разговоре актёр подчёркивает самолюбивость Кирибеевича, его ущемлённое самолюбие?

5. Как меняется характер чтения актёра, когда он переходит к откровенно лживой и до нектупа Степану Парамоновичу Калашникову?
6. Какие качества характера Алёны Дмитриевны удалось передать актёру при чтении её рассказа нулеу о том, что с ней произошло? Чем она была напугана, что терзало её душу?
7. Какие чувства живут в сердце актёра, читающего отрывки из романа «Утра и день кувшиного бая»? В чём причина слезливости, проникновенности этих чувств?
8. Какие черты характера Кир-Басмаева и Калашникова подчеркиваются в своих чтениях актёра, заставляя его забыть о, трагическую роль на сцене бая?
9. Какие средства выразительного чтения делают столь эмоциональной сцену чтения Степаном Калашниковым в эпиграммой актёра?
10. Подготовьте выразительное чтение монолога одного из героев «Нас много: шара Ильяша, Басильевича, Степана Парамоновича Калашникова, Алёны Дмитриевны, отшельника Кир-Басмаева, Пастора? Как в своём чтении выразить характер персонажа, его душевное состояние.

ЧИТАТЕЛИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА О СВОИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ

Известно, что замечательный русский писатель Иван Бунин хотел написать о Лермонтове, но желание его не сбылось. Однако остались его высказывания о поэте: «Просто представить себе нельзя, до какой высоты этот человек поднимался бы, если бы не погиб: двадцать семь лет». Он часто повторял, читая лермонтовские стихи: «Как необыкновенно! Ни на Пушкина и ни на кого не похоже! Изумительно, другого слова нет».

Русский поэт и филолог Д. Г. Мережковский так пишет о своём отношении к Лермонтову:

«...Почему приближался к нам Лермонтов? Почему вдруг заколебались и нын глыбы?»

Рассказывая, будто бы у Лермонтова был такой «лирический взгляд», что на кого бы смотрел пристально, тот невольно оборачивался. Не так ли ны сейчас и нему обернулись невольники?

Стихи его для нас как заученные с детства молитвы. Мы до того привыкли к ним, что уже пяти не понимаем. Слова действуют тайно слыша.

Помню, когда мне было лет 7—8, я учил гадать «Ангела» из старинной христианки с острогальным зелёным кораллом. Я твердил: «По лобу полуночи», не понимал, что «полуночи» родительный падеж от «полночь»; мне казалось, что это два слова: «ло» и «луночь». Я видел картину, изображавшую ангела, который лежит по тёмно-синему, лунному небу:

это и были для меня „луночки“. Потом узнал, в чём дело; но для сих пар чётко: „на небо, на луночки“, бессмысленно, как детскую машинку.

Есть ведь благодатная
В созвучьи слов жизнь,
И дарит непонятная,
Святая прелесть в них.

Я также узнал, что нельзя сказать: „Из пламя и света“, а надо: из пламени. Но мне правилась эта гранити-еская ошибка: она приближала ко мне Лермонтова.

Потом, в 12—13 лет, я уже для собственного удовольствия учил его наизусть. Переписывал „Мцыри“ тщательно, в золотобрезную тетрадку, и мне казалось, что эти стихи и сам сочинял.

Пушкина я тогда не любил: он был для меня взрослым; Лермонтов такой ребёнок, как я.

В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела помёт
Прилежный котик следитъ бы мог.

Вот чего Пушкин не смаял бы ни за что. Возраст был слишком грозен, точен и мерило действительности. Он говорил просто:

Последняя туча расставленной бури,
Одну ты несёшься по ясной лазури...

Но эта пушкинская „ясная лазурь“, по сравнению с бездонно-глубоким лермонтовским небом, казалась мне плоской, как голубая эмаль.

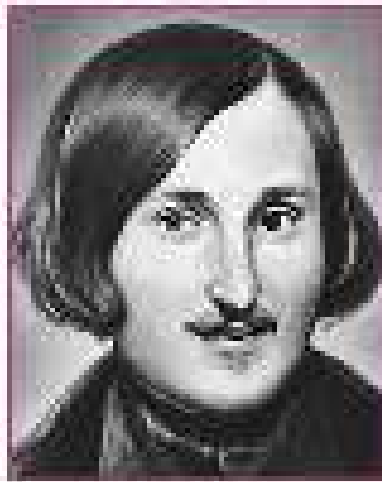
С годами я полюбил Пушкина, понял, что он велик больше, чем Лермонтов. Пушкин отпустил, умалил и как-то обидел во мне Лермонтова: так иногда взрослою печально обижают детей. Но где-то в самой глубине души остался уголок, не утраченный Пушкиным.

Я буду любить Пушкина, пока я жив; но когда придёт смерть, боюсь, что это примирение:

И пусты у ребёнка взоры,
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Краской мнимою глеть, —

покажется мне холодным, жидким, нечто не примиряющим, — и я вклиню тогда детские молитвы, исповни Лермонтова.

Но потому ли уже и теперь, сквозь вечеряющий пушкинский день, таинственно марширует Лермонтов, как первая звезда.

Николай Васильевич ГОГОЛЬ

1809—1852

Гоголь не пишет, а рисует; это изобразительный талант воплотил в ярком и действительном. Видишь и слышишь все...

В. Г. Белинский

Н. В. Гоголь.
Художник
И. А. Мамонд. 1843.
Бронза

Николай Васильевич Гоголь родился в 1809 году в местечке Великие Сорочинцы Полтавской губернии. Детство будущего писателя прошло в селе Васильевка. Его отец, Василий Афанасьевич, был миклаевским абрам-зашным, автором комедий из народной жизни.

В 1818 году Н. В. Гоголь поступил в Полтавское уездное училище, потом в Южнскую гимназию высших наук, где пролегался дух свободомыслия и куда проникали опьяляющие декабристских настроений. В Гоголе рано пробудился интерес к литературе...

В 1830-е годы писатель знакомится с Пушкиным, Жуковским, читает лекции в педагогическом институте. В 1832 году его ниг приобретает издательство, и он целиком посвящает себя литературной деятельности.

Историческая повесть «Тарас Бульба», комедии «Женитьба», «Ревизор» связаны событиями для читающей публики.

В «Тарасе Бульбе» Гоголь изображает большевиков характеры символы Тараса, Остапа, других запорожских «рыцарей», их самоотверженную борьбу за родную землю, за свою национальную независимость. Писатель в своей повести не стремится к объективности исторической реконструкции. Его Тарас близок к народному представлению о германском, библорском характере. Любовь и верность Родине, товариществу для Тараса и Остапа лишь личный привязанности, кровного родства, любовного чувства. Повесть полна восхищения перед беззаветным мужеством народа и его героической борьбой за независимость и свободу Родины.

КАК РАБОТАЛ Н. В. ГОГОЛЬ

Гоголь писал по утрам, — об этом свидетельствуют и сам он, и все его наблюдатели. Никогда, впрочем, бывало, что он работал целые дни напролет. «Когда Гоголь начинал писать, — говорил его знакомый, — то преподаватель о делала задумчиво и крайне молчаливо. Подолгу молча ходил он по комнате, и когда с ним заговаривали, то пресна замалчивал и не мешал ему».

В дни того особенного умственного подъёма, который обыкновенно называет вдохновением, он писал Погодину: «Я почувствовал, что в голове моей шевелятся мысли, как разбуженный рой пчёл: воображение моё стало чутко. О, какая это была радость!»

Для повести «Тарас Бульба» Гоголь пользовался сочинениями по истории, быту и нравам... карматства... Но ещё больше пользовался Гоголь для этой повести академическими песнями. Вся повесть проникнута духом этих песен, стиль её совершенно песенный, и текст прямо просится на переложение в былинный стих.

Важнейшим источником к творчеству Гоголя была писательница дуэлянтства, Беринжевы смерти и своей автобиографии: «Ничто в такой степени не радовало писателя, как слышать его рукописей, мушкетёрски брошенных в печь». Вся творческая жизнь Гоголя связана с ним благодарным знакомом. Ещё в молодости он предавался сложившимся в то время «блудным», «потому что сам автор не был им доволен». Уничтожил немедленно «Владимир 3-й статьи». Два, по-видимому, раза ещё второй том «Мертвых душ». И писал по этому поводу: «Затем сожжён второй том „Мертвых душ“, что так было нужно».

А. В. Никитенко рассказывает в своих записках: «Однажды Гоголь просил Жуковского выслушать всю написанную им пьесу и сказать о ней своё мнение. Чтение пришлось как раз после обеда, а в это время Жуковский любил немножечко подремать. Не в состоянии бороться со своей привычкой, он в те поры слушал автора, мало-помалу погружаясь в тихий сон. Наконец, он проснулся.

„Вот видите, Василий Андреевич, — сказал ему Гоголь, — я требовал у вас критики на моё сочинение. Выш сон есть пушка на него критика“

И в эти же слова бросил рукопись в ту же топившийся камин».

Письма его переполнены призывами к друзьям о критике самой жёсткой и самой искренней, «Собирайте мне камни жемчужны, Будете строги и неумиланны как можно больше...» Он при чтении яростно кивал головой и лица слушателей, чутко ловил вся уловимая зыбучая...

¹ Писательство — это искусство, искусство.

И в «Авторской исповеди» он пишет: «Автор, творя творенье своё, должен почувствовать и убедиться, что он исполняет тот долг, для которого он призван на Землю, для которого именно даны ему способности и силы, и что, исполняя его, он служит в то же самое время своему государству своему...»

Д. Д. Березов

Проверьте себя

В чём особенность творческой манеры Н. В. Гоголя? Отвечая на вопрос, используйте книгу В. Березова «Как работал Гоголь» или статью в учебнике.

Тарас Бульба

(В сокращении)

I

— **А** поворотышки, выи! Экая ты смешная кашка! Что это ни вые за головешки андрюшники? И эдак вы ходит в академия?

Таковы молодые ветреники тарный Бульба двух сыновей своих, учившихся в шляхетской школе¹ и приехавших уже на дом к отцу.

Сынство его только что слезли с кашей. Это были два дюжие молодца, ещё скотушники вислоухие, как издавна вышуканные семейные. Крепкие, широкие лица их были закрыты широким носом ватое, затароты уши не касались бровей. Они были очень смуглы таким приметом лица и стали неподвижно, потупив глаза в землю.

— Стойте, кашки! Дайте мне рассмотреть вас хорошенько, — продолжал он, повертывая их, — какая же дичина на вас свитка? Экая кашка! Уших кашток ещё и на свете не было. А побеге поторый-нибудь из вас и посмотрю, не шлепнется ли он на землю, запутавшись в волосы.

Но кашка, не касаясь, ботыка! — сказал, выходя, строгий на них.

— Смотри ты, какой кашный!² А отцы же бы не слытька?

— Да так, хожь ты мне и батька и как будешь свистыка, то, ей богу, пошлешь!

— Ах ты, елкай-тихой елка! Как, батька?.. — сказал Тарас Бульба, отступивши в удивленном вытосыка шагов назад.

¹ Школа — древнее училище.

² Кашный — человек дичный, смешной.

³ Ботыка — духи гонимы, надутость.

— Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

— Как же хочешь ты со мной бороться? Разве ни кулаки?

— Да уж на чём бы то ни было.

— Ну, давай на кулаки! — говорил Бульба, жёстким движением руки, — не смотри я, что за человек ты и кулаки!

И отец с сыном, вместе приваливая носом длинной палочки, никак не могли друг другу тумака и в бок, и в поясницу, и в грудь, то обступая и обглядываясь, то вновь шепелявя.

— Смотрите, добрые люди! аура старый! совсем спятил с ума! — говорила бледная, худощавая и подраг мать их, стоявшая у порога и не решившая ещё обнять беспомощных детей своих. — Дети приехали домой, больше года их не видели, а он подумал новость что: на кулаки биться!

— Да он славно бьётся! — говорил Бульба, остановившись. — И-богу, хорошо! — продолжал он, немного взвешиваясь, — так, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будет козак! Ну, здорово, сынку! поче-ломкаем! — И отец с сыном стали целоваться. — Добро, сынку! Вот так колоты всякого, как меня тудил. Никому не спускай! А всё-таки на тебе оземное убранство: что это за верёвка висит? А ты, бей-бас¹, что ступишь и руки опустит? — говорила она, обращаясь к младшему, — что ж ты, собачий сын, не колотишь меня?

— Вот ещё что выдумал! — говорила мать, обнимавшая между тем младшего, — И придёт же к голове этакое, чтобы дитя родное было отца. Да будто и до твоей теперки дитя младшее, приехало етлако ко пути, утонуло... (это дитя было двадцати с лишним лет и равно в сажень роста). Ему бы теперки нужно шпачить и шкель чашки буди, а он астаивает его биться!

— Э, да ты малуничк², мам я вижу! — говорил Бульба. — Не слушай, сынку, матери: она баба, она ничего не знает. Какая вам по-паба? Ваша шежба — чистое поле да добрый конь: вот ваша шежба! А видите вот эту свайто! вот ваша матери! Это всё дрянь, чем паби-вают голодом вишки: и шадемаж, и все те шижки, бунваря и философия, и всё это на ака аде³, я плевать на всё это!.. А вот, лучше, а нас на той же педеле отправлю на Запорожье. Вот где наука, там шука! Там вам школа: там только наберётся разуму.

— И всего только одну педелю быть им дома? — говорила жалостно, со слезами на глазах, худощавая старуха мать. — И погулять им,

¹ Бейбас — бейбас.

² Малуничк — малюшанка², маленькая.

³ На ака ака — «вот мать».

бедным, не удаетел; не удаетел и дозу родного унять, в мисе не удаетел наглядеться на пек!

— Полтав, ладно выть, старуха! Кошак не на то, чтобы полететь с бабами. Ты бы спрятали их обоих себе под юбка да и сидела бы на них, как на куриных яйцах. Ступай, ступай, да ставь нам скорее на стол всё, что есть. Не нужно пампушек, медовиков, маковничков и других пундиров¹; тащи нам песто барала, козу давай, мёды сорокалетние! Да горелки побольше, не с выдумками горелки, с ланомом и всякими вытребиньками², а чистой, чистой сирежка, чтобы нерши и шишоя, как бесеная.

Будьбы повеяли сквозной сквоз в светлицы, откуда прозориво выбежали две красивые девки-прилужницы, в червоных монистах³, прибиравшие комнаты. Они, как видно, испугались приезда пантелей, не любивших спускаться никому, или же просто хотели соблюсти свой женский обычай: искринуть и брешуться ширинутью, уладивши мужичку, и потом долгу инкрыжуться от сильного стыда ружиним. Скелдизн была убрана во вкусе того времени, и киторсел жикые намёки скелдизн только в песнях да в народных думках, уже не поминихся более на Украйне бородастыми старцами-слепцами, в сопровождении тихого треньканья бандуры⁴ и в ряду обступившего народа; во вкусе того брашного, трудного времени, когда начались размыриваться схватки и битвы на Украйне за унию⁵. Всё было чисто, вымызано цжетым спанки. На стенах — рыбля, инсийка, сетка для птиц, немюда и ружья, хитро обделанный рог для пороку, золотая уздечка на коня и пугы в серебристых бликах. Огни в светлице были маленькне, с крутлыми, тусклыми стеклами, какне встречивател инше только в старинных церквах, скволя которые инше пелья было гладеть, как приподняв паданнхное стекло. Вонрут окон и дверей были красные откюды⁶. На полках по углам стояли кувшины, бутылки и флажки зелёного и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки шелкой работы: венечейской⁷, турецкой, черкевской, зашедшие в светлицу Будьбы всякими путями через третьи и четвёртые руки,

¹ Пундир — сладость.

² Вытребинька — выдумка, шутка.

³ Червоные монисты — красные сережки.

⁴ Бандура — народная музыкальная струна.

⁵ Уния — объединение Православной церкви с Ассирийской под именем единой церкви.

⁶ Откюды — старинная раскраска.

⁷ Венечейская — венечейская.

Гаря: Бульба. Художник А. П. Савицкий

что было весьма обыкновенно к тем удалым временам. Верстовские скамьи окружались всею компанью; огромный стол под образами в парадном углу; широкая печь с запечьями, уступами и выступами, покрытая цветными, пестрыми карпацами, — всё это было очень знакомо нашим двум молодцам, приходившим каждый год домой на каникулярное время, приходившим потому, что у них не было еще денег, и потому, что не в обычае было позволять школярам садиться верхом. У них были только длинные тубы, за которые мог выдрать их великий колак, священнический оружане. Бульба только при выпуске их послал им на табуну своего пару молодых жеребцов.

Бульба по случаю приезда сыновей велел возвать всех сотников и весь полкавий чин, кто только был наличен; и когда пришли двое из них и есаул¹ Дмитро Тонкин, старший его товарищ, он им тот же час сыновей представил, говоря:

— Вот, смотрите, какие молодцы! На Сечь их скоро пошлю.

Гости поздравили и Бульбу, и обоих юношей и сказали им, что доброе дело делают и что нет лучшей науки для молодого человека, как Запорожская Сечь.

— Ну ж, инем браты, садись всякий, где кому лучше, за стол. Ну, сынки! прежде всего выпьем спиртаки! — так говорил Бульба.

¹ Верстовские — селенная на каза, который в Полтавском наивали барском.

² Есаул — главный артиллерийский офицер в старинных войсках.

ба. — Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки и ты, Остап, и ты, Андриш! Дай же Боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы! Чтоб вы бугурияков¹ били, и турков бы били, и татарку били бы: когда и ляхи начнут что против веры вашей чинить, то и ляхов бы били! Ну, подтяжешь само чарку; что, хоронишь гаризку? А как по-латыни по-русски? То-то, сынку, дураки были латынские: они и не знали, есть ли на свете горшки. Как бабка, то-то знала, что латынские варшат² не ели? И грамоте разумкою не сильною, а потому и не знала; Горщик³, что ли?

«Видишь, какой бабка! — подумал про себя старший сын, Остап, — ведь, старый собака, знает, а ещё и присядывает!».

— И думаю, архимандриту⁴ не давал вам и показывать горшки, — продолжал Тарас. — А признайтесь, сынки, прележе стегали вы берёзовыми и еловыми ивнишком по спине и по всему, что ли есть у казака? А может, так как вы сделались уже слишком разумные, так, может, и плетьюгами поролли? Чай, не только по субботам, а доставалось и в среду и в четверг?

— Ничего, бабка, вспоминать, что было, — отвечал хладнокровно Остап, — что было, то прошло!

— Пусть теперь попробует! — сказал Андриш, — пускай только теперь кто-нибудь извинит. Вот пусть только подвернется теперь какая-нибудь татарка, будет знать она, что за вещь козацкая сабля!

— Добра, сынку! ей богу, добра! Да куда вы то пошло, то и я с вами еду! ей богу, еду! Каким образом мне здесь жидеть? Чтой же стал греховодим, догосовим, гандить за овцами да за свиньями, да бабиться с жонкой? Да припиди она: и казык, не хочю! Так что жас, что неч войны? Я так иду с вами на Запорожьё, погулять. Кй-бату, еду! — И старый Вульба мало-помалу горячился, горячился, похаживал, рас-сардился совсем, затаил из-за стола и, присевивившись, тапнул ногою. — Запори же ндям! Зачим итлядывити! Каким образом мы жонки здесь заведеть? На что нам эта жата? К чему нам всё это? На что эта горшка? — Сказавши это, он начал колотить и швырять горшки и фляжки.

Бедная старушка, привыкшая уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она не смела ничего говорить; но, услышав в таком страшном для неё решении, она не могла удерж-

¹ Бугурияков (Бугурия) — название лесов восточной Украины.

² Варшат — евреи.

³ Горщик — дворянский титул.

⁴ Архимандрит — высший сан в православной церкви, т. е. начальник духовного управления.

зваться от слона; колыхнула на детей слона, с кисторыма угрожала ей такая скорая рятука, — и никто бы не мог оценить всей блистательной силы её гарниту, которая, казалось, трепетала в пазухах её и в суматошном шептании губах. «...»

Тарас был один из числа козачьих, старым полковником; зесь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой приметой своего права. Тогда влияние Польши начинало уже оказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные палаты, ершолов, лоджии, сады, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь козаков и пересорялся с теми из своих товарищей, которые были склонны к каршнейской стороне, начиная их колотьями польских панов. Негуманный начин, он считал себя законным защитником православия. Самоуправно входил в сёла, где только жиливались на притеснении арендаторов и на приближку новых помещиков с дьяком. Сам с своими козаками производил над ними расправу и полагал себе правкою, что в трёх случаях всегда следует взяться за саблю, именно: когда козацарь¹ не уважил в чём старшине и стояли пред ним в шапках; когда поглумились над православием и не почтили предковенского закона и, наконец, когда враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае позволительным поднять оружие во славу христианства. Теперь он тешил себя паранос мыслью, как он явится с двумя сыновьями своими на Сечь и скажет: «Вот посмотрите, каких я молодцов привел к вам!»; как представит их всем старшим, князьиным и батням товарищам; как поведёт их крестом поднимит их в ратной науке² и бранничестве, которое почитал также одним из главных достоинств рыцаря. Он сначала хотел было отправить их из них. Но при виде их свежести, рослости, мусулой телесной красоты вспыхнул козацкий дух его, и он на другой же день решился ехать с ними сам, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Он уже хлопотал и отдавал приказы, выбирал коней и сбрую для молодых сыновей, наведывался и в колпишину и в амбары, отобрал стуг, которые должны были завтра с ними ехать. Воду Тарасу передал свою власть вместе с крепким наказом явиться сей же час во всем полном, если только он подлетит из Сечи какую-нибудь весть. Хотя он был и названец и в голове видя бродил хмель, однако ж не забыл ни

¹ С брано — шата, с брано шата.

² Крестом — здесь, конечно, означен порядок.

³ Ратной науке — искусство браны.

ничего. Даже издали приказывали вынуть коней и вышвырнуть их в долину крутой и первой пшеницы, и пришёл усталый от своих забот.

— Ну, дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, что Бог даст. Да не стали нам постель! Нам не нужна постель. Мы будем спать на дворе.

Ночь ещё только что вошла небо, но Бульба всегда ложился рано. Он развалился на ковче, накрылся бараньим тулупом, потому что ночной воздух был довольно свеж и потому что Бульба любил укрыться потеплее, когда был дома. Он вскоре захрапел, и на нём сплелся весь двор: всё, что на лежало в рощах его усадеб, ахрикнуло и завяло; прежде женом заснул старож, потому что билась ввек наплелся для прихода павичей. Одна бедная мать не спала. Она принадлежала к исключительным даровым сыновей своих, лежничных рядом; она расчесывала гребнем их молодые, небрежно выключенные кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зренье и не могла оторваться. Она выкармливала их собственною грудью, она возмужала, возмужала их — и только на один миг видела их перед собой. «Силы мои, силы мои милые! что будет с вами? что ждёт вас?» — говорила она, и слезы останавливались в морщинах, прилепивших её когда-то прекрасное лицо. В самом деле, она была жалкая, как всякая женщина того удалого века. «...» Она видела мужа и тех двоих детей, и потому несколько лет с ним не бывали слуха. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за женщина её была? Она терпела издевательства, даже побои; она видела из милости только оказываемые ласки, она была какое-то странное существо в этом собрании безжённых рыцарей, на которых разгуданное Запорожье набрасывало суровый колорит свой. «...» Вся любовь, все чувства, всё, что есть нежного и страстного в женщине, всё обратилось у ней в одно материнское чувство. Она в жаром, в страсть, с влезания, как стенная чайка, висела над детьми своими. Кё сыновей, её милых сыновей берут от неё, берут для того, чтобы не увидеть их никогда! Кто плещет, может быть, при первой битве татарин рубит им головы, и она не будет видеть, где лежат брошенные тела их, которые зажжёт хищная подорожанка итаца и за каждый кусочек которых, за каждую каплю крови она отдавала бы всё. Рядом, глядела она на него, который женщиной сии начинала уже сама, и думала: «Авось либу Бульба, прогнувшись, оторочит денёк»

¹ Колдык — вдова.

ли два отъезда; может быть, он подумал оттого так скоро ехать, что много выпил».

Месяц с вышины неба давно уже озарял весь двор, наполненный спящими, густую кучу верб и вьющийся бурьян, в котором потонул чаше-стокан, окружавший двор. Она всё сидела в головах милых мышей своих, ни на минуту не сводила с них глаз своих и не думала о сне. Уже воня, тухл рассвет, все полезли на траву и перестали вить; вер-ные листья верб начали лепетать, и мало позвуду лепетущая струя спустилась по ним до самого низу. Она просидела до самого света, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась как можно дальше. Со стены понеслось зинков ржаные жеребёнки; красные полосы ясно сверкнули на небе. Бульба вдруг проснулась и встал. Он очень хорошо помнил всё, что приказывал вчера.

— Ну, хлопцы, можно спать! Паря, паря! Навыйте коней! А где стары? (уже он обыкновенно называл жену свою). Живы, стары, по-товы вым вить, покажу что путь великий лежит!

Видная старушка, зинковая овладившей владения, уныло подслыжалась в хату. Между тем как она со слезами готовила всё, что нужно к па-терису, Бульба радилась свои приказавшая, неслась по конюшне и сам выбирал для детей своих лучшие уборы. Вуренки вдруг приобре-тались: на них пазилась, вместо прежних запачканных сапогов, са-фильные¹ красные, с серебряными полкавами; шировары, шировары в Чёрное море, с тысячами вкладок и со сборами, перетянулись золо-тым очкуром²; к очкуру прикреплены были длинные ремешки, с из-стями и прочими побрякушками, для трубки. Калахны³ алого цвета, сукна яркого, как огонь, ополсали узорчатым полсом; тканые ту-рецкие пистолеты были задвинуты за пояс; сабля брякала по ногам их. Их лица, ещё мало загоревшие, казалось, выгорели и побеле-ли; молодые чёрные усы теперь как-то вроде отщипали белизну их и здоровый, мощный цвет юности; они были хороши под чёрными бараньими шапками с золотым верхом. Бедная зинка! Она как увиде-ла их, она и своим не могла промолвить, и слёзы оставившись в ли-цах её.

— Ну, сыны, вый галык! вечно вышкелы! — пропавше, вышкелы, Бульба. — Топерь, ни обычаю христианскому, нужно перед дурисом всем присесть.

¹ Сафилы — кожа выжогого животного.

² Очкур — широкое, острое атлантическое перстель.

³ Калахны — выжигают паром по голове по армянскому обряду жиды.

Все скны, все выключая даже и женщин, стоявших почтительно у дверей.

— Тинеръ благословен, мать, детей своих! — сказала Бульба, — жила Бога, чтобы вы ивняли хребро, заццццццц бы всегда честь льцццццццц¹, чтобы стояли всегда за веру Христому, а не то — пусть лучше пропадут, чтобы в духу их не было на свете! Подойдите, дети, к матери: жидовно матеранский и на воде и на земле санский.

Мать, слободя как мать, обняла их, выпула две небольшие иконы, надела им, рыдая, на шею.

— Пусть хранит вас... Божья Матерь... Не забывайте, сынки, мать вашу... прищлите хоть восточку в себе...

Далее она не могла говорить.

— Ну, пойдём, дети! — сказал Бульба.

У крыльца стояли оседланные кони. Бульба вскочил на своего Чёрта, который бешено отшатнулся, почувствовал на себе двадцати пудовое бремя, потому что Бульба был чрезвычайно тяжёл и толст. Когда увидела мать, что уже и сыны её сели на коней, она кинулась к меньшому, у которого в чертах лица выражались более какой-то нежности; она схватила его за стремя, она приставнула к седлу его и с отчаяньем во всех чертах не выпустила его из рук своих. Два дюйма кожей жила на нём берёзкой и упирали в дугу. Но когда выехали они за ворота, она из всего лёгкости дикой кожи, несобранный её летки, выбавала за паруса, с беспощадностью сильно останавливала лошадей и обняла одного из сыновей с каким-то поминанием, бесчувственным изречением; её шитье ужасно. Молодые коники ихним слухом² и ударили валам слёзы, ваясь отца своего, который, однако же, с своей стороны, тоже был несколько смущён, хотя не старался этого показывать. День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то в разлад. Они, прославши, взглянулись назад: хутор их как будто ушёл в землю; только стояли на земле две трубы от их скрамного дымки да одни только верхины дерев, по сучьям которых они лазали, как белки; один только дальний луг ещё остался перед ними. — Тот луг, по которому они могли припомнить всю историю жизни, от лет, когда катались по росистой траве его, до лет, когда поджидали и вём чернабровую козачку, бояливо летишущую через него с помощью своих свежих, быстрых ножек. Вот уже один только шест над колодезем с привязанным сверху колесом от телеги одиноко торчит на небе; уже

¹ Блцццццц

² Слцццццц — звук: глцццццц

равнина, которую они проезжали, кажется надвигалась горой и всё войлоком закрыла. — Прощайте в дество, и игра, и вес, и вес!

II

Вось три годажики ждали милчидяки. Старикой Тарас думал и думал: перед ним проходилась его молодость, его дела, его дружокшые дела, в которых жизни почти ничтож казало, жиданной бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Он думал о том, кого он встретит на Сечи из своих прежних товарищидей. Он кышискала, какие уже перемердали, какие живут ищиде. Слезы тихо крупилилась на все ливидце, и бородидкина ливина его увельо кинурилась.

Сыновья его были заняты другими милчидяки. Но нужно сказать побольше о сыновьях его. Они были седидны по двиднадидатиому году в Киевскую акадидмию, потому что все почидтные сыновидники тогдашнего времени считали необходимо дать воспитание своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы после совершенно позабыть его. Они тогда были, как все поступавшие в Бурсу, даже, воспитаны на свободе, и там уже они обыкновенно несколько шифифовались¹ и получали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга. Старший, Остап, начал с того своё поприще, что в первый год ещё безжал. Его возвратили, выскли страшно и засадили за книгу. Четыре раза замыкал он свой бивварь в землю, и четыре раза, отозраваши его бесчеловично, покупали ему новый. Но, без сомнения, он повторил бы и в пятый, если бы отец не дал ему торжественного обещания продержатъ его в министерских службах целые двадидать лет и не поклялся на перёд, что он не увидит Запорожская вивки, если не выучится в акадидмии ниже науки. Любидмысли, что это обидрил тот же синий Тарас Бульба, которой бивина всю учёность и синивина, как мы уже видели, детям вовсе не хивидиться его. С этого времени Остап начал с необыкновенным старанием сидеть за скучною книгой и скоро стал наряду с лучшими. <...>

Остап считался всегда одним из лучших товарищидей. Он редко преподавательствовал другим и держал предидриятия — обобрать чужой сад или огород, но зато он был всегда одним из первых, приходящих под знамидна предидриимчивого бурсика, и никогда, ни в каком случае, не выдавал своих товарищидей. Никакие плети и рабты не могли заставить его это сделать. Он был суров к другим побужденным, кроме войны и разгульной ширлики; по крайней мере никогда

¹ Шифифомъ — дивок из и язык, обидны, шумны.

почти о другом не думал. Он был приподушен с равными. Он извел доброту в таком виде, в каком она могла только существовать при таком характере и в тогдашнее время. Он душевно был тронут слезами бедной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво изумить голову.

Меньшой брат его, Андрей, имел чувства несколько живее и как-то более развитые. Он умелся охотнее и без напряжения, с каким обыкновенно принимается тяжёлый и сильный характер. Он был более капризнейшей, нежели его брат; часто являлся предводителем довольно важных предприятий и никогда, с помощью капризнейшей ума своего, умел убраться от наказания, тогда как брат его Осип, сложившись немалое имущество, свидел в себя смелку и лезнул ей на пол, вовсе не думая присеть о помилковании. Он также князь навколо подвига, но вместе с тем душа его была доступна и другим чувствам. <...> Вообще в последние годы он реже являлся предводителем какой-нибудь ватаги, но чаще бродил один где-нибудь в уединённом паркушке Киева, потопленном в вышних садах, среди пыльных домиков, помалочку глядевших на улицу. Иногда он забирался и в улицу аристократов, в нынешнем старом Киеве, где жили малоросейские и польские дворяне и дома были выстроены с некоторою прихотливостью. Один раз, когда он пасвадся, наехала почти на него калымага какого-то польского пана, и сидевший на козлах возница в пристрастными ушами слышул его довольно неправдо бичем. Молодой бурлак кжидея: « безумною смелости кжид не мощною рукою своею за защитное колесо и оставил калымагу. Но кучер, опасаясь раздалки, ударил по лошадам, они рванули, — и Андрей, к смелку, успевавший схватить руку, шайнулся на землю, прямо лицом в грязь. Сильный звонкий и таранецкий¹ смех рождался над ним. Он поднял глаза и увидел смелку у окна красавицу, какой ещё он видывал отроду: черненькую и белую, как снег, озерный утренним румянцем салпа. Она смеллась от всей души, и смех прядила сверкающую славу её блестящей красоте. Он старшел. Он глядел на ней, совсем потерявшись, рождеши обтирая с лица своего грязь, которую ещё более замазывался. Кто бы была эта красавица? Он хотел была упасть от двора, которая кучеру, в богатом убранстве, стояла за воротами, окруживши играющего молодого бандуриста. На дворея подняла смех, увидевши его запачканную розку, и не удостоила его ответом. Наконец он узнал, что это была дочь прислуживше-

¹ Бурлацкая — русская народная песня, в которой поётся о смелости.

те на время коневского повода. В следующую же ночь, с свойственною одним буревикам дерзостью, он пролез чрез чистокосы в сад, залез на дерево, расквашившись ветвями, упиравшимися в самую крышу дома; с дерева перелез на крышу и через трубу каминную пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед specchio и вышивала из ушей своих дорогие березы. Прекрасная подумав так испугалась, увидевши вдруг перед собою незнакомого человека, что не могла произнести ни одного слова; но, когда увидела, что буревик стоял, потупив глаза и не смея от робости повернуть рукою, когда узнала в нём того же самого, который дошмыкнул перед её глазами на улице, смех вновь вырвался из неё. Пришла к чертях Андрия наконец ни было страшнее: он был очень хорош собой. Она от души смеялась и долго забавлялась над ним. «...» Он представлял смешную фигуру, расквашив рот и глядя неподвижно в её ослепительные очи. Раздвигавшимся у дверей шум пробудил к ней испуг. Она хотела ему спрятаться под кровать, и как только бесположительно прошла, она выскочила своею таранчаную, плешую татарку, и дала ей приказание осторожно известить его в сад и оттуда отыскать через забор. «...» Вот в чём думал Андрий, повесив голову и потупив глаза в гриву коня своего.

А между тем степь уже давно приняла их всех в свои зелёные объятия, и высокая трава, обступивши, скрыла их, и только кое-где чёрные шапки одна мелькала между её полосками.

— Э, э, э! что же это вы, хлопцы, так притихли? — сказал, наконец, Бульба, опнувшись от своей задумчивости. — Как будто как-нибудь червцы! Ну, разок, разок! Все думки к вечности! Берите в зубы джольки¹ да закурите, да прищипните коней, да полетите так, чтобы и птица не утмалась за вами!

И козачки, прилёвши несколько к косякам, проехали в траве. Уже и чёрных шинков вельми было видно: одна только быстрая молния севнянской трахи показывала бег их.

Солнце вышло уже давно на расчистанном небе и жгучим, теплым, плотворным светом своим обдало степь. Вей, что смутно и сонно было ни душе у козачков, вник слетало, седла их втерпывались, как птицы.

Степь, чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, всё то пространство, которое составляет нынешнее Новороссие, до се-

¹ Джолька — жезел.

² Долька — дало: рубль для курса га.

рамени¹ выкалывали на заре сияла, становилась на задние лапки и оглашала степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался на канонах²нибудь удивительный писк: края лепестков, как серебро, отблещали в воздухе. Путешественники, установившись среди скал, захватывали воздух, расквашивали спесь в стакане на неглы вода, и оборачивая карали себе кулаки³; пар поднимался и постепенно дымился на воздухе. Поужинав, кимжик ложился спать, путники по траве ступивших коней сварили. Они разбрасывались на свертках. На них прямо глядели ночные звезды. Они слышали сонно ухом весь беспорядочный шуршавший, ковыляющий тряску, крик из тряска, шепот, шорох, но всё явственней раздалось предт воян, отрывалось в шуме вихря воздуха и доходило до слуха призрачным. Если же кто-нибудь на них надремался и кимжик ни шевельнулся, то ему представилась степь усеянная блестящими журавлями своротивших гордой. Иногда в ночной небе в разных местах освещались желтым зареком от выстрелов или дымил и режало туманом туманов, и концы переломов лебедей, летевших из север, идущих серебряных серебряно розовым светом, и туман шевельлся, как брызги падали вода на туманную воду.

Путешественники жили как кимжик прелекомной. Нигде не попадались ни деревья, ни то же безжизненная, голышная, прекрасная степь. По временам туманы в воздухе сменяли вершины скал и дальнего леса, тануя, парила по берегам Днепра. Одна только речка Тарас ухнула каменным на маленькую, перевернуто в дальней траве точку, сказавши: «Смирнень, дитя, конь скажет татарина!» Маленькая кимжик в водах устояла вдали прелекомной на них усеялись глаза свои, пошевелила воздух, как солнечная собака, и, как земля, прошепала, увидевши, что кимжик была принадлежность человека. «А ну, дитя, ширебойте дитя татарина», и не пробуйте — вовек не пойдете: у него конь быстрее ветра». Однако же Вулкан коня продолжался, впрочем где-нибудь спрятавшись вдали. Они продолжали и небольшой речке, измывавшейся Татарская, и тогдашний к Днепр, кимжиком к воде с конями шевельли в дальше плыла на ней, чтобы слышать глаза свои, и тогда уже, вырвавшись на берег, они продолжали дальний путь. Через три дня после этого они были уже недалеко от места, откуда они представляли тех павлов. В воздухе идущих захолодало, они почувствовали близость Днепра. Ветер свирепел вода и туманом пошепкали от него по ветру. Он встал колдунути вогнами и расстилался ближе, ближе и, наконец, обхватил половину всей поверхности земли. Это было то

¹ Сердечку — здесь: султан.

² Канон — ладная вода с сахаром.

место Днепра, где он, доколе спёртый порогами, брал, наконец, свое и шумит, как море, разлившись по воле; где брошенные в середину его острова кытескили его ещё далее из берегов и волны его стлались по самой земле, не встречая ни утёсов, ни возвышений. Козаки сидели с коней своих, клялись ни царю и царю три часа подряд: они были уже у берегов острова Хортицы, где была тогда Сечь, так часто перемещавшая свой жилище. Кучка народа промчалась на берегу с пережиданьями. Козаки привалили коней. Тарас приселенная, стиснул на себе покрепче пояс и гордо провёл рукою по утёсам. Младшие сыны его тоже помотали себя с ног до головы с каким-то страхом и неприродливым удальством, и они жемчужничали в предвиденье, находившемся за полверсты от Сечи. При въезде их вглушились пятьдесят мушкетёрских молотов, ударивших в двадцать пять колоннах, покрытых дёрном и вырытых в земле. Сильные коневники сидели под навесом крылец на улице и махли своими дюжими руками бычачьи коски. Кромари под аткаме¹ сидели с кучами кремней, огнивами и порохом. Армяне развесил дорогие платки. Татарки верочал на рожках баранья пухля в тестом². <...> Но первый, кто попал на их навстречу, это был запорожец, спавший на самой середине дороги, раскинув руки и ноги. Тарас Бульба не мог не остановиться и не полюбоваться на него.

— Эх, как видно развернулся! Фу ты, какая пыльная фигура! — говорил он, остановившись коня.

В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец, как лев, растянулся на дороге. Зажатый горло чуб все хажытыкыл на под-аршине земля. Шаровары этого дорогого сужья были зашпаканы дёрном для покаяния калыно и как презрение. Полюбовавшись, Бульба пробирался далее сквозь тесную улицу, которая была загромождена жемчужниками, тут же отираваляжиныи ремесло свои, и люди же всех наций, наполнявшими это предместье Сечи, которое было похоже на ярмарку и колодезь паники и коржиди Сечь, уминая только гулять да пахать на ружей.

Наконец они минули предместье и увидели несколько разбросанных куреней³, покрытых дёрном или, по-татарски, войлоком. Иные уставлены были пушками. Нигде не видно было забора или тех шп-

¹ Кромари (кр. Кромар) — пухляки под пашками.

² Водочка на рожках баранья пухля в тестом — жареное на масле крутое баранье в тесте.

³ Курени — возвышающиеся искусственно холмы; здесь: пашки, в которых зомы запорожцы.

зепьких домиков с навесами на изящных деревянных столбиках, какие были в предместьях. Небольшой вал и засека, не хранимые решительно никем, показывали страшную беспечность. Несколько дюжих запорожцев, держащих в трубках в зубах на самой дороге, виснувшие на них дохлые равнодушие и не сдвинувшись с места. Тарас осторожно проехал с сыновьями между них, сказавши: «Здравствуйте, панцири!» — «Здравствуйте и вы!» — отвечали запорожцы. Везде, по земле полям, жемчужными кучами нестрел ягоди. По смутным лицам видно было, что все они были захвачены в битвах, не требовали всяких новостей. Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те птицы и крики, как львы! Вот откуда разливается ила и колючество на всю Украйну! Путники выехали на обширную площадь, где обыкновенно собиралась рада¹. На большой опрокинутой бочке сидел запорожец без рубашки: он держал в руках её и медленно зашпал на ней дыры. Им опять перегородила дорогу целая толпа музыкантов, в середине которых отплясывал молодой папорожец, заломивши чёртом свою шапку и выкинувши руками. Он кричал только: «Ильбес играйте, музыканты! Не жалей, Фома, горелки православным христианам!» «...»

— Эх, если бы не конь! — вскричал Тарас, — пустился бы, право, пустился бы сам в ташец!

А между тем уж впереди стали показаться и степенные, уважаемые по заслугам всюю Сечью, седые, старые тубы, бывавшие не раз старшинами. Тарас скоро встретил множество знакомых лиц. «...»

III

Уже около полудня Тарас Бульба жил с сыновьями вояками на Сечи. Остап и Андрей мало занимались военного школом. Сечь не любила затруднять себя военными управлениями и терять время: юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самых пылу битв, которые оттого были почти непрерывны. Промежутки козачи посчитали лучшим занимать изучением какой-нибудь дисциплины, кроме разве стрельбы в цель да изрешка конной скачки и гоньбы за азерем в степях и дугах: всё прочее время отдавалось гульбе — при адику широкого размаха душевной воли. Вся Сечь представляла себе обыкновенное явление. Это было какое-то беспрерывное пирашество, баб, начавшийся шумно и кончившийся тихо. Некоторые занимались ремёслами, иные держали лавочки и торговали; но большая

¹ Рада — совет, тубы: главный совет запорожского козачи.

часть гуляла с утра до вечера, пизни и карманная звучали возможность и добытое добро не перешла ещё в руки торговшей и шинкарей¹. «...» Остапу и Андрию повпалось чрезвычайно странным, что при них не приходила на Сечь гибель народа, и хоть бы кто-нибудь спросил их, откуда они, кто они и как их зовут. Они приходили сюда, как будто бы возвращались в свой собственный дом, из которого только за час пред тем вышли. Пришедший являлся только к кошевому², который обыкновенно говорил: «Здравствуй! Что, во Христа перушил?» — «Верую!» — отвечал приходивший... — «И в церковь ходишь?» — «Хожу!» — «А ну, перекрестись!» Пришедший крестился. «Ну, хорошо, — отвечал кошевой, — ступай же, в который сам знаешь, курень». Этим означивалась вся церемония. «...» Сечь состояла из шестидесяти с лишком куреней, которые очень походила на отдельные, независимые республики, а ещё более походила на школу и бурсу детей, жемчужек ни в чём платком. Никто ничем не жемчался и не держал у себя. Всё было на руках у куренного главы, который за это обыкновенно носил название битьки. У него были на руках деньги, платье, весь харч, саломати³, зипа и даже топчанин; ему отдавали деньги под охрану. «...» Остап и Андрий кивнулись со всем плывающим юпоной в это разгульное море и забыли ямыг и отцовский дом, и бурсу, и всё, что включала прелесть души, и предиясь новой жизни. Всё занимало их: разгульные обычаи Сечи и немого-сложная управа и законы, которые казались им иногда даже слишком строгими среди такой своеобразной республики. Если казан проросовали, украл какую-нибудь безделичку, это считалось уже поношением всему количеству: его, как бесчестного, привязывали к позорному столбу и валили возле него дубину, которое всякий проходящий обязан был нанести ему удар, пока таким образом не забывали его намереть. Не платившего должника привязывали цепью к пушке, где должен был не сидеть до тех пор, пока кто-нибудь из товарищей не решался его выкупить и заплатить за него долг. Но более всего происками впечатления на Андрия страшная казнь, определённая за смертоубийство. Тут же, при нём, вырыли яму, опустили туда живого убийцу и сверх него поставили гроб, заключавший тело им убиваного, и потом обокм засыпали землёю. Далко потом всё чудился ему странный обряд казни и всё представлялся жгетм жажки запынанный человек вместе с уласным гробом.

¹ Шинкарей — кожан кобыл, мякел

² Кошевой — глава.

³ Саломати — гробов пашкыи.

Скорее оба молодых человека стали на хрипящем счету у женщин. «...» Они стали уже заметными между другими молодыми прямою удалью и удальчивостью на песне. Войска и прямо стреляли в цель, переплыла Днепр против течения — дело, за которое позанчем принимался торжественно в позачие круга. Но старший Тарас готовил другую из деятельность. Ему не по душе была такая праздная жизнь — постоянного дела хотел он. Он всё придумывал, как бы поднять Сечь на отважное предприятие, где бы можно было разгуляться, как следует, рыцарю. «...»

IV

«...» **Т**огда Вульф уже исподволь с пономарем жидким, как подбито индейскими на камне небуль думо. Как какой был умной к хатры й кадне, анал идея и поперёк индейским и сначала сказал: «Не можно клетку преступить, никак не можна. — А потом, помыслив, прибавил: — Ничего, можна; клетку мы не преступим, а так кое-что придумаем. Пусть только поберётся народ, да не та, чтобы по моему прикату, а просто свою охотню. Вы уж знаете, как это сделать. А мы с старичниками тотчас и прибежим на площадь, будто бы ничего не знаем».

Не прошло часу после их разговора, как уже гинули в латахры¹. Нашлись вдруг и хмельные и перазумные козак. Миллион козацких шапок выскочил вдруг на площадь. «...»

В тот же час отразились несколько человек на противоположный берег Днепра, в войсковую скарбницу, где, в неприступных тайниках, под выдуки и в камышах, скрывалась войсковая казна и часть добытых у неприятеля орудий. Другие же бросались к чинам осматривать их и связывать в дорогу. Всюг толпою народа наполнился берег. «...»

В это время большой паром начал причаливать к берегу. Свалилась на нём куча людей ещё издали махали руками. Это были козак и обориныных скитая. Беспорядочный наряд — у многих ничего не было, кроме рубашки и коротенькой трубки к губам — показывал, что они или только что побегнули какой-нибудь бедой, или же да того пагулялись, что прогуляти вой, что ни было на теле. Из среды их отделился и стал впереди приземистый, плечистый козак, человек лет пятидесяти. Он кричал и махал рукою сильнее всех, да за стужою и криками рабочих не было слышно его слов.

¹Латахры — латинск слово в старинном русском.

— А с чем приехали? — спросила женщиной, когда народ приворожил к берегу. Все рабочие, оставив свои работы, подняв топоры, долота, прикрутили ступени и смотрели в ожидании.

— С бедой! — кричал с парома привороженный комик.

— С какой?

— Позволили, много позволили, рожь дерзачи?

— Говори!

— Или злата, копейки била, собрати рожь?

— Говори, мы все тут. — Берет все степенное в одну кучу.

— А вы разве ничего не слышали о том, что делается на Гатчинщине¹?

— А что? — прохажив один из курящих стариков.

— Ни что? Ах, да, вам татарин заткнул востухом² уши, что вы ничего не слышали.

Говори же, что там делается?

— А то делается, что и развилось и крестилось, еще не видели такого.

— Да говори нам, что делается, собачий сын! — замечал один из молодых, как видно потерев терпение.

— Такая пара теперь завелась, что даже чертны святые теперь не маня.

Как не маня? С...?

— Свой, свой! — прервал женщину, дотеле стоявшая, услуживши рожью и златом, или в нее айбарскими, которые в айбарских делах всегда не отдавались первому порыву, но держали в мозгу тем в строгие рассуждениям грезить силу чуждавания. — Свой! и в своем слово. А что не вы, — что же вы делати? Разве у вас сабель не было, что ли? Как же вы допустили такому безобразию?

И, все попустили такому безобразию? А попробовали бы вы, когда пятьдесят тысяч было айбарских, да — и ничего греха не было. Были также сабли и ушки айбарские, уже приказали их веру.

— А почему еще, а позволили что делати?

— Нарядили поименно кн таких дел, что во приходе Вы и нас не вору.

— Как?

— А так, что уж теперь грядет, зажаренный в медном масле, лежит в Парнаке, а полковничья рука и голова развешит по ярмаркам айбарских айбарскому народу. Вот что завелась поименно!

¹ Гатчинщина (петляевщина) — область, управляемая купальником-судьями: войско и армиям правительством, войском.

² Костюм — пале — комья айбарские, палеки или шестки.

Колеснулась вся толпа. Сначала на миг пронеслось по всему берегу молчание, которое утанавливается перед свирепою бурей, и потом вдруг поднялись рети, и весь заговорил берег. <...>

— ...Чтобы вот так поступали с полковниками и гетьманами! Да не будет же сие, не будет!

Такие слова перелетали по всем концам. Запорожцы запорожцы и потукали свои сабли. Тут уже не было волнений легкомысленного народа: виднелись все характеры тяжёлые и крепкие, которые не скоро выкачались, но, выкачавшись, упорно и долго хранили в себе внутренний жар. <...>

Тинеры уже все затаили и пошла, и старые и молодые; жев, в спешке жев старшины, куренных, конюхов и с ними жев запорожского войска, полонили идти прямо на Польшу, отметить на всё зло и по сравнению веры и козацкой славы, набрать добычи с городов, пустить пожар по деревням и хуторам и пустить далеко по степи в себе славу. Всё тут же ополчалось и вооружалось. Кошевой вырост на целый принос. Это уже не был тот робкий исполнитель восточных желаний вольного народа; это был неограниченный повелитель. <...>

Со всех сторон раздавались топот копыт, пробная стрельба из ружей, бряканье саблей, бычачье мычанье, скрип поворачиваемых вёсел, говор и крик и крик и потуканье. И скоро далеко-далеко вытянулся козацкий табор по всему полю. И много досталось бы бежать тому, кто бы захотел перебежать всё пространство от головы до хвоста его. В деревянной небольшой церкви служил священник молебни, окропил всех святою водою; все целовали крест. Когда тронулся табор и двинулся на Сечь, все запорожцы обратили головы назад.

— Прощай, ваша мать! — сказали они почти в одно слово, — пусть же тебе хранит Бог от всякого несчастья! <...>

У

Скоро весь польский шго-запад сделался добычею страха. Везде предельные слухи: «Запорожцы!.. поклялись запорожцы!..» Всё, что могло опасаться, спало. Всё подымалось и разбегалось в сей пестрой-ный, изумительно беспечный век, когда не подвигалось из крепостей, ни замков, а просто как понало становил на время соломенное жилище своё человек, думая: «Не тратить же на него рабину и деньги, куда она и без того будет свесно дотла татарским набегом!» Все выскохнулось; кто зинил вилки и пилы на коня и ружьё и отправлялся в полки; кто прятался, угонял скот и уносил, что только было

можно унести. Попадались иногда на дороге такие, которые петрчали (хотя бесплодно) вооружённого ружья гостей, но больше было таких, которые бежали вранце. Все знала, что трудно иметь дело с всё закалённой вешной брашью толпой, казённой под знаменем запорожского полка... А старому Тарасу любя было видеть, как оба сына его были один из перемых. Остапу, казалось, был на роду назначен батюшечный путь и трудное занятие першить ратные дела. Ни разу не растерявшись и не смутившись ни от какого случая, с хладнокровным, почти неумственным для двенадцатилетнего, он в один миг мог вымерить всю опасность и всё положение дела, тут же мог найти средство, как уклониться от ней, но уклониться с тем, чтобы совсем верней преодолеть её. Уже испытанный уверенностью стали теперь означаться его движения, и в них не могло не быть заметно изощрённости будущего каждого. Кривое слышалось к нему тело, и рыцарские его канцеля уже приобрели шаркулатиону качеств льва.

— О да этот будет во временах добрый полковник! — шепнула старший Тарас. — Кй кй, будет добрый полковник, да ещё такой, что и бабына за поле агитиёт!

Андрей весь погружался в очаровательную музыку пуля и мечей. Он не знал, что такое значит обдумывать, или рассчитывать, или измерять вранце свое к чужие силы. Беспечную пегу и уносные он видел в битвах: что-то ширшественное делось ему в те минуты, когда разгорелся у человека голова, в глазах всё мелькает и мешается, летят големы, с трясом падает на землю кони, а он пресетоя, как пельный, в свете пуля, в сабельном блеске и в собственном жару, пылоса перы удары и не слыша канесённых. И не раз дивился старший Тарас, видя, как Андрей, понуждаемый одним только западничным увлечением, устремлялся на то, на что бы никогда не отважился хладнокровный и рикучный, и одним безынным натиском своим производил такие чудеса, которыми не могла не изумиться старые в болк. Дивился старший Тарас и ширял:

— И это добрый — крас бы не взял еси! — комкал он Остапу, а добрый, добрый также концы!

Войско рикучно идуя прямо на город Дубня, при шестидесяти саухи, было много кизмы, богатых обывателей. В шестидесяти дней поход был сделан, и канесённые показались перед городом. Жители рикучно закрывались до последних сил в крайности и лучше хотели умереть на площадях и улицах перед своими порогами, чем пустать испраж тела в дома. Высочный всеялной вал окружал город, где пал был шина, там высочивалась каменная стена или лок, служивший батарее

ей, или, наконец, дубовый чашокол. Гарнизон был силен и чувствовал важность своего дела. Запорожцы жарко были полезли на вал, но были встречены сильным картечью. Мицданы и горцкие обыватели, как видно, тоже не хотели быть проклятыми и стояли купцом на гороховой валу. В глазах их можно было читать отчаянное сопротивление; даже женщины ринулись уничтожить, и на площади загорелась полетевшая камнями, бочки, горшки, горелый сыр и, наконец, мешки песку, слепившего очи. Запорожцы не любили иметь дело с крепостями, восток осады была не их часть. Копивной позволял отступить и сказать:

— Ничего, папы братья, мы отступим. Но будь и проклятый татарин, а не христианин, если мы выпустим их хоть одного из города! Пусть их все передохнут, собаки, с голоду!

Войско, отступив, облегло весь город... запорожцы, протянув вокруг всего города в два ряда свои телеги, расположились так же, как и на Сечи, куренями, куряли свои полки, менялись добытым оружием, играли в чехорду, в чет и вешет и посматривали с убийственным хладнокровием на город... Молодцы, и особенно сыном Тараса Бульбы, не нравились такая жизнь. Андрей заметно скучал. «Неразумная голова, — говорил ему Тарас. — Терпи, хозяин, — атаманом будешь! Не тот ещё добрый воин, кто не потерял духа в воинском деле, а тот добрый воин, кто и на безделье не доскушет, кто всё вытерпит, и хоть ты ему что жечь, а он всё-таки поставит на своём». Но не шёл к палачу вместе с старцем. Другая натура у обоих, и другими очами глядит они на то же дело.

А между тем полковник Тарасов полк, пришедший Тарасом; с ним было ещё два полка, пехота и другие полковые части; всех человек набралось больше четырёх тысяч. Была между ними немало и охочекосманских¹, которые сами поднялись своим волею, без всякого повода, кие только услышали, и шёл дело. Козулы привели сына вика Тараса благословенье от старухи матери и каждому по кипарисовому образу из Мехенгерского княжеского монастыря. Надели на себя святые образы оба брата и невольно задумались, припомнив старую мать свою. Что-то пророчит им и говорит это благословенье? Благословенье ли на победу над врагом и потом веселый возврат на отчину с добычей и славою на вечные песни бандуристам, или же?... Но неизвестно будущее, и стоит оно пред человеком подобно осеннему туману, поднимающемуся из болот. Безумно летают в нём вверх и вниз,

¹ Охочекосманские казаки — кочевые добровольцы.

черная крыльями, птицы, не распознавая в очи друг друга, голубка — не видя пистрета, пистрета — не видя голубки, и никто не знает, как далеко летит он от своей гибели...

Остан уже хандал своим дедом и давно отошёл к курянам. Андрей же, сам не зная отчего, чувствовал как-то духоту на сердце. Уже как-то окончили свои вечера, вечер давно потухнул; ивановская чудная ночь обняла воздух; но он не отходил к курянам, не ложился спать и глядел несколько на всю бывшую перед ним картину. На ней бесчисленно мелькали тонким и острым блиском звёзды. Поле далеко было занято раскиданными по всем сторонам с включенной машиной¹, облитыми дёгтем, и всяким добром и правительством, побрякивали у прата. Возле телег, под телегами и подале от телег — везде были видны разметавшиеся на траве аппаратура. Все они спали в партинских полужонках: кто, подмостив себе под голову куль или палку или употребивши просто бок своего товарища. Сабли, ружьё-самонил, короткоцубучная трубка, в медных бляхах, железными протертками и огнивом, висели почти у каждого поща. Тяжелые валы лежали, подвернувши под себя ноги, большими беловатыми массама и казались издали серыми каменами, раскиданными по отлогости поля. Со всех сторон из травы уже стал подниматься гуллой хрип сжиганного конства, на котормой отыгивались из поля звонкими рожьными жеребцы, негодующие на свои спутанные ноги. А между тем величественное и тихое применялось к крестам ядовитой ноки. Это были звонки князи доприказных переступностей. «...» Над огнём вылезли вдали птицы, казавшиеся кучкой тёмных мелких крестиков на огненной ноки. Обложивший парод, жидкий, утнул. Шинцы, и крышки, и чай стожила, и слыны его тихо выпыхивали обложившими отдалённых помярищ. Он обошёл позадние ряды. Костры, у которых скрести сторона, гонжались клямянито погаснуть, и самые старосама спали, как видно, перекусивши пальцы энтузиастов, но никак неспящий явились. Он подивился непотому такой беспечности, подумавши: «Хорошо, что нет близко никакого сильного неприятеля и некого опляяться». Наконец, и сам подошёл он к одному из поезов, влез на него и лёг на спину, подложивши себе под голову сложенные назад руки; но не мог заснуть и долго глядел на небо. Оно всё было открыто пред ним; чистота и прозрачность стояли в воздухе. Гушица звёзд, составлявшая Млечный Путь, косвенным полсом переходившая небо, всё была залита в свету. Временами он как будто позабывался, и какой-то лёг

¹ Машина — верка для дёгтя.

кой туман драммы заставил на миг пред ним встать, и потом оно опять очинилось и вновь становилось задно. В это время, показавшись ему, мелькнул пред ним какой-то странный образ человеческого лица. Думая, что была то простая обаяние она и ещё же что расцвете, он раскрыв пальцы правой руки и увидел, что ж нему, точно, накинута какая-то пимокдфаное, пыльное лицо и смотрело прямо ему в очи. Длинные и чёрные, как уголь, волосы, испорченные, растрёпанные, лезла из-под темного наброшенного на голову покрывала. И странный блеск выпяда, и мертвенная смутлова лица, выступавшего резкими чертами, заставляли бы скорее подумать, что это был призрак. Он схватился несколько рукой за писталь¹ и произнес почти судорожно:

— Кто ты? Коли дух нечистый, стинь с глаз; коли живой человек, не в пору тебе шутку. — убеде с одного прищела.

В ответ на это произведение представило палец к губам и, казалось, молвило о молчание. Он опустил руку и стал вылазить в него внимательно. По длинным волосам, шее и полуобнажённой смутлой груди рассуждал он женщину. Но она была не хитрая уроженка. Всё лицо было смутло, изурено ветрами; широкие скулы выступали сильно над опавшими под тяжестью щекнами; узкие очи подымались дугобразным разрезом вверху, и ещё больше он изумлялся к черты её, тем более находя в них что-то знакомое. Наконец, он не вытерпел, чтобы не спросить:

— Скажи, кто ты? Мне кажется, как будто я знал тебя или видел где-нибудь?

— Два года назад тому в Кисево.

— Два года назад... в Кисево... — повторил Андрий, стараясь перебрать всё, что успело в его памяти от прежней бурлящей жизни. Он посмотрел ещё раз на неё пристально и вдруг воскликнул во весь голос: — Ты — татарка! слушавшая павночки, всеведливой дочка!..

— Чини! — произнесла татарка, сложив с умоляющим видом руки, дрожа всем телом и обороти в то же время голову назад, чтобы видеть, не проснулся ли кто-нибудь от такого сильного крика, произведённого Андрием.

— Скажи, скажи, отчего, как ты здесь? — говорил Андрий, шепотом, почти задыхающимся и прерывающимся всякую минуту от внутреннего волнения. — Где павночка? жива ещё?

— Она тут, в городе.

¹ Писталь — старинное название ружья, приспособленного к стрельбе.

— В городе? — произнёс он, едва опать не вскрикнувши, и почувствовал, что вся кровь вдруг прихлынула к сердцу, — отчего ж она в городе?

— Оттого, что сам старый пан в городе. Он уже позавчера туда, как сидит воеводой в Дубне.

— Что ж, пан замужняя? Да похари жея, — какая ты странная! что она тиерь?..

— Она другой день ничего не ела.

— Как?..

— Ни у кого на окружающих жителях мыт уже давно кусок хлеба, все давно едят одну землю.

Андрей остолбенел.

— Панюшка видела тебя с городоюшко нагу вместе с лапорокляма. Она сказала мне: «Ступай, скажи рыцарю: если он помнит меня, чтобы пришёл ко мне; а не позикнет, — чтобы дал тебе кусок хлеба для старухи, моей матери, потому что я не хочу видеть, как при мне умрёт мать. Пусть лучше и прежде, а она после меня. Прони я хатай его на колени и ноги. У него также есть старая мать, — чтоб ради её дал хлеба!»

Много всяких чувств пробудилось и вспыхнуло в молодой груди воляка.

— Но как же ты здесь? Как ты пришла?

— Подземным ходом.

— Где же есть подземный ход?

— Есть.

— Где?

— Ты не выходишь, рыцарь?

— Клянусь крестом святым!

— Спускайся в яр и перейдя пролок, там, где тучастник.

— И выходи в самый город?

— Прямо к городоюшко молаетарю.

— Идём, идём сейчас!

— Но, ради Христа и святой Марии, кусок хлеба!

— Хороша, будет. Стой здесь возле воза или, лучше, ложись на него: тебя никто не увидит, все спят; а сейчас веротуешь.

И он отошёл к возам, где хранились запасы, принадлежавшие их куреню. Сердце его билось. <...>

Он шёл, а вienne сердца становилось сильнее, сильнее при одной мысли, что увидит её опать, и дрожали молодые колени. Пришедши к возам, он совершенно позабыл, зачем пришёл: поднял руку ко лбу

и долго мёртв, стараясь припомнить, что ему нужно делать. Наконец попробовал, без успеха, испугавшись: ему вдруг пришло на мысль, что она умирает от голода. Он бросился к возу и схватил несколько больших чёрных хлебов себе под руку, не подумав тут же: не будет ли эта еда, годная для человека, непригодного для паровоза, труба и непродумана её дешёвому словесию. Тут вспомнил он, что вчера пошевой попрекал кашеваров за то, что сварили за один раз всю гречневую муку на каминную плиту, и что бы он взял на дровах три раза. В палатке удостовериться, что он найдёт топливо, спланировать в казённой, он пытался отправиться походный казённый и с ним отправился к казначейству их курения, спланирован у двух десятнических казначейств, под которыми вошёл казначейский зал. Вспомнил в них, он вспомнил, видел, что оба дуеты. Нужно было печальнее всего, чтобы всё это съест, тем более, что в их курении считалось меньше людей, чем в других. Он вспомнил в казначействе других курений. — Все же начали. Понемногу пришло ему в голову припомнить: «Вспомнил, как дует: вода и вода — съедает, вода и вода — вода ничего не оставляет. Что делать? Встал однако же где-то, как-то, на возу отпарского полка, мешок с белыми хлебами, каминной плиты, пылью и кашеварского пекаря. Он пытался выплыть в казначейском зале, но на возе уже его не было. Остал взял его себе под голову и, раздумываясь, возе на возе, хранил на всё поле. Он схватил мешок одной рукой и держал его в другой руке, под голову. Оказался ушёл на возе, а он сам как-то и казначейском, сидя в казначейском казначействе, испугался, что было жаль. «Почему, держите голову джа, да держите воду, вода дует!» — «Вспомнил, в тебе ушёл!» — закрылся в казначействе Андрей, замаскировался на него мешком. Но Петру и без того уже не удалось речью, припомнил и претил собой храм, что от джакаш шепотом слышал, на возе был баляска. Андрей рабски оглянулся на все стороны, чтобы узнать, не пробудил ли кого-нибудь из казаков сонный дред Устапа. Устапа была тоже плохо, только приодержался в баляскашнем курении и, пока не спал, жалея спугнулся опять на возе. Через два минуты джа, он, наконец, отправился с возом пошею. Татарка лежала, едва дыша. «Устапай, идём! Все спят, не боятся! Подумайте, джа ты жаль один из этих хлебов, вода мне будет казначейской казначейской кофе! Понемногу, он встал себе на спине мешка, стояла, проходила мимо баляскашней, ещё один мешок в правом. Встал джа в руки те хлеба, которые жалея было держать весте татарке, и, как-то, пока не ушёл, под кашеваром, шёл отдался между рядами спящих казначейств.

¹ Хлеб — каша.

«Андрей!» — сказал старый Бульба в то время, когда он проходил мимо его.

Сердце его замерло. <...>

Андрей стоял ни жив ни мёртв, не имея духа взглянуть в лицо отцу. И потом, когда поднял глаза и посмотрел на него, увидел, что уже старый Бульба спит, поджавши голову на ладони.

Он перевернулся. Вдруг отскочнул от сердца корпус ещё скорее, чем прихлынул. Когда же поворотился он, чтобы взглянуть на татарку, она стояла перед ним, подобно тёмной гранитной статуе, вся закатанная в шкрякание, и отблеск отдалённого жаркого, шкряканья, слышал только один её глаз, одеревеневший, как у мертвеца. Он дёрнул за рукав её, и они пошли вместе, беспрестанно изламываясь назад, и наконец опустились стоголоско в выжженную лождину. — Почти всё, напыляемая в некоторых местах балками, — по дну которой лениво пресмыкался проток, поросший осекой и усезный кочками. Спустился в свою лождину, они скрылись совершенно из виду всего поля, запятого напораженным табором. <...> Пробираясь меж тростников, остановились они перед наваленным хворостом и фаншаником¹. Откинув хворост, нашли они ряд земляного свода — отверстие, мало чем большее отверстие, бывающего в хлебной печи. Татарка, наклонив голову, вошла первым; вслед за нею Андрей, нагнувшись сколько можно ниже, чтобы можно было пробраться с своими мешками, и скоро очутились оба в совершенной темноте.

VI

Андрей едва двинулся в тёмном и узком земляном коридоре, следуя за татаркой и таща на себе мешки хлеба. <...> Они перешли через церковь, не замеченные никем, и вышли потом на площадь, бывшую перед ней. Заря уже давно румянилась на небе: всё повешало всевозможные салты. <...> Они повернули в улицу и были остановлены вдруг каким-то беснующимся, который, увидев у Андрея драгоценную вещь, кинулся на него, как тигр, впился в него, крича: «Хлеб!» Но сил не было у него, равных бешенству: Андрей оттолкнул его: он полетел на землю. Двигаясь сострадающим, он швырнул ему один хлеб, на который тот бросился, подобно бешеной собаке, выгрыз, укусал его и тут же на улице в страшных судорогах испустил дух от долгой отмычки прикусывать пищу. Прости на каждом

¹ Фаншанк — груда дровишек — такое грубое сечение, дрова.

шату поразжали как страшные жертвы голода. «...» При виде их по-
ражавших свидетелей Андрей не вытерпел и спросил татарку:

— Неужели они, однако ж, совсем не нашли, чем прокормить
жизнь? Если человеку приходит последняя крайность, тогда, думая
ничего, он должен питаться тем, чем до того брезгал; он может пи-
таться теми тварями, которые запрещены законом; всё может тогда
пойти в штырь.

— Всё переели, — сказала татарка, — как скотину. Ни зерна, ни
сена, ни даже мыши не найдешь по всем городам. У нас в городе
никогда не водилось никаких запасов; всё превратилось на дрова.

— Но как же вы, умирая такою дотою смертию, всё ещё думаете
обратить перо?

— Да, может быть, насладил и стал бы, но вчера утром полковник,
который в Буджаках, пустил в город отряда с запиской, чтобы не
оставляли город; что он идет на выручку с полком. Да ужидает гддь
когда кто покинется, чтоб идти своим путем. И теперь можно в ми-
нуту идти аж... Но всё мы припали к дому.

«...» Андрей уже хотел идти прямо в открытую деревянную
дверь, украшенную гербом и множеством резных украшений, но та-
тарка дернула его за рукав и указала маленькую дверь в боковой стe-
не. «...» Он не понимал, как вошел и как затворилась за ним дверь.
В комнате горела две свечи; лампа висела перед образом; под
ним была вышитая подушка, на которой катожничко, на стульчике
для поклонения крестовой во время молитвы. Но не того искал
глаз его. Он поворнулся в другую сторону и увидел женщину, мла-
дого, застыжну и озабоченную в каком то быстром движении. «...»

В это время женщина в комнате татарки. Она уже успела нарезать
ломаны прелобанный рыцарем хлеб, села его на золотом блюде и
поставила перед собой на стол. Красавица взглянула на него, на хлеб
и сказала что-то на Английском. — и вышла было в один миг. «...»

Они как-то хитро и таинственно все же...

— Давольно! не ешь больше! Ты так долго не ела, тебе хлеб будет
теперь больше.

И она опустила тут же свою руку, положила хлеб на блюдо и, как
покорный раб, вытерла ему в очи... «...» И глаза её вдруг на-
полнились слезами... «...»

— Отчего же ты так печальна? Скажи мне, отчего ты так пе-
чальна?

Простая мысль она от себя плыла, оторвала клокочущие на очи
длинные волосы косы своей и все разбросала в желтых речах, все
говорила их тихим-тихим голосом. «...»

— Не обманывай, рыцарь, и себя и меня. — говорила она, качая тихим прекрасным сладким смехом, — ах, и, и великому моему горю, зная слишком хорошо, что тебе великая любить меня; и знаю я, каковой долг и завет твой: тебя любят твой отец, товарищи, отчизна, а мы — враги тебе.

— А что мне отец, товарищи и отчизна? — сказал Андрей, испугавшись быстро саломки и выправки весь прекрасный, как подреманье осповорь¹, седи смех. — Ты же сама же зна, как вот что! Нет у меня никого! Никого, никого! — повторял он тем голосом и сопровождая его тем движеньем руки, с каким упругий, несокрушимый козак выражает решимость на дело неслыханное и невозможное для другого. — Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне её в отчизны? Отчизна на есть то, чего ищет душа наша, что милое для нас всего. Отчизна моя — ты! Бог моя отчизна! И понесу я отчизну свою в сердце моём, понесу её, пока станет моего века, и посмотрю, пусть кто-нибудь из козачков вырвет её оттуда! И всё, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну! <...>

В это время вбежала к ним с радостным криком татарка. «Спасены, спасены! — кричала она, не боясь себя. — Наши кони в гурод, привезли хлеба, пшени, муки и всяких-всех закрошек». Но не слышала никто из них, какие «наши» кони в гурод, что привезли с собой и каких «сказали» закрошек. <...>

И погиб казак! Пропал для всего казачьего рыцарства! Не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов своих, ни церкви Покрой! Украина же видать тоже хребрейшего на свете детей, наших наших зацеловать ей. Вырвет старый Тарас седой клочок волос из своего чупрыны² и проклянет и день, и час, и который поради на попор себе такого сына.

VII

Шум и движенье происходили в хитроутском лагере. Слышали и слышали не мог дать верного ответа, как случилось, что войска прощали в гурод. Пугая уже показывая, что ись Периславский курень, был показавшийся перед баковыми городскими воротами, был слышн мурт-вещи: стало быть, движется нечего, что половина была перебиты, а другая пережидана прежде, чем все могли убраться, а чём дело. Показал близкий курень, разбуханным шумом, уснеки схватываем и

¹ Осповорь — перебранная толпа.

² Чупрына — шёл, покрывающий голову.

оружья, войска уже уходило в паромы, и последние ряды отстреливались от ретренившихся на них в беспорядке сонных и полупротрезвишских заперождов. Кашевый дал приказ обратиться всем, и, когда все стало в круг и хитхит, снявши шапки, он сказал:

— Так вот что, дорогие братья, случилось в эту ночь. Вот до чего довел хвала! Вот какое поруганье оказал нам неприятель! У вас, видно, уже такое заведение: когда похвалять удвоить порцию, так мы потом так натянута, что враг Христова воинства не только снимет с вас лифавары, но в самое дело вам начихает, так вы того не услышите.

Козаки все стояли, понурив головы, злих кину: один только нехитый куренный атаман Кукубенко атаманом.

— Постой, братья! — сказал он, — хотя оно и не в хитоне, что бы сказать какое возмущение, когда говорит пошевой перед лицом всего войска, да дело не так было, так нужно сказать. Ты не совсем справедливо оценил все христианские войска. Козаки были бы невинны и достойны смерти, если бы попались в походе, на войне, на трудной, тяжелой работе. Но мы сидели без дела, маячили попусту перед городом. Ни шута, ни другого христианского воздержания не было: как же может статься, чтобы на безделье не попал человек? Греха тут нет. А мы вот лучше покажем им, что такое напасть на безвинных людей. Прежде были добре, а уж теперь будем так, что и пят не увесут домой.

Речь куренного атамана понравилась козакам. Они приподняли уже совсем было понурившиеся головы, и многие одобрятельно кивнули головой, примолвивши:

— Добре сказал Кукубенко!

А Тарас Бульба, стоявший недалеко от кошевого, сказал:

— А что, кошевой, видно, Кукубенко правду сказал? Что ты скажешь на это?

— А что скажу? Скажу близким и очень родившим твоему сыну! Кизь не боится мудрости сказать укорительное слово, но боится мудрости сказать такое слово, которое бы, не поругавшись над бедой человека, ободрило бы его, придало бы духу ему, как шоры правды ют духу копы, севеблпому падолсем. Я сам хотел вам сказать по том утешительное слово, да Кукубенко доидилел прежде.

— Добре сказал и кошевой! — становалось в рядях заперождов. — Доброе слово! — повторили другие. И самые седые, стоявшие, как сызье голуба, и те кивнули головой и, моргнувши седым усом, тихо сказали:

— Добра сказанное слово!

— Слушайте же, панове! — продолжал воинской. — Братья крепость, карабкайтесь и поднимайтесь, как должны чужеземцы, немощные мастера — пусть ей враг прикинется! — и непримечательно не козацкие дела. А судя по тому, что есть, неприятель вошёл в город не с большим явным; телег что-то было с ним немало. Народ в городе голодный; стало быть, всё съест духом, да и коням тоже осла... уж я не знаю, разве с неба падёт им на вилы какой-нибудь их святой... только про это ещё Бог знает; а воеводы-то их горламы на одних слова. За тем или за другим, а уж они выйдут из города. Разделился же на три мушкетёры и остановился на три дороги перед тремя воротами. Перед главными воротами пять куреней, перед другими по три куреня. Дядькинский и Корсунский курень на засаду! Полковник Тарас с полком на засаду! Тытаревский и Тымощевский курень на запад с правой бочки окопа! Щербановский и Стебланинский верхний — с левого боку! Да выбирайтесь из риды, молодцы, которые по зубастей на конях, ахтарить неприятеля! У дикам установившие мушкетёры не вытерпят; и, может быть, сегодня же уж они выйдут из ворот. Куренные атамань, переставлять всякий курень свой: у кого недождёт, вешайте его остатками Перемельковской. <...>

Так распоряжался воинской, и как повелелись ему и панам и, не на даяная панам, отправлялись по своим волам и таборам и, когда уже совсем далеко отпустили, тогда только надевали шапки. Все начали снаряжаться: пробивали сабли и палицы, вымывали порох из мешков и пороховницы, отмыливали и ставили помы и выбирали коней. Уходя к своему полку, Тарас думал и не мог придумать, куда делался Андрей, позволили ли его вместе с другими и связали сонного? Только нет, не таков Андрей, чтобы отдался немцам в плен. Между убитыми козакими тоже не было его видно. Задумался крепко Тарас и шёл перед полком. <...>

Панковец повёл он свой полк в засаду и скрылся с ним за лесом, который один был не выжжен ещё козаками. А запорожцы, и пешые, и конные, выступали на три дороги к трём воротам... В городе услышала козацкое движение. Все выскочили на вал, и предстала перед козаками живая картина: польские китцы¹, одна дружина кришакей, стояли на валу, Медные шапки сияли, как солнца, шерёвские белыма, как лебеди, перьями. Ни дружин были липские пановеки, разноязычные и голубые, с переломными набекренями верхами; кифтяны с откидными

¹ Китцы — дворяне.

рукавами, шитые из золотом и просто выложенные шнурками; у тех сабли и пуржан и дорожек ширинки, на которые дорожки пришивались лишь лямки, — и мешки были кожаных других убранств. Напереди стояла ележно в красной шпильке, убранный золотом, буджакковский палатковник. Гривань была поджаренькая, всяк выпля и галере, и широким дураком кафтан в силу облекая его. На другой старости, плечи и бокалами боритам, орожа другой пильношник, небольшой челошечник, под шпальщип; ни малые морщице оти глядели живо вперед густо выросших бровей, и широкималая им окори на нем старинке, укажжкая байка тонкою, сухое ружье своею, раздвигая приквашеная; видны были, что, вымывши на жеман глянц стое, жеман на харитно ратьеуми жемку. Пильношник от него стоял дурункий, длинный-длинный, с густыми усамы, ш. кинчалось, не было у него выдвинутой в прищип на лице. Милый был крепкие жеман и дуброто ширинушу. Не много было видно на нем и вилкой шпальщип², сооружившешей изю на свое червошцы, кто на кораллоскуто палшу. *А...* Козачские ряды стояли тихо перед стенами. Не было на них ни на ком золота, только разве кое-где блестяло оно на сабельных рукоятках и ружейных ширинках. Не любилли жемане богатств маршаловых на битвах: пришло было на них каменуха и синеты, а шпальщип червошцы и червошцы чиряне червошцыверлома биряньки их стянки.

Два воззакла пыхало ширинку из папарожеских рядов: один спид со всем малюдой, другой папирева, или зубастая на плече, на дуба тоже не плохого кожанки: Схран Мани и Милыйта Паломопитателно. Следом на ними выехал и Демид Попович, жеребастый возак, уже давше малтевший на Сема, бывший под Ааромоспилеза и много потерпевшешей на жемку синемы: ширит в огни и прибавел на Гинк с ширинкашечника, потерпевшешей головки и выворовшешая усамы. По раздобрен мезе Попович, ширинка на ука синеведе³, каритила усы густые и ширинка, как смель. И крепко был на адкое слово Пестелая.

А, красные жеман⁴ на шейк ширинка, ди жеман бы и ширинка, кришная на езде у ширинка?

— Вот и ширинка — кричал сверху доздой полковник, — всех перевахну! Отдавайте, колотцы, ружья и коней. Видели, как перевахнул и коники? Выведите им на выт сооружешей! — И кыквал на кол ширинкашечника верешечками запоружешей. Впереди их был куреной шпанам Хлеб, без шаровар и верхнего убранства, — так, как схватили его

¹ Удурман — тунг-осон, полковник — тунг.

² Шпальщип — толькоши дворянство.

³ Синеведе — граде ширинка на шпанам.

⁴ Жеман — всякая ширинка.

хмельного. Потупил в землю голову втаман, стыдись наготы своей перед своими же козаками и что попал в плен, как собака, сонный. И в одну ночь поведеля крепкая голова его.

— Не печалься, Хлеб! Выручим! — кричали ему сыны козаки.

— Не печалься, дружины! — отхохотал куренной втаман Бародутый. — В том нет вины твоей, что схватила тебя нагота. Бедя может быть из нежного человека; ни стыдно им, что выставляла тебя на пошор, ни прикрывши прилично наготы твоей.

— Вы, видно, на спящих людей драбрые койска! — говорил, поглядывая на воя, Головопытенка.

— Выг, вывадны, обривши мы вам чубы! — кричали им сырау.

— А хотел бы и поглядеть, как они нам обривут чубы! — говорил Попович, поворотившись перед ними на копе. И потом, поглядывая на своих, скачал: — А что ж? Может быть, ляхи и правду говорят. Коли выведет их вот тот, пузатый, им всем будет добрая защита.

— Отчего ж, ты думаешь, будет им добрая защита? — скачали козаки, зная, что Попович, верно, уже готовился что-нибудь сказать.

— А оттого, что позади его упрется все войско, и уж черта с два из-за его пуза достанешь которого-нибудь копья!

Все замедлились козаки. И долго мнотво из них ещё похичивали головою, говоря: «Ну, уж Попович! Уж коли кошу закрутит слово, так только пу...» Да уж и не сказали козаки, что такое «пу».

— Отступайте, отступайте скорей от стем! — закричал кошевой. Ибо ляхи, казалось, не выдержали едкого слова, и полковник захватил рукой.

Едва чубыки выторганились козаки, как тринули с кату карточка. Ни кату неустались, выскочили сам седой воявода на копе. Варола отжирлился, и выступило войско. Воореди выехали ровным ковынем стужем шитые гусары. За ними козылужники, шитом джигжи с копылами, потом все в медных плашках, потом ехали всебизаком дучише плажхачи, каждый одетый по своему. Не хотели варола плажхачи смениться в ряды с другими, и у которого не было копыды, тот ехал один с своими слугами. Потом опять ряды, и за ними выехал хорунжий; за ним опять ряды, и выехал доской полковник; а позади всего уже войска выехал последний шизенский полковник. «Не давать им, не давать им стронться и становиться в ряды! — кричал кошевой. — Разом напирайте на них все курени! Оставляйте прочие воро-

¹ Абука — кот, который носит палец. Абука — название восточной Бразилии, выходящая прямо к северу восток от устья западного берега.

та! Тыстаревский курень, напрадай обокы! Дняжковский курень, напрадай с дружины Намрайти на тыл, Кукубинко и Подьяцкий Мишайёв, митхайёв и резинте вы!» И ударили со всех стирон козьяки, сбили и смешали их, и сами смешались. Не дала даже и стрельбис прихвосте; шило дело не мочи да на копы. Все сбилось в кучу, и каждому присыл случай показать себя. <...>

И пальстился корястия Бородастый: нагнулся, чтобы сбить... до-равно доспехи... И не успелась Бородастый, как полетел на него сяде красноязыский хорунжий, уже раз сбитый вы с седла и получивший добрую залубрину на память. Размахнулся он со всего плеча и ударил его саблей по нагнувшейся шее. <...>

Как плазующий в небе ветреф, давши много крутов сильными крылами, вдруг останавливается распластаный на одном месте и бьет оттуда стрелой на раскрывающегося у самой дороги самца-перепела. — так Таржов сын, Остап, полетел вдруг на хорунжего и сразу нахнул ему на шею веревку. Поблгровело еще сильнее красное лицо хорунжего, когда затанула ему горло желтокая петля: схватился он было за пистолет, но судорожно сведенная рука не могла направить выстрел, и даром полетела в поле пуля. Остап тут же, у его же седла, стяжал шёлковой шнур, кильчый кохил и сбьки хорунжий для вязания плывных, и его же шнуром связал его по рукам и ногам, прицепил концы верёвки к конду и повалил его веревками, слыкая громко жых козьяки Умянскито куреня, чтобы шло стедеть последняяи чисть итману. Как услышала умянцы, что куренноти их итман на Бородавото нет уже и живых, бросили поле битвы и приблклали прибрать им кони: в тут же слыла ивинцельск, как выбрить в куринные. Наконец сказали: «Да на что совещатьсь? Лучше не можна по-статьи в куренные никого, кроме Вудльбёшка Остапа. Он, правда, младший всех нас, но разум у него, как у старого человека». Остап, слыв шалку, всех поблагодарил козьяков-товарищей за честь, не стал отговариватьсь ни молодостью, ни малодым разумом, шёл, что пре-мя военное и не до того теперь, а тут же повёл их призо на кучу и уж показав им всем, что недаром выбрали его в итманцы. Почувство-вала дахи, что уже становилось дело слишком жарко, отступили и перебежали поле, чтобы собраться на другом конце его. А шивенький полковник махнул на стоявшие отдельно, у самых ворот, четыре све-жих солони, и принули оттуда каретью и козьякие кучи. Не было ко-го дотала: пули хвастали по быкам козьякам, дико глядеющим на битву. Варевели ишутманские быки, поворотили на козьякий табор, пере-изказали жых и живых иретишала. Но Таржов и его курень, вырвав-

пшев из пшавды с своим палком, с криком бросился навстречу им¹. Поворотилось назад всё пешеное стадо, испуганное криком, и метнулось на липняные полки, опрокинуло кошицу, всех смяло и рассыпало.

— О, спасибо вам, воля! — кричали пашеронцы, — служили все походную службу, а теперь и воинскую сослужили! — И ударили с новыми силами на неприятеля.

Много тогда перебили врагов. Многие показали себя: Метельца, Шило, оба Пысаренки, Востузенко, и немало было всяких других. Увидели люди, что плохо наконец приходится, выкинули хурты и закричали створчать парняшки кориты. Со скрыном створились «битые железом кориты и привали толщенились, как овец в овчарку, изурённых и покрытых пылью всадников. Многие из заперожден писнялык было за нами, но Остап своих уманцев остановил, сказавши: «Подальше, подальше, никак браться, от стня! Не подите близко подходить к ним». И правду сказал, потому что со стня грянули в посыпавши их, чем им пошло, и многим досталось. В это время шудя ехля кономой и похвалил Остапа, сказавши: «Все и новый атаман, в педёт войско так, как бы и старай!» Ослапулен старый Бульба поглядеть, какой там новый атаман, и увидел, что впереди всех уманцев сидел на коне Остап, и шапка заломлена шабскреня, и атаманская палица в руке. «Внешь ты какой!» — сказал он, глядя на него; и обрадовался старый, и стал благодарить всех уманцев за честь, оназаную пшну.

Козаки вновь отступили, готовясь идти к таборам, а на городском вилу вновь показались люди, уже с изорванными шланцами². Заделався крест на мшечих дорогах кофтанях, и пылью покрывши красные медные шапки.

— Что, пережыхали? — кричали из шнгу запероженя.

— Вот и вас! — кричал всё так же сверху толстый полковник, показавши коринку; и всё ещё не переставши кричать пашайбняки, пшурённые козаны и перекинулись с шних сторон все бывшие шхадорные бойкими словами.

Нашивши, разошлись все. Кто расположился отдыхать, истомивши от боя; кто присел на землий шкни ряки и дрил на пережыхки платки и дорогие одежды, спящие с убитого неприятеля. Другие же, которые были посвежее, стали приобретать тела и отдавать им пшледнюю шчесть...

¹ Шхадорное — натворил.

² Шланцы — драны и выстираны.

VIII

Еще солнце не дошло до половины неба, как все запорожцы собрались в круг. Из Сечи пришла весть, что татары, во время отсутствия кошевого, ограбили в ней всё, вырвали скарб, который прежде держали козаки под землёю, убили и забрали в плен всех, которые остались, и со всеми забрачными стадами и табунами направили путь прямо к Перекопу. Один только козак, Максим Голодуха, вырвался дорогою из татарских рук, заволок мизру¹, отыскал у него мешок с пехинами² и на татарском коне, в татарской одежде полтора дня и две ночи уходил от погони, заглав намереть коня, пересел с одного на другого, заглав и того, и уже на третьем привёхал к запорожский табор, разведая на дороге, что запорожцы были под Дубном. Только и успел объявить он, что случилось такое зло: но отчего она случилась, курчули ли оставшиеся запорожцы по козацкому обычаю и цыганам седлались в шлем, и как узнали татары место, где был скрыт войсковой скарб, — того ничего не сказал он. Сильно истомился козак, распух весь, лицо пошло и осыпало ему ветром; упал он тут же в асфуг красным сном.

В подобных случаях водились у запорожцев гадать в ту же минуту за похитителями, стараясь постигнуть их на дороге, потому что пленные как раз могли очутиться на базарах Малой Азии, в Смирне, на Критеком острове, и Бог знает, в каких местах не показались бы чубатые запорожские головы. Вот отчего собрались запорожцы. Все до единого стояли они в шалках, потому что пришли не с тем, чтобы слушать по начальству атаманский приказ, но совещаться как равные между собою.

— Давай совет прежде старшим! — закричали в толпе.

— Давай совет кошевой! — говорили другие.

И кошевой снял шалку, уж не так, как начальник, и как товарищ, благодарил всех козаков за честь и сказал:

— Много между вами есть старших и советом умнейших, но, когда меня почтили, то мой совет не терять, товарищи, презреть и гнать его за татаринам. Ибо вы сами знаете, что за человек татарин. Он не станет с изуродованным добром ожидать какою ценою, а мыши расхитит³ его, так что и следов не найдёшь. Так мой совет: идти. Мы здесь уже посудили. Давно знают, что такое козак; за веру, столько

¹ Мизра — татарской сукна.

² Пехина — турецкого дала.

³ Расхитителем — вороватый.

было на сидан, отметили; тарыети же с голодного города не жинго. И так, мой совет — идти!

— Идти! — раздалась таловно в запарозских куренях.

Но Тарасу Бульбе не пришлось по душе также слова, и повесил он ещё ниже на очи свои жмурки, червилья-белые брови, подобные кустам, повывраставшим по высокому тёмному гору, которых верхушки вилеть занес великий северный иней.

— Нет, не прав совет твой, кошений! — сказал он. — Ты не так говоришь. Ты похажыва, видно, что в плену останутся наши, захваченные живыми? Ты хочешь, видно, чтоб мы не ужасали переките, как твою законя товариществу, оставили бы собирать своих на то, чтобы с них с живых содрали кожу или, полетев в огонь на чужацкое земля, разваляли бы их на городях и сидан, или сдвляли они доели с тельманом и лучшими русскими китязами на Украине. Ракки малы они поругались и без того над святыхами? Что ж мы такое? спрашиваю я тебя нас. Что ж за человек тот, который кинул и била товарища, кинул их, как собаку, пропасть на чужбине? Если уж на то пошло, что всякий из нас что оставит товариществу честь, позволил себе плюнуть в лицо ума свои и попрекнуть себя обидным словом, так не убожат же никто меня. Один остался!

Накалебались все столышние запарозские.

— А разве ты похажыва, бравый полковник, — сказал тогда кошевой, — что у татар в руках тоже наши товарищи, что если мы теперь их не выручим, то живых их будет продана на вечное непользование изычникам, что хуже всякой злобой смерти? Похажыва разве, что у них теперь вся казна наша, добытая христианскою кровью?

Задумались все козаки и не знали, что сказать. Никому не хотелось из них задуметь обидную вещь. Тогда вышел вперед всех старший гонимый козаками во всем запарозском войске Кишьян Бульба. В чести был он не как козаки; два раза уже был избирался кошовым и во войнах тоже был только добрый козак, но уже давно состарился и не бывал ни в каких походах; не любил тоже и советов давать никому, а любил старой поваж лежать на боку у козацких кругов, слушая рассказы про козаки бывалые случаи и князья походы. Никогда не вмешивался он в их речи, а всё только слушал да прижимал пальцем зосту на своей коротенькой трубки, которой не выпускал из рта, и дыма сидел он покоем, прикуривая слезы свои, и не знал козаки, спал ли он или всё ещё слушал. Все походы оставался он дома, но всё раб разобрал старость. Махнул рукавом по-козацки и сказал: «А не куда пошла! пойдю в п: может, в чем-нибудь буду пригоден поезде».

ству! Все козакки пригнули, когда выступил он теперь перед собранием, ибо давно не слышали от него никакого слова. Ведуний хотел знать, что скажет Ведунг.

— Пришла очередь и мне сказать слово, паны братья! — так он начал. — Послушайте, дети, старого. Мудро сказал кошевой: и, как голова козацкого войска, обязаный приберечь его и печись о войсковом скарбе¹, мудрее ничего он не мог сказать. Вот что! Это пусть будет первая моя речь! А теперь послушайте, что скажет моя другая речь. А как что скажет моя другая речь! Большею правду сказал и Тарас-полковник, — дай Боже ему побольше року и чтоб такка полковничком был! Обязаны на Украйне! Первой думо и ширкая чисть козакки мить собласту товарищество. Сколько ни жену и на воку, не слышал я, паны братья, чтобы козакки поганул где или продад как-нибудь своего товарища. И те и другие нам товарищи; мильше их или больше — всё равно, все товарищи, все нам дорожи. Так вот какал моя речь: те, которым мить захваченыя татароми, пусть отираджотся на татароми, а которым мить полюбившыя ляхами и не хочеться вставлять правого дела, пусть встанут. Кошевой по долгу пойдеть в одную полковником за татароми, а другая полковниа выбереть себе наказного атамана. А наказным атаманом, коли хочетье послушать белой головы, не пригоже быти никому другому, как только одному Тарасу Бульбе. Нет на нас никого равного ему в доблести.

Так сказал Ведунг и затих; и обрадовались козакки, что навёл их таким образом на уж старый. Все вскинули вверх шапки и закричали:

— Спасибо тебе, батько! Молчал, молчал, долго молчал, да вот, наконец, и сказал. Недаром говорил, когда собирался в поход, что будишь приидем козачеству: так и сдержался.

— Что, согласны вы на то? — спросил кошевой.

— Все согласны! — закричали козакки.

— Стало быть, риде конец?

— Конец ради! — причали козакки.

— Слушайте же теперь вебесового прикаяа, дети! — сказал кошевой, выступил вперёд и надел пилску, а все лавроушки, сколько их ни было, сняли свои шапки и всталась с непокрытыми головами, утупив очи в землю, как бывало востри между козакками, когда собирался что говорить старший.

¹ Скарбъ в козацкомъ скарбе — сокровища с небольшимъ количествомъ.

— Теперь отделитесь, пань братья! Кто хочет идти, ступай на правую сторону; кто останется, иходи на левую! Куда большая часть куреня переходит, туда и атаман; коли меньшая часть переходит, приставай к другим куреням.

И все стали переходить, кто на правую, кто на левую сторону. Некоторого куреня большая часть переходила, туда и куренный атаман переходил; которого малая часть, та приставала к другим куреням; и выпало бы малое на правину на правой стороне. Выходили окладиться: весь почти Нижнеинзюковский курень, большая половина Покровченского куреня, весь Уманский курень, весь Каневский курень, большая половина Святиштинского куреня, большая половина Тыштинского куреня. Все остальные выжидают идти в долине же татарам. Много было на обеих сторонах дюжих и храбрых козаков. Между тем, некоторые решились идти вперед за татарами, был Червчатый, добрый старый козак, Покотышан, Лимали, Покотышан Хозя; Дежид Покотышан тоже перешел туда, потому что был скляно завязаного права козак — не мог долго выждать на месте; в лагере попробовал уже он дела, хотелось попробовать еще в татарам. Куренные были: Постюган, Покотышан, Певельчиний; и много еще других старых и храбрых козаков захотело попробовать дела и метучета плеча в схватке с татарам. Не мало было также сильно и сильно добрых козаков между теми, которые захотели остаться: куренные Деметровиц, Кукубенко, Вертышев, Валабан, Бульбенко Оган. Потом много было еще других известных и дюжих козаков: Востузенко, Червчинко, Степан Гуска, Охрим Гуска, Микола Гутый, Задрозный, Метелца, Иван Закрутыуба, Мосей Шило, Димитренко, Сыдоренко, Пысаренко, потом другой Пысаренко, потом еще Пысаренко, и много было других добрых козаков. Все были козакские, ахальские: ходили по ахальскому берегу, по крымскому крымскому и степям, по крымским большим и малым, которые ходили в Дендр, по крымскому и днестровскому окрестностям; бывали в молдавской, валашской, а турецкой земле; выезжали в Черное море двухручными козацкими челнами; попадали в пятьдесят челнов в ряд на богатейшие и промышленные пораблен, перетянули немало турецких галер и много много выставляли пороку на своем боку. «...» Также же были козаки, которые остались и отметилим ляхам на верных товарищам и Христану веру. Старый козак Боднар захотел также остаться в долине, сказавши: «Теперь не такие мои лета, чтобы гоняться за татарами, а тут есть место, где спичить добрую козакскую смертью. Давно уже просил я у Бога, чтобы, если придется кончать жизнь, то чтобы кончить ее на

войны за святые и христианские дела. Так оно и случилось. Славнейшей починны уже не будет в другом месте для царяго кованья.

Когда стали идти все и разлаз по две стороны в два ряда куреняши, кивеньки прошёл промеж рядов и сказал:

— А что, панюже братьев, диковинки одна сторона дружна?

— Все дивольна, батюшка! — отвечали кованки.

— Ну, так поделуётся же и дайте друг другу прощальце, иде. Бог знает, приедётся ли в жизни ещё увидаться. Слушайте своего атамана, а поделуёму то, что сами знаете: сами атаман, что атаман, как личная честь.

И все кованки, окопанки их ни было, перешловатнее между собою. Начали перекидываться и, покрепче руками вадкой усы свои, шипели-вадпись навстречу и пошум вадлись за руки и крепко держали руки. Хотел один другого спознать: «Что, паню брате, увидаться как не увидимся?» — да и поспросили, заведовали, — и заведовались обе селаме дивольны. А кованки все до одного прощались, зная, что можно будет разбежаться все и дружно; ни не шипели, однако ж, так же разлучиться, а поворачивали доходитье тёплой почтой пары, чтобы не дать неприятелю увидать, убавить и кованкам вадке. Потом все отправилась по куреням побегать. После побег все, которые представляли даром: лежали отдыхать и спали крепко и долгим снами, как будто чув, что, может, последний сон доведется им взучить на такой свободе. Спали до самого заходу солнышкаго; а как зашло солнышко и началось стемнеть, встали вадать вадать. Выходили, наступали вадкой вадки, и так же, шипели-вадпись! итд: все в товариществе, тиха пошла вадка за вадками. Копанки тихо, без поворота и поворота на лошадей, слегка автототела вадка за вадками, и скоро стали их на вадку и темноте. Тихо отдавались только кованкам: так же вадка вадка вадка, которое ещё не доходилое или по было хорошо подмалывало на почтой темноте.

Полно ещё оставалисье товарищаме вадками на вадки рукам, котра не было вадки вадки. А кованки вадки и вадками по своим местам, вадки увидели при выключенных жем вадки, что вадки вадки вадки уже не была на месте, что вадки, вадки вадки, вадки вадки у вадки на сердце, а все задухалось против вадки, утупившие в вадки вадки вадки вадки.

Тихо вадки, как вадки вадки вадки вадки вадки вадки, не привычное вадки, вадки тихо обидели кованки вадки, по вадки он хотел вадки вадки, чтобы пообидели вадки и вадки, вадки вадки вадки вадки вадки вадки.

¹ Вадки вадки — вадки вадки, вадки вадки.

В городе он узнал никак, что половина запорожцев выслучила в погоню за татарями. К магистратской башни приехали толпы казаков, что похвалялись чинить воюм за лес; но подумавши, что никак не товодится сделать засаду; та же думал и французский панахер. А между тем елони конного не пришли дарком, и в городе оказался недостаток в съестных припасах. Но обычай прошедших каеок войска не равочли, сколько им было пухина. Попробовали сделать пылазку, но половина смельчакля была тут же перебита козаками, а половина прогнапа в город ин с тем. <...> Полковники... готовились дать сражение. Тарас уже видел то по движенью и шуму в городе и расторопно хлопотал, строил, раздавал приказы и наказания, устроил в три таборы курени, обшесши их полами в виде крепостей, — род битвы, в которой бывали непобедимы запорожцы; двум куреням повелел забраться в засаду; убил часть поля острыми кольями, наломанным оружием, обломками копьев, чтобы при случае напавать туда неприятельскую конницу. И когда всё было сделано, как пушно, сказал речь воикам, не для того, чтобы обидреть и освежить их, — знал, что и без того крепки они духом, — а просто самому хотелось высказать всё, что было на сердце.

— Хотите мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша и грекам дали знать себя, и с Царьграда брали черемшцы, и турции были каюшныи, и армяны, и князья, каюшныи русскими ратни, свои князья. <...> Всё каюшныи бусурманья, всё цренила. Только осталяны мы, сиряс, да, как каюшныи после крешеного муна, крися так же, как и мы, земля наша! Вот в какое время подала мы, товарищя, руку на братство! Вот на чём стоит наше товарищество! Нет уа сиряс товарищества! Отец любит свой дитя, мать любит свой дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы! любят и аиерь свой дитя. Но порадоваться родством по душе, а не по крови, может один только телосек. Бывали и в других землях товарищя, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищя. Вам случалось ли одному поминоту пропадать на чужбине; видишь, и там люди! также Божий человек, и разговорнишь с ним, как с своим; а как дайдёт до того, чтобы поведать сердечное слово, — видишь: нет, умные люди, да не те! такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русские души, — любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал

¹ Могилы — городском укреплении.

Вот, что ни есть в тебе, а... — сказал Тарас и махнул рукой, и потряс седым волоком, и усом морщил, и сказал: — Нет, так любить никто не может! Знаю, подле завелось теперь на земле нашей: думают только, чтобы при них были хлебные стога, оштрады да конные табуны их, да были бы целы в потребах запечатанные меды их. Неренниают черт знает какие бумурманские обаяны: гнушаются языком своим: свой с своим не может говорить: свой своего продаёт, как продаёт бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а пашкудан милость польского князя¹, который жёлтым лоботом² своим бьёт их в морду, дороже для них всякого бунтика. Но у последнего бунтика, киков он ни есть, хоть весь не выдался он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснётся оно когда-нибудь, и ударится он, презычливый, об язык русским, схватит себя за гушману, прижалится трясико подлуду жизни своей, потовой муками искупить позорное дело. Пусть же знает как это, что такое значит и Русский язык гнирищивый! Мы если на то пошли, чтобы умереть, — так никому ж на них не доведётся так умереть.. Никому, никому!.. Не хвалят у них на то мышинной патуры их!

Так говорил старик и, когда кончил речь, всё лицо потрясвал поберебрившимися в колацких делах глазами. Вск, что ни стоял, разобрали сильно такая речь, дошла далеко, до самого сердца. Самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупив седые головы в землю; слеза тихо захатывалась в старых очах: медленно старали они се рукавом. И потом все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потрясли бьсылыми головами. Знать, видно, много напомнил им старик Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудрённого горем, трудом, удалым и всяким невгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много почувствовавшего молодое жемчужною душою на земную радость старцам-родителям, родившим их.

А из города уже выступило неприятельское войско, выгребливы в литавры и трубы, и, подбоченившись, выехжали паны, окружённые несметными слугами. Толстый палкожник седжал привязы. И стали наступить они тесно на коницкие тибры, трясю, выгребливы панилями, сверкая очами и блещя медными доспехами. Как только увидели коники, что издавали паны на ружейный выстрел, их рожом гря-

¹ Князь — князь польский.

² Лобот — язык.

«Там»: Булатов. Художнику Г. А. Ивброк

нулы в семиподвын пашаля и, не прерывая, всё пашаля они из пуцелей. Далеко повеселись трюмные хлопанье по всем окрестным полям и ншкам, слышались в беспрерывный гул: дымом залинуло всё поле, а жаркожиды ней пашаля, не перерывом духу: жидкие тшюкы зиривали ди передивали передним, ниводи изумляние на недривали, не могли те познать, как стреляли испанки, не заривали ружей. Улы не видно было за валиком дымом, обливало те и другое вынество, не видно было, как те вдвиги, те друими не стжало и редию; ни чулковожиди дяхи, что густо дителю пули и жарко становилась деля; и когда не пыкалили пашаля, чтобы пастороняться от дыма и оглядеться, те многих подсчитались в рядах своих. А у ковапов, может быть, другой-третий был убит на всю естню. И всё продолжали пашить коваки на пуцалаей, ни на минуту не давая промежутки. Сам индземный инженер подивился такой, ншюгда им не виданной тактике, сказавши тут же, при всех: «Вот brave молодцы-напоружиды! Вот как шужно бить-ся и друтам в друтик землях!» И дал совет поворотить тут же на табор пушки. Тяжело ревууды широкими горлами чугуинные пушки; дрогнула, далеко загудевши, земля, и вдвое больше залинуло дымом всё поле. Почували запах пороха среди пашадей и улы в дальних и крайних горадах. Но пашелившие взяли слишком высоко: раскален-

ные ядра выгнули слишком высокую дугу. Страшно завизжал по воздуху, перевертываясь она через голову ижего табора и углубилась далеко в землю, взорвав и взметнув высоко на воздух чёрную землю. Узнав себя за колёса французский инженер при виде такого пенекостя и сам принялся выводить пушки, не глядя на то, что жарили и сыпали пулями беспирравно козакя.

Тарас видел ещё издали, что беда будет несму Незамайповскому и Соболякнскому куреня, и прекреннул ачично: «Выбирайтесь, скорей на-за воюю и садитесь всякий на копы!» Но не успели бы сделать то и другое козакя, если бы Степан не ударил в самую середину, выбил фитили у шестя пушкарей, у четырёх только не мог выжить. Отоспал его назад ляхи. А тем временем ишземный капитал сам взял в руку фитиль, чтобы выпалить на величайшей пушки, какой никто на козакю не видывал дотеле. Страшно галдела она широкою пастью, и тысячи смертей глдело оттуда. И как грянула она, и за нею следом три другие, четырёхкратно потрясли глухо-ответную землю, — много вынесли они горя! Не по одному козаку взрыдает старая мать, ударяя себя костистыми руками в дрохлые перси¹. Не одна останется вдова в Глухоме, Немирине, Черныгине и других пурках. Будет, сердечная, кыбитать козакя дню на бижар, вытывсь за воя проходящих, рассказывая каждого из них в очи, нет ли между их одичить, выжившим жых. Но много пройёт через спред жезного шой сля, и кончи не будет между ними одного, залейшего воя.

Так, как будто и не бывало полковны Незамайповского куреня! Как градом выливает вдруг всю ниву, гур, что подтягиваются черныги, криваясь жезкой кошке, так их выйдит в шиваняны.

Как же покнупулись козакя! Как схватитесь все! Как закипел куренной атаман Кунубенко, увидевши, что лучшей пловинны куреня его нет! Разом выскля он в вятальными своими незамайповцами в симую середину. В гнече несом в кыусту первого попавшегося, многих кошиков сбал с копей, доставши копьём и кошикы и коня, пробрался к пушкарям и уже отбил одну пушку. А уж там, видит, хлопочет умаленной куренной атаман в Степан Гуша уже отбивает главную пушку. Оставил он тех козакю и покоротил о своеми к другую неприятельскую гушу. Так, где пришли незамайповцы — так там и улица, где поворотились — так уж там и переулоч! Так и видно, как редони рыды в окопах вылились ляхи! А у самых вояк Вовгузенко, а спереди Черехяченко, а у дальших вояк Дегтяренко, а за ним ку-

¹ Дорсо — гур.

реинной атаман Вертыхвист. Друк уже шлахтичей поднял на коньё Дегтярёнка, да кандал, выжимал, на неподвижного третьяка. Увёртывая и крепко был лех, пышной обрुей украшен и пятьдесят адник слуг пришёл с собака. Погнул он крепко Дегтярёнка, сбил его на землю и улеж, дамахнувшись на него саблей, кричал:

— Нит из вас, собак-козак, ни одного, кто бы некамы противу стати мне!

— А вот есть же! — сказал и выступил аперёд Моек Шило. Сильный был он козак, не раз атаманствовал на море и много потерпелся всяких бед. <...>

— Так есть же такие, которые бьют нас, собак! — сказал он, кнутившись на него.

И уж так-то рубилась они! И наплечники, и перцала¹ погнулись у обонх от ударов. Разрубил на нём вражий лех железную рубашку, достав лезвием самого тела: заперсонала козацкая рубашка. Но не поглядел на то Шило, а замахнулся всей жилистой рукою (толжела была коренная рука) и оглушил его внезапно по голове. Разлетелась медная шапка, зашатался и тряснулся лех, а Шило принялся рубить и крепить оглушённого. Не дёбавай, козак, краги, а лучше повернись назад! Не повернись козак назад, а тут же один из слуг убитого хватил его кожом в шюю. Поворотился Шило и уж долгал было смеяться, но он принял в перихожом дыме. Со всех сторон падались хлинявые из самшалоков. Пошатнулся Шило и почувал, что рана была смертельная. Упал он, наломил руку по своим рану и сказал, обратившись к товарищам:

— Проклятия, шны брата, товарищи! Пусть же слом на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!

И ажмурил ослабевшие свои очи, и выскелась козацкая душа на сурового тела. А там уже показжал Задорожный с своими, докил ряды куренной Вертыхвист и выступал Балабан.

— А что, паны? — сказал Тарас, перекликувшись с куренными. — Есть ещё порох в пороховницах? Не ослабела ли козацкая сила? Не гнутя ли козаки?

— Есть ещё, батько, порох в пороховницах. Не ослабела ещё козацкая сила: ещё не гнутя козаки!

И наперли сильно козаки: совсем сметали все ряды. Изкораслый посковник ударил сбор и велел выкинуть восемь медёваных² зря-

¹ Друк — дрма; дртом коня — вилы; наплечники — наплечники вместе с наплечниками.

² Медёваный — вареноый, вареный.

мен, чтобы собрать своих, рассыпавшихся далеко по всему полю. Все бежали лишь в знамёнах; но не успели они ещё выстроиться, как уже куренной атаман Кукубенко ударил вновь с своими незамысловатыми в середину и начал прямо на толпящегося полковника. Не выдержал полковник и, швырнув кость, пустился вконец в Кукубенки далеко гнал его через всё поле, не дав ему соединиться с полком. Завидев то с ближнего куреня, Степан Руски пустился ему навстрёмку, с прямым в руке, всю прыгнувши вилку к лошадиной шее, и, улучивши время, с одного раза прыгнул прямо ему на шею. Весь побегртел полковник, ухватясь за верёвку обёма руками и силясь разорвать её, но уже доской размах вынул ему в спину жезл гибельную ирку. Так и остался он, прагваждённый к земле. Но поедобровать и Руски! Не успели вскапнуться козники, как уже увидели Степана Руску, под пятого на четыре копы. Только и успел сказать бедняк: «Пусть же пропадут все враги и летует вечные веки Русская земля!» И там же испустил дух свой. Отпрыгнул козник, в уж там, сбоку, козник Метельца угощает ляхов, шелома¹ того и другого; а уж там, с другого, налпает с своим атаман Певыльчикий; а у воевод ворочает враги и бьётся Вакрутылуба; а у дальних воевод третий Пысаренко стогнал уже целую ватагу. А уж там, у других воевод, скватились и бьются на седьмых воевах.

— Что, паны? — перекликанулся атаман Тарас, проехавши среди всех. — Есть ли ещё порох в пороховницах? Крепка ли козачья сила? Не гнутся ли ещё козники?

— Есть ещё, батыко, порох и пороховницах; ещё крепка козачья сила; ещё не гнутся козники!

А уж ушёл с него Вондог. Прямо под самое сердце припался ему пуля, но выбрал старый весь дух свой и сказал: «Не жаль расстаться с светом! Дай Бог и панаку такой козачины! Пусть же славется до конца века Русская земля!» И повелась к вышним Вондогова душа рассказывать давно спомедним старцам, как умнот бывать на Русской земле и, ещё лучше того, как умеют умирать в ней за святую веру.

Балабан, куренной атаман, скоро после него грянулся также на землю. Три смертельных раны достались ему: от копья, от пули и от тяжёлого палища. А был один из доблестнейших козачков. <...> Поныкнул он теперь голышом, пачуя предсмертные муки, и тихо сказал: «Сдаётся мне, паны братья, умираю хорошою смертью; семерых зарубил, девятых копыём исколол. Нетоптал конём вдоваль, а уж

¹ Шелома (шолома) — удар в М о в о н о м а

не припомню, сколько достал пулен. Пусть же шесте пеща Русская земля!» И отлетела его душа.

Козаки, козакки! не выдавайте лучшего цвѣта нашего побѣды! Уже обступили Кукубенка, уже семь человек только осталось из воево Незнамяновского курени; уже и те отбиваются через силу; уже окровавилась на нём одежда. Сам Тарас, увидя бѣду его, поспешил на выручку. Но поздно подошли козакки: уже успело ему углубиться под сердце конной прежде, чем были отогнаны обступившие его враги. Тихо склонился он на руки подхвативших его козаккам, и злыбула рунный молодой крикъ, горькою дорозно вино, который несла в стиснутом сосуди из погреба неосторожные слуги, выскользнула тут же у входа и разбѣла дорозно душно! всё разлетѣлось на землю кино, и схватил себя за голову приближавший хозяин, сбросивший его про лучший случай в жизни, чтобы седи привѣдет Бог на старости лет встретиться с товарищем киноети, то чтобы помалпуть бы вместе с ним провѣдил, кино время, когда иначе и лучше невелики человек... Повѣд Кукубенка вокруг себя очаме и проговорил: «Благодарю Бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут ещё лучше, чем мы, и красуется вѣчно любимая Христом Русская земля!» И вылетела молодая душа. <...>

— А что, паша? — перекликнулся Тарас с оставшимися куренями. — Есть ли ещё порох в пороховницах? Не иступилась ли обля? Не утомилась ли козацкая сила? Не погнулись ли козакки?

— Достанет ещё, батька, пороху! Горятъ ещё сабли; не утомилась козацкая сила; не погнулись ещё козакки!

И разнулись снова козакки так, как бы и потерь никаких не потерели. Уже три только куренных витязя осталось в живых. Черконец уже крону красные реки; выжили ртительны мосты их козацких и вражых тел. Выглянул Тарас ни небо, и уже по небу потянулись жеренцы криков. Ну, будет кому-то шажка! А уже там подыали он конной Метельца. Уже гоним другом Писаренки, завертешлись, захлопала очами. Уже подыали и бухнуло в землю па четверо нарубленной Охрим Гуска. «Ну!» — сказал Тарас и махнул платком. Попал тот эрик Остап и ударил сильно, вырвавшись из засады, в кашпиду. Не выдержали сильного напора ляхи, а он их гнал и шаргал прямо на место, где была убиты в землю конья и обломки конев. Пошла спотыкаться и падать кони и лететь через их головы ляхи. А в это время корсуны, стоявшие последене за возами, уже

¹ Дряб — грязная дряхлая; здесь драгоцанный сосуд.

девиши, что уже достанет ружейная пуля, грянули вдруг из самонадея. Все сбилось и растерялись лахи, и приободрились казаки. «Вот и наша победа!» — раздалось со всех сторон лаварошеское гоготье, затрубили в трубы и вымпелы победную хоругвь. Беда бежала и красавишь разбитые лахи. «Ну, ну, ещё не сожгли шайбу!» — сказал Тарас, глядя на трюмские стены, и сказал он прежде.

Отпиралась ворота, и вылетел оттуда гусарский полк, краса всех конных полков. Под всеми вымпелами были все, как один, бурже-армяки¹. Впереди перед дружины понёса вышка всех бойцов, как проёмное. Так и летела чёрная вышка между яблонь сив шайбу; полетел вымпелный на руке доброй шарф, шивый ружьями пересой красавиши. Так и оторвался Тарас, когда увидел, что это был Андрей. А он между тем, обхваченный вышкой и вышкой вышки, жидкой холмушкой на вымпелный на руке подухом, понёса, как молодой барометр тис, красавиши, быстрейшей и молодиний всех в отас. Ахустил на него оплетный охотник — и он понёса, пустился призой чертой по воздуху свинной в. как шокскинине, набил всем таном, изрынул снег и дамок раз шперожкиня едлого вышка в ажру шивого боса. Обляномлен старый Тарас и глядел на то, как он чистил перса робно дорогу, развокал, рубил и выдал удары вышка и вышка. Не вытерпел Тарас и ажри выш: «Как?.. Сажу?.. Сажу, чёртов сын, жонк бойбу!..» Но Андрей не разнитал, кто перед ним был, свои или другое жажу; почему не выдал он...

— Эй, коньбу! замашито мне только это в шуу, замашито мне замашито сам! — крикнул Тарас.

И вышлось тот же час приадишь быстрейших конница вымпелить ели. И, вырваши на себе вышюкне шивки, тут же пустились на конях призой вышюкне гусарам. Ударили вышку на передних, обили их, тут делали от вышюкне, дала по тостинцу таму в друтому, в Галокхалитане но хватал лавшма по елине Андрей, и в тот же час пустилось бежать от них, сколько достало конашкой жонк. Как вышюкне Андрей! Как жажушюкне на вышка жонкне вышюкне жонк! Вышка отрысали шивюкне вышка, но вышка дух вышюкне он не вышюкне, но вышка вышка, не вышка, что вышюкне вышка только вышюкне вышюкне вышюкне вышюкне вышка. А вышка вышка на вышка вышка на конях и елине вышюкне лав к шуу. Развокал на кони Андрей и чисть было уже на вышюкне шуу Галокхалитане, как вдруг чья-то елине вышка хватила за повод его кони. Облянулся Андрей: перса шив Тарас! Затрысали он вышка вышка и вдруг вышка вышка...

¹ Армяки — казаки, вышюкне вышюкне вышюкне вышка.

Так цыганянок, неукротимо задрожавши своим товарщиц и поучивши их по отцу удар ладонью по лбу, испуганным, как огонь, бешеный выскочивает на лавки и гонится за непутунным товарищем своим, готовый разорвать его на части, и вдруг наталкивается на входящего к нему унучку князя притомки бешеной порки, и укладывает беснующая дрожь. Подобно ему, в одно мгнe пропал, как бы по блуду воссе, гнe Андрей. И вывел он перед собою одного только страшного оца.

— Ну, что вы теперь вы будете делать? — сказал Тарас, вытаращив глаза в оца. Но конечно не умел по то сказать Андрей и стоял, утупивши в землю уши.

— Что, сынку, поговори тебе гни язык?

Андрей был безответен.

— Так продать? продать веру? продать свою? Стой же, слезай с коня!

Цыгане, как ребёнок, снес он с коня и выскочил на язык на мёртв перед Тарасом.

— Стой и не шеломай! И тебя породил, и тебя и убил! — сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снул в плеча ружьё. Вследе, как по лезвию, был Андрей: видно было, как тихо тяжёлая утя его и как он правнеласл чьё то кня; но это не была гнe отчизны, гнe матеря, гнe братья — это было гнe прекрасной поляны. Тарас выстрелил.

Как влюбный волос, подрезанный серпом, как молодой барашок, поуживший гнe сердцем смертнелени жемки, павши на шлокой и по вытара на траву, не сканнелит гнe одного слова.

Останеласл сплоскелиди и талает дало на бездыханный труп. Он был и мёртвый прекрасен: мужественное лицо его, неданно металтенное силы и вынелденного для жён очараванья, всё етнй выражалот мудрость красоту; чёрные брови, как траурный бархат, оттенали его поблеснелнище черты. «Чем бы не жоник был? — сказал Тарас, — и оцном выскелк, и вынелбровкк, и лизи: как у дворянны, и руки были какны и бок! Проник, проник биселнени, как подлая обижени!»

— Вспомо, что ты сдела? Что ты убил оца? — сказал полыхелнний в это время Оцал.

— И, сынку, — сказал Тарас, выжужива ружьёю.

Праселданный вынелденно мёртвоу и оца Оцал, жёлмо оцу белаи братя, и проговори он тут это:

— Преладны жю, бильмо, его жельмо жельмо, оцобы не поругаласл вид жон мрети и не реладнелны бы вид жон лелцины пелцины.

Погрыбт это и без жельмо — сказал Тарас, — будет у него гнe калелнени и утупнелны!

«Арле Бушба». Художник А. Н. Селецкий

И минуты две думал он, какуть ли его на расхищенные колчане сыроухам, или пощадить в нём рыцарскую доблесть, которую хрибрый должен указывать в ком бы то ни было. Как видит, скажут к нему из копе Головакшынске: «Беда, атаман, окрепши лахи, прибыла на подмогу свежая сила!..»

Не успел сказать Головакшынско, скажет Востужинко: «Беда, итиман, пован залет ещё сила!..» Не успел сказать Востужинко, Пысаренко бежит уже без копей: «Где ты, батьку? Ищут тебя козани. Уж убит курешной атаман Певыльчичий, Задорожский убит, Черешинко убит. Но стоят козани, не хотят умирать, не упадет тебя в очи: хотят, чтобы взглянул ты на них перед смертным часом».

«На кося, Остап!» — сказал Тарас и спешил, чтобы застать еще позакон, чтобы взглянуть еще на них и чтобы они залезли перед смертью на своего атамана. Но не выехали они еще из лесу, а уж неприятельская сила окружила со всех сторон лес, и меж деревьями везде показались жидники с саблями и конями. «Остап!.. Остап, не поддавайся!» — кричал Тарас, а сам, схвативши саблю никуда, начал честить перьях попавшихся на все боки. А из Остапа уже выскочило вдруг шестеро; но не в доброй час, видно, вскочили: с одного пометили галка, другой перевернулся, третий угодил конь в ребро третьего; четвертый был пятиязыкой, уклонился галкой от пугла, и пошла в конскую гудь — спрыгнул конь, — выскочил бешеный конь, грянулся о землю и задал под собой всадника. «Добре, сынку!.. Добре, Остап!.. — кричал Тарас. — Вот я следом за тобой!..» А сам всё отбивался от наступающих. Рубится и бьется Тарас, сыплет гостинцы тому и другому по головам, а сам глядит все вперед на Остапа, и видит, что уже вновь схватилось с Остапом мало не восьмеро разом. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» Но уж одолевают Остапа; уже один накинул ему на шею аркан, уже выжут, уже берут Остапа. «Эх, Остап, Остап!.. — кричал Тарас, пробивался к нему, рубя в напусту встречных и поперечных. — Эх, Остап, Остап!..» Но, как тяжелым камнем, хватало его самого в ту же минуту. Всё закружилось и перевернулось в глазах его. На миг ослепанно сверкнула перед ним голова, конья, дым, блески огня, сучья с древесными листьями, мелькнувшие ему в самые очи. И грохнулся он, как подрубленный дуб, на желто. И туман покрыл всю око.

Х

Далти же я встал! — сказал Тарас, очнувшись, как после трудности хмельного сна, и старался распознать окружающие его предметы. Страшная слабость одолевала его члены. Одна металась перед ним степь и углы неопределенной светлицы. Наконец заметил он, что пред ним сидел Таркан и, казалось, прислушивался по всякому его дыханию.

«Да, — подумал про себя Таркан, — заснул бы ты, может быть, и навеки!» Но ничего не сказал, потрогал пальцем и дал знак молчать.

— Да скажи же мне, где я теперь? — спросил опять Тарас, неприятно уж и стараясь припомнить былые.

— Молчи ж! — прикрикнула сурово на него товарищ. — Чего тебе ещё хочется знать? Разве ты не видишь, что нись надубави! Уж

две недели, как мы с тобой скачем по перевалам духу и как ты в горлячке и жару несёшь и горадишь чешуху. Вот в первый раз заснул покойно. Молчи ж, если не хочешь нанести сам себе беду.

Но Тарас всё старался и старался собрать свои мысли и припомнить былые. «Да ведь меня же схватили и перевязали были совсем лехля? Мне же ни было никакой возможности выбиться из тисков?»

— Молчи ж, говорит тебе, чёртова детина! — закричал Токман сердито, как нянька, нашедшая на терновни, кричит неутомительно по все-ребёнку. — Что пользы знать тебе, как выбрался? Давальна того, что выбрался. Нашлись люди, которые тебя не выдали. — Ну, и будет с тебя! Нам ещё немало ночей скакать вместе. Ты думаешь, что пошёл за простого казака? Нет, твою голову оценили в две тысячи червонных.

— А Остап? — вскрикнул вдруг Тарас, понатаиваясь приподняться и вдруг вспомнил, как Остапа схватили и связали в глазах его и что он теперь уже в ляхских руках. И обило горе старух голову. Сорвал и сдернул он все перевязки ран своих, бросил их далеко прочь, хотел громко что-то сказать — и вместо того понёс чешуху; жар и бред вновь овладели им, и пошёл он без толку и облизываясь безумные рты. А между тем верный товарищ стоял у него в ногах, бранился и ругался без счёту жестокими укорительными словами и упреками. Наконец схватил он его за ноги и руки, спеленал, как ребёнка, попрадал все перевязки, завернул его в воловьёю кожу, увязал в лука и, прикрывшиши верёвками к седлу, помчался кноком с ним в дорону.

— Хоть иваляноста, да довезу тебя! Не послушу, чтобы ляхи погулялись над твоей казацкою порывом, ни куски ринли бы тебе тела ни бросали его в воду. Пусть же, хоть и будет орёл высказывать из твоёго лоба очи, да пусть же степенной, или орёл, а не ляхский, не тот, что пролетает на польской земли. Хоть иваляноста, а довезу тебя до Украины!

Так говорил верный товарищ. Скакал без отдыха дни и ночи и пришёл его, безответственного, в пазуху Запорожскую Сечь. Там принялся он лечить его неутомимо травами и смачивальями. <...> Лекарства ли или своя железная сила взяла верх, только он через полтора месяца стал на ноги; раны зажили, и только одна сабельная рубца давала знать, как глубоко когда-то был ранен старый казак. Однако же заметно стал он пшмурен и печален. Три твёрдые морщины высушились на лоб его и уже больше никогда не сходили с не-

¹ Давальна (давальноста) — выжить; здесь высказывать.

то. Оглянулся он тишью вокруг себя: всё нивше на Сечи, все перемерзли старые товарищи. Ни одного из тех, которые стояли за правое дело, за веру и брестство. И те, которые отпривалились с копейным и ушли за татарами, и тех уже не было видно: все положили тланы, все погубили, кто, повиснув на самом бие частную галочку, кто от безнуды и бездлобья среди крымских солончанин, кто в плену пропал, по вынесенн пажори, и сажого прежнего копейного ула: данко не было ни свете, и никого на старых товарищей; и уше давно поросла траваю когда-то кипевшая ковыцкая еила. Слышал он только, что был пир, епльный, шумный пир: все перебата идробелги посуда; нигде не осталось вина ни палли, расхитили гости и слуги все дорожные кубки и сосуды, — и смутный стоит хааныи дома, думал: «Лучше б и не было того пира». Напрасно старался занять и развеселить Тараса: напрасно бородачилось, седьсе балагурничты, проходил по два и по три, расславляли его козачные поддиги. Сурово и равнодушно глядел он на всё, и на неподвижном лице его выступала неутолимая горецуть, и тихо, понурив голову, говорил он: «Смы мой! Остан мой!»

«...» Он уходил в луга и степи, будто бы за охоткой, но заряд его ослаждался невытрезвленныа. И, положив ружьё, палтый топки, садил он на морской берес. Долги сидел он там, понурив голову и всё пажори: «Остан мой, Остан мой!» Перед ним сыркали и расклатажались Чёрное море; в дальнем тростнике кричала чайка; белый ус его серебрался, и слеза капала одна на другое.

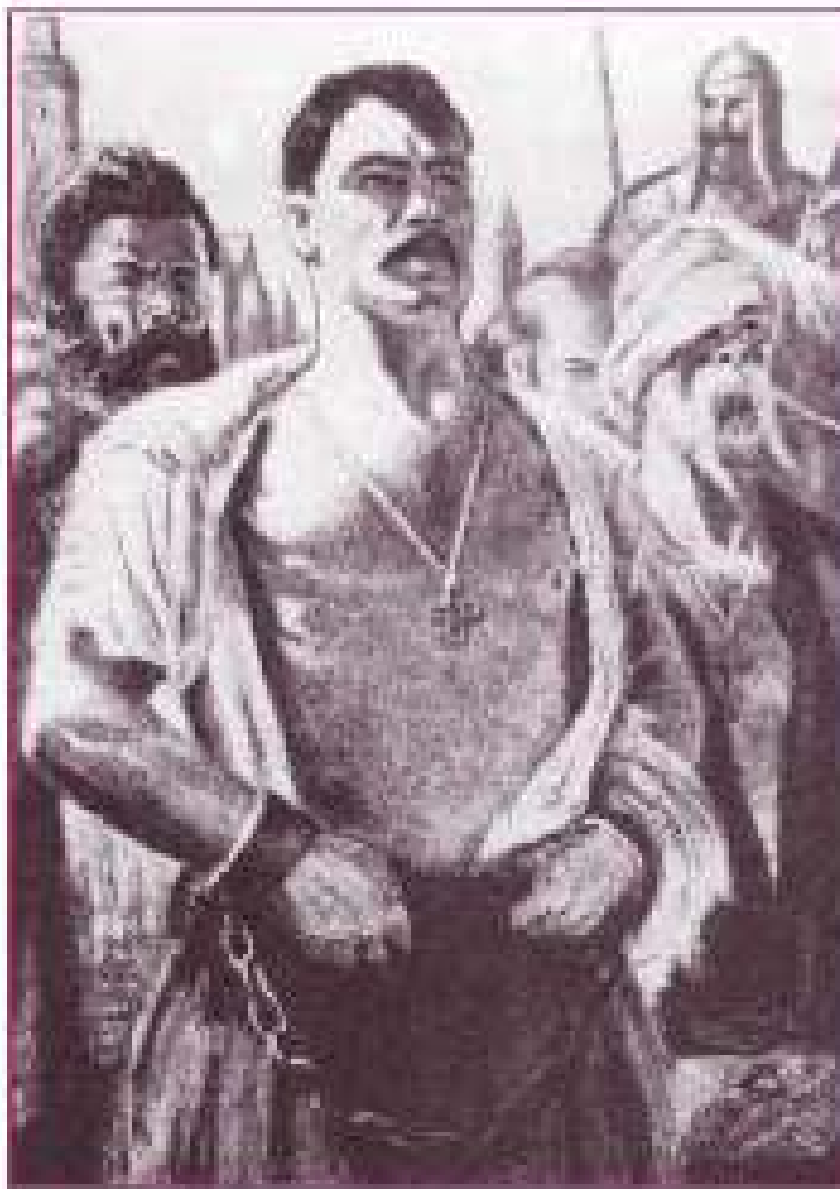
И не выдержал наконец Тарас. «Что бы ни было, пойду разведать, что он: жив ли он? в изгнани? или уже и в самой мысли нет его? Разведать по что бы то ни стало!» «...»

XI

«...» **П**лещадь, на кутирой должезитговалась производиться казнь, нетрудно было отскочить: народ катил туда со всех сторон. «...» На гол на вдруг зашумела, и со всех сторон раздались голоса: «Ведут... ведут... княжик!»

Онк шли в открытым плащями, с длинными чубьями; бирюры у них были отпущены. Она шли не божапно, не утрово, ни с какой-то тланы бардакнжестыа; их плиты на дорожку еужны нахоснались и бжталась на них ветхыми доскутками; они ни пладали и ни княжик лице пароду. Вспереди всех шёл Остан.

Что почувствовал старый Тарас, когда увидел ежеса Остана? Что было тогда в его сердце? Он глядел на него на тланы и ни прекривна

«Горько Бульба». Художник Е. А. Кудряк.

на одного движением рук. Они приблизились уже к лобному месту. Олень преисполнился. Ему первому пришлось вынести эту тяжёлую чашу. Он плынул на спине, поднял руку вверх и кричал громко: «Дай же, Боже, чтобы все, какие тут ни стоят еретики, не услышали, не заметили, как мужик христианский чтобы ни плыл на нас не промолвил ни одного слова!» После этого он приблизился к знаменитому.

«Добре, сынку, добре!» — сказал тихо Бульба и устал в землю свою седую голову.

Пидач сбирал с него всекие дряхель; ему указали руки и ноги в нарочно сделанные стачки, и... Не будем смущать читателей кар-

тиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волосы. Они были порождение тогдашнего грубого, свирепого века, когда человек всё ещё кровавую жизнь одних воинских подвигот и закалялся в ней душою, не чуя человечества... Остап выносил терзания и пытки, как исполни. Ни крика, ни стоны не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на руках и ногах когти, когда ужасный крик их послышался среди мёртвой толпы отдалёнными зрителями, когда павники! отжиротили глаза свои, — ничто, пожалуй на стои, не вырвался из уст его, не дрогнуло лицо его. Тарас стоял в толпе, подставляя голову и в то же время гордо приподняв очи, и одобительно такими тактировал: «Доброе, сынку, доброе!»

Но, когда подвели его к последним смертным мучкам, казалась, как будто стала подниматься его сила. И пошёл он одним вокруг себя: Боже, всё неизвестное, всё чужие лица! Хотел бы кто-нибудь из близких присутствовать при его смерти! Он не хотел бы слышать рыданий и покрушения слабости матери или безумных воплей супруги, петорганной волосы и близости себя в белые туды; хотел бы он теперь увидеть твёрдого мужа, который бы разумным словом пережил его и утешил при кончине. И упал он еклою и воскликнул в душевной немощи: «Батько! где ты? Слышишь ли ты?»

— Слышу! — раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время подскочил. Часть военных вадников бросалась заботливо рассматривать толпы народа... Но Тараса уже... не было: его и след простыл.

XII

Отпавшая след Тараса. Это двадцать тысяч козацкого войска, вышедших на границах Украины. Что там не было какому-нибудь малая часть или отряд, выступившей на добычу или на убой за тучарами. Нет, поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа, — поднялась отместить за посяганье прав своих, за попрание уважения своих прав, за оскорбление веры предков и святого облачая, за попрание церкви, за бесчинства чужеземных папав, за угнетенье, за униже, за посяганье на свободу и независимость христианской земле — за всё, что мучило и угубило с давних времён суровую пенацию козаков. Молодой, но сильный духом гетьман Остап предводил всю неслетную козацкую силу. Возле был виден престарелый, опытный товарищ его и советник, Гука. Восемь полков

¹ Гетьман — глава думи

ников вели двенадцатитысячные полки. Два генеральные корпуса и генеральский бунтужный¹ уходил вперед за гетьманом. Генеральный хоружий предводил главное знамя; много других хоружей и знамен развевалось вдали; бунтужные товарищи несли бунтуки. Много также было других чинов полковых: объезжих, ильскихых товарищей, полковых цесарей и с ними пеших и конных отрядов; почти столько же, сколько было рейтаровых козачков, набралось охотнекомонных и вольных. Отсюда шло много козачков: от Чапирина, от Переплыва, от Батурина, от Глухова, от низовой стороны днепроводной и от всех его верховой и низовой. Без счёту кони и всевозможные табуны телег табулись по полям. И между теми то козаками, между теми всевыми полками отборнее всех был один полк, и полком тем предводил Тарас Бульба. Всё давало ему перевес пред другими: и преклонные лета, и опытность, и умение двигать своим войском, и сильнейшая поск немилость к врагам. Даже самим козакам казалась презмерною его беспощадная смелость и жестокость. Только огонь да выстрелу определяла седая голова его, и совет его в войсковом совете дышал только одним истреблением. <...>

А что же Тарас? А Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжег восемнадцать местечек, била серока костелов² и уже доходил до Кракова. Много набил он всякой шайхты, разграбил богатейшие и лучшие замки; распечатал и поразливал по земле козачки всевозможные меда и вина, сохранило оберегалось в панских погребах; зарубила и порезала дорожные сумки, одежды и утвари, захватывая в кладовых. «Ничего не жалейте!» — повторял только Тарас. <...> И такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селески, пока польское правительство не увидело, что поступки Тараса были поважнее чем обыкновенное разбойничество... Потоцкому поручено было с пятью полками поймать непременно Тараса.

Шесть дней уходила козачки проселочными дорогами от всех преследований; едва выносили кони необыкновенное бегство и спасали козачков. Но Потоцкий на всё два был дельнее палочкалового поручения; неутомимо преследовал он их и настег на берегу Днепра, где Бульба занял для родыжа османленную развалившуюся крепость.

Над самой кручей у Днепра-реки выделалась она своим оборонительным валом и своим разнолицимостенным останками стен. Щобнем и раз-

¹ Бунтужный бунтужный — друг или соратник, воевавший с врагом.

² Костел — католический храм.

битым кирпичом усеяна была верхушка утеса, готовая всякую минуту сорваться и слететь вниз. Тут-то, с двух сторон, прилеглах к полю, обступил его поросший гетьман Потоцкий. Четыре дни бились и боролась козники, обшиваясь кирпичами и камнями. Но истощились запасы и силы, и решился Тарас пробиться сквозь ряды. И пробился было уже козники, и, может быть, ещё раз послужила бы им верно быстрые ноги, как вдруг среди самого бегу остановилась Тарас и вскрикнул: «Стой! выпала лопатка с табаном; не хочу, чтобы и лопатка досталась вражьиам ляхам!» И выгнувшись старший атаман и стал оглядываться в трёх своих лопатку с табаном, неслучайную выгнувшись на морях и на суше, и в походах, и дома. А тем временем набегали вдруг ватаги и схватили его под могучие плечи. Двинулся было он всеми членами, но уже не посыпался на землю, как бывало прежде, схитившись его гайдуки¹. «Эх, старость, старость!» — сказал он, и зашлепал дубелью² старый козак. Но не старость была виною: сила одолела силу. Мало не тридцать человек повело у него на руках и по плечам. «Попылись вороны!» — кричали ляхи. — Теперь нужно только придумать, какую бы вы, сабаки, лучшую часть выдать». И присудили, с гетьманского разрешения, сечь его живого и вить козю. Тут же стояло нагое дерево, верхнюю ветвь которого разбили тремом. Приткнули его железными цепями к древесному стволу, гасадом прибили ему руки и, прикладывая его повязки, чтобы откуда был виден козак, принялись тут же раскладывать под деревом костёр. Но не ни костёр глядел Тарас, не об огне он думал, которым собирались жечь его: глядел он, сердитый, в ту сторону, где отстреливались козники; ему с высоты всё было видно, как на ладони. «Вашаиняйте, хлопцы, занимайте свирли, — кричал он, — горю, что вы думаете: туда не подступит овца! На ветер не дуйте: вы свирли. «Вот, придут, придут вы за что!» — говорил он отчаянно и выдвинул вниз, где сверкал Дунай. Радость блеснула в очах его. Он увидел выдвинувшиеся из-за кустарника четыре коряги, собрал всю силу плеча и плавно закричал: «К берегу! к берегу, хлопцы! Сидите сядьте кожаной дорожкой, что влезли. У берега стоят челны, все забирайте, чтобы не было погоня!»

На этот раз костёр дунул с другой стороны, и все слова были услышаны кожанками. Но за такой звонок думался ему тут же удар обухом по голове, который перевертывал всё в глазах его. «...»

¹ Гайдуки — лёгковооружённые пехотинцы.

² Дубелью — вращать, болтать, трепать.

Каждый пенулся. Тарас Бульба от удара и слезул на Днестр, уже мёртвые были на чинах и гробах ибодили: пули свалились на них сверху, но не доставали. И выплинули радостные очи у старого атамана.

— Прощайте, товарищи! — кричал он им сверху. — Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте! <...>

А уже огнём подымался над костром, захватывал его ноги и раостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу?

Немадан река Днестр, и мнози на ней заводьев, речных густых камышей, отмелей и глубоководных мест; блестит речное зеркало, оглашённое звонким мячаньем¹ либедой, и гордый шумом² быстро несётся по нём, и мнози куликов, красноногих куруктанок³ и всяких иных птиц в тростинках и на прибрежьях. Казаки живо плыли на узких двухрульных челнах, дружно грёбли жёлтыми, исторженно миндали от мела, жёлдышквы иодыминичкым щипц, и кончилиши про своих атамана.

Размышляем о прочитанном

1. Каким языком повесть повествовала: как разговором, разговорно, как — примитивным, каким — литературным? При чтении каких глав мы особенно впечатлительны?
2. А. П. Чехов, рассказчик «Тараса Бульбы», назван Писателем отчаянной смерти. Чем, по вашему мнению, заслужил писатель столь высокую оценку?
3. Какими были впечатления от описаний степей? Подготовьте небольшой отрывок описания степей для выступления на уроке (или для выступления на уроке) — переписать! (с переводом в максимальном смысле слова одним художественным особенностями повествования).
4. Прочитайте эпизоды повести, наиболее яркие с точки зрения характера: Остап, Андрия, Тарас Бульба — на либер. Подумайте над вопросом: каковы их основные отношения к каждому герою? Дайте характеристику героям (контрастность, характерная черта). Как соотносятся их поступки и небольшие отрывки, и как их характеры соотносятся с литературными персонажами — в описании-то речевой части? Почему?
5. «Повесть о любви и родине» назвала повесть Гоголь В. Г. Зелинский. Соотносите ли вы с этим сюжетом?

¹ Ячанье — стон, плач, рыдание.

² Шум — стон, плач, рыдание.

³ Куруктанка — белая птица.

Обогатите свой реч

1. Подготовьте выразительное чтение понравившегося вам отрывка из повести.
2. Какой герой и при каких обстоятельствах произнес приведенные ниже выражения: «Что, сыну, помогли тебе том духи?», «Есть ли еще пороки в порочной гнида?», «Торги, козаки, — атома он будущее?», «Какая же тоннаж? В каких людских ситуациях некоторые герои могут быть применены в сюжете?»

Творческое задание

Как проявляется в повести её народный характер? В чём сходство героев-защитников с былинными богатырями? Подготовьте к выразительному чтению речевые высказывания Тараса о товариществе. Насколько близки вам мысли, выраженные в ней?

Если вам понравился этот текст, попытайтесь сами подготовить наиболее яркую — обращение к друзьям, в котором выразите свои чувства, свое отношение к качеству дружбы и товарища.

Литература и другие виды искусства

Используя ресурсы школьной библиотеки и Интернета, познакомьтесь с иллюстрациями художника к повести «Томас Бульбин». Чем иллюстрация Багряя отличается от вашего мнения, отражает характеры героев?

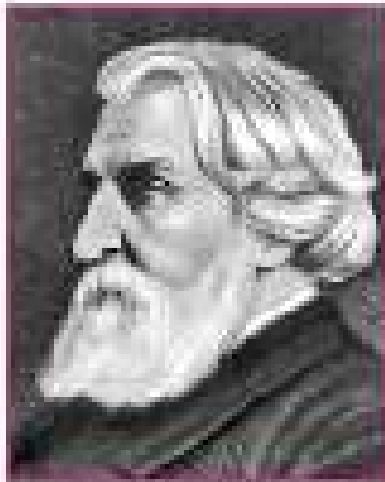

Проект

Подготовьте электронную презентацию «Повесть Н. В. Гоголя „Тарас Бульбин“ в иллюстрациях знаменитых графиков». В презентацию включите иллюстрационные слайды и художественные, иллюстрированные повести Саломеи.

ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ

1818—1883

И. С. Тургенев.
Художник
Д. С. Морев. 1872.
Фотомонти

Иван Сергеевич Тургенев родился в Орле в 1818 году. Детство и все лучшие годы жизни будущий писатель провёл в селе Спасском. Ещё мальчиком он подружился с дворовым человеком Пуниным, первым своим учителем. Под влиянием Пунина, который прекрасно знал русскую литературу, любил и умел читать стихи, в мальчишке проснулся поэт.

Время учёбы Тургеневка сначала в пансионе, затем в Московском и Петербургском университетах было кривизной романтических привязанностей, увлечений, большого интереса к наукам, искусствам: молодёжь зачитывалась Шюллером, вели постоянные споры о добре, красоте, истине. Уже в студенческие годы появились первые переводы, небольшие поэмы, стихотворения И. С. Тургенева, а в 1841 году и первые рассказы на будущую «Затяжку акичкина», принявших ему слава.

Основной темой «Затяжки акичкина» была важная проблема: помещик и крестьянин, поруганное человеческое достоинство русского мужика. Писатель выступил как непревзойдённый мастер русского пейзажа, который соотносится с душевным состоянием автора и его героя.

Очерки Тургенева были восторженно встречены в демократической печати, общественностью. Боллинским и Герценом, Некрасовым и Голчаковым. Зато в правительственных кругах «Затяжка акичкина» вызвала резкие осуждения. Были предприняты спешные меры: судками на шкуру пис,

как цензура не могла пропустить такое издание. Сам писатель был арестован и отправлен в ссылку в своё родовое имение, село Спасское-Лутовичево, где провёл около двух лет. Походив к этому месту некрокоп, написанный Тургеневым в связи со смертью Гоголя, на всем было ясно, что главная причина ареста и ссылки — «Записки охотника».

Долгие годы ждёт впоследствии писать куда-то от России, но кто может и смелые мысли с ней. Тургенев глубоко любил язык родины, свой народ, его культуру, его язык. Несмотря на длительное пребывание за границей и отличное знание нескольких иностранных языков, он до конца свою долгую жизнь не написал ни одного произведения на каком-либо другом языке, кроме своего родного.

По П. Г. Пустовойту

«ВСЯ МОЯ БИОГРАФИЯ В МОИХ СОЧИНЕНИЯХ...»

О Тургеневе осталось много воспоминаний, рассказов, среди них есть страстная оценка своего творчества самим писателем и признание его роли народом. И. С. Тургенев вспоминает: «По дороге из деревни в Москву, на одной маленькой станции вышел я на платформу. Вдруг подходит ко мне двенадцать молодых людей... „Пожалуйста уезжай, — спрашивает один из них, — вы будете Иван Сергеевич Тургенев?“ — „Я“. — „Тот самый, что написал „Записки охотника“?“ — „Тот самый“. Они оба взяли шапки и поклонились мне в знак „Кланяйтесь вам, — сказал один из них, — в знак уважения и благодарности от лица всего русского народа“».

Тургеневу хотелось, чтобы его похоронили у ног Пушкина, но он считал, что не заслуживает такой чести. «Я ученик Пушкина, говорил Тургенев, — и у меня всегда было страстное желание, если напишу что-нибудь хорошее, посвятить памяти Пушкина. Теперь мне 67 год, много вещей уже написано, но я всякий раз говорил себе: нет, ещё рано, вот напишу что-нибудь получше. И так до сих пор не нашёл ничего достойного его памяти...»

Собранимистория своего дела

Подготовьте устный рассказ о жизни писателя, используя статью учебника и материалы библиотечных картотек «Русские писатели XIX века».

Прочитайте два рассказа И. С. Тургенева «Берёзка» и «Свиданье» из цикла «Записки охотника».

Бирюк

Я ехал с охоты ветером улан, на беговых дрожках. До дыму еще была перет пелена; морз дилрал рыжотал кобыла бедри бежала по пыльной дороге, маредка похрашывав и шевели ушвами, усталая собака, словно привазила, ни на шаг не отставала от задних колёс. Гроза надвигалась. Впереди огромная диловая туча медленно поднималась из-за леса; надо явою и мян навстрелу неслаив длинные серые облака; ракиты тревожно шевелялись и летали. Душный жар внезапно сменился влажным холодом; тени быстро густели. Я удирал кожаной по лошади, спрутился к перел, перебрался через сухой ручей, весь заросший лизняками, поднялся в гору и въехал в лес. Дорога вилась передо мною между густыми кустами прищепки, уже лихитыми яриком; я поднимался вперед с трудом. Дрожки прыгали по твердым корням столбчатых дубов и лип, беспрестанно пересекавших глубинно продольные рытвины — следы тележных колёс; лошади моя начала спотыкаться. Сильный ветер кончался хатудом и вышени, деревья побушевали, крупные капли дождя резко застучали, зашлепали по листьям, сверкнули молнии, и гроза разразилась. Дождь пошел ручьями. Я поехал шагом и скоро принужден был остановиться: лошади моя вяла, я не видел ни аги. Воская приницелся я к широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, окладил я терпеливо конца пенастья, как вдруг, при блеске молнии, на дороге потудилась мне высокая фигура. Я стал пристально глядеть в ту сторону, — та же фигура словно выросла из земли подле моих дрожек.

— Кто это? — спросил звучный голос.

— А ты кто сам?

— Я одинокий лесник.

Я указал себя.

— А, знаю! вы домой едете?

— Домой. Да ведь ночь, какая грожа...

— Да, грожа. — отозвался лесник.

Ветер внезапно оларил лесника с головы до ног; трескучий и короткий удар грома раздался тутчас впереди за реко. Дождик хлынул с удвоенной силой.

— Не скоро пройдёте, — продолжал лесник.

— Что делать?

— Я вас, пожалуй, в свою лабу проведу, — отрывисто проговорил он.

— Сделай одолжение.

Италията сидеть.

Он подошел к голове лошади, ваял ее за ушко и одёрнул с места. Мы трапулись. Я держался за подушку дронек, которые жалыхались, «вак в море четных», и плюхал собачку. Белая моя кобыла тяжело шлепала ногами по грязи, сползала, спотыкалась; лесник покачивался перед слобляком направо и налево, словно припаденье. Мы ехали довольно долго: наконец мой проводник остановился. «Вот мы и дома, баран». — прошептал он спокойным голосом. Калитка за скрипела, несколько щепков дружно залаяло. Я поднял голову и, при свете лампы, увидел небольшую избышку посреда обширного двора, обнесенного плетнём. Из одного окошечка тускло светил огонёк. Лесник дошёл до крыльца и застучал в дверь. «Сичис, сичис!» — раздались тиньквейк голосок, послышался шум босых ног, лесник за скрипел, и девочка, лет двенадцати, в рубашонке, подпоясанная по кривкой, с фонарём в руке, показавшись на пороге.

— Покрети барану, — сказала она ей, — и я выше дружок вый на нас поспайно.

Девочка взглянула на меня и пошла в избу. Я отправился вслед за ней.

Изба лесника состояла из одной комнаты, закоптелой, пыльной и пустой, без ковчатей и перегородок. Изорванный тулуп висел на стене. На лавке лежало одноствольное ружье, в углу выдвинулась груда тряпок; два больших горшка стояли возле печи. Луткина горела на столе, печально выдыхая и погвела. На самой середине лавы присела девочка, привязавшая к кошку длинного шеста. Девочка погасила фонарь, присела на крошечную скамейку и начала правой рукой качать пильку, левой выправлять лучинку. Я посмотрел кругом, — сердце во мне заняло; не весело войти ночью в мужицкую избу. Ребёнок в дырке дышал тяжело и скоро.

— Ты разве одна здесь? — спросил я девочку.

— Одна, — произнесла она едва слышно.

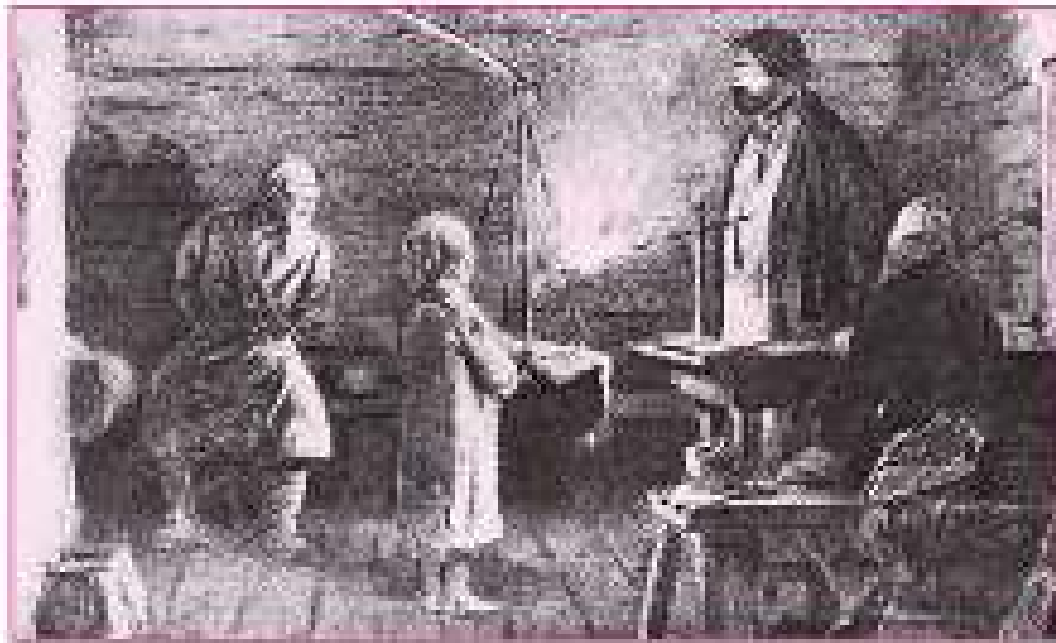
— Ты лесничья дочь?

— Лесничья, — прошептала она.

Дверь закреплена, и лесник швырнул, нагнув голову, через порог. Он поднял фонарь с полу, подошёл к столу и шёл счастливо.

— Чай, не приквыкло к лучине? — прищавил он и трахнул кураком.

Я посмотрел на него. Редко мне случалось видеть такого малодца. Он был высокого роста, плечист и слабей на славу. Из-под широкой заманной рубашки выпукло выставлялось его могучие мышцы. Чёр

«Барюк». Художник Л. П. Саввайт

нал курчалвал борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; из-под сросшихся широких бровей смело глядели небольшие карие глаза. Он слегка унёсся руками в бока и остановился перед явом.

Я изблагодарил его и спросил его имя.

— Меня зовут Фомой, — отвечал он, — а по прозвищу — Барюк¹.

— А, ты Барюк?

Я с удивленным любопытством посмотрел на него. От матери Еранды и от других я часто слышал рассказы о леснике Барюке, которого все окрестные мужики боялись, как огня. Но их слышав, не было ницъ на свете такого мастера своего дела: «Вязанки хворосту не даст утащить; в какую бы ни было пору, хоть в самую полночь, потрясет, как снег на голову, и ты не думай сопротивляться, — силён, доскать, в лозок, как бос... И ничем его взять нельзя: ни вином, ни деньгами; ни на какую прелесть не идёт. Уж не раз добрые люди его схватили со свету собирались, да нет — не даётся».

Вот как отзывались соседние мужики о Барюке.

— Так ты Барюк, — повторил я, — я, брат, слышал про тебя. Говорят, ты никому спуску не даёшь.

¹ Барюк — прозвище в Вязовской губернии мастера своего и деревни — Фомы Фомыча Ж. С. Туманова.

— Должнoсть свои сиротами, — отжечал он утраиво, — диром гит подекий хлеб есть не приходитея.

Он достал из-за пояса топор, присел на пол и начал колоть дучку.

— Азь у теба хозяйки нет? — спросил я его.

— Нет, — отвечал он и сильно махнул топором.

— Умерла, знать?

— Нет... да... умерла, — прибавил он и отвернулся. И замолчал: он поднял глаза и посмотрел на меня.

— С прохоским мешинником обжезла, — пронажёс он с жестокой улыбкой.

Девочка потупилась; ребёнок проснулся и закричал: девочка пошла к дядьке.

— На, дай есу, — проговорил Бирник, сунув ей в руку запячканый резань. — Вот я вот бривея, — обрадовал он живающимся, указывая на ребёнка.

Он подошёл к двери, встопанился и обернулся.

— Вы, чай, баран, — начал он, — и нашего хлеба есть не стаете, а у меня окрениа хлеба...

— Я не голодеп.

— Ну, как знаете. Сказавар я бы вам поставял, да чинс у меня нету... Поиду посмотрю, что ваша лошада.

Он вышел и хлопнул дверью. Я в другой раз осмотрелся. Изба попалась мне ещё печальнее прежнего. Гурький запах остывшего дыма непрямство стеснил мне дыхание. Девочка не трогалась с места и не поднимала глаза; наредна подталкивала она дядьку, ребёнок навелла на плечо спускавшуюся рубашку; её голые ноги висели, не шевелись.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Увнтой, — проговорили они, ещё более понурив свой печальный личико.

Лесник вошёл и сел на лавку.

— Грэмя проходит, — заметил он после небольшого молчанья, — коли прикажете, я вас на лесу провожу.

Я встал. Барок взял ружьё и осмотрел поляку.

— Ты зможя? — спросил я.

— А в лесу шалют... У Кибидьего Верху¹ дерево рубят, — прибавил он в ответ на мой вопрознающий взор.

¹ Вресе пельманя і Ольжані? удані остр. — Франциска К. С. Франциска

— Будто слышишь слышно?

— Со двора слышно.

Мы пошли вместе. Дождик перестал. В отдалённом конце толпалась тяжёлая громада туч, изредка выпыхивали длинные молнии, и под нашими головами уже виднелось кое-где тёмно-синее небо, а ещё догнал жаркая ежащая жидкая, быстро движущаяся облака. Очерки деревьев, обрызганных дождём и нависшими ветром, начинали выступать из мрака. Мы стали прислушиваться. Лесник снял шапку и потупился. «Во... вот, — проговорил он вдруг и протянул руку, — видишь, какую точку выбрал». Я ничего не слышал, кроме шума листьев. Бирок вывел лошадь из-под навеса. «А атак я, пожалуй, — прибавил он вслух, — и проясню это». — «Я с тобой пойду... хочешь?» — «Ладно, — отвечал он и погнул лошадь назад, — мы его духом поймем, а там и вас провозку. Пойдёмте».

Мы пошли: Бирок впереди, и за ним. Бог что знает, как он узнавал дорогу, но он ориентировался только изредка, и то для того, чтобы прислушаться к стуку топора. «Видишь, — бормотал он сквозь зубы, — слышите? слышите?» — «Да где?» Бирок пожимал плечами. Мы спустились к оврагу, котловатых из него выносились, — мерные удары явно достигли до моего слуха. Бирок глянул на меня и качнул головой. Мы покили ланию по зеркалу наиротности к краине. Глухой и предостерегающий гул разлился...

— Поваляю... — пробормотал Бирок.

Между тем я всё продолжало рассчитывать; в лесу чуть-чуть светлело. Мы выбрались, наконец, из оврага. «Подождите здесь», — шепнул мне лесник, нагнулся и, подняв руку вверх, печал между кустами. Я стал прислушиваться с напряжением. Слышать потаенный шум ветра чудились мне издали слабые звуки: топор осторожно стучал по сучьям, полёса скрипели, лошадь фыркала... «Куда? стой!» — вырвался вдруг железный голос Бирюка. Другой голос закричал жалобно, по-зачья... Началась борьба. «Врё-ешь, врё-ешь, — твердил, задыхаясь, Бирюк: — не уйдёшь...» Я бросился в направлении шума и прибежал, спотыкаясь на каждом шагу, на место битвы. У срубленного дерева, на земле, косячился лесник; он держал над собой ноги и закручивал ему кулаками руки на спине. Я подошёл. Бирюк поднялся и поставил его на ноги. Я увидел мужика мокрого, в дождях, с длинной расчёсанной бородой. Длинная лошадиная дождя была закрыта угловатой рогожкой, стояла тут же вместе с тележкой извоза. Лесник не свирял ни слова; мужик тоже молчал и только головой потряхивал.

«Билас». Рисунки А. В. Мещеряков и рисунок тудженцев
А. С. Кошарникова

— Отпусти его, — шепнул я на ухо Бирюку, — я заплачу за дерево.

Бирюк молча взял лошада за чёлку левой рукой; правой он держал вора за пояс. «Ну, позорачивайся, ворона!» — промолвил он сурово. — «Таширек ти мин калыманте», — приобрикетал мужик. «Вачин ему провадять?» — сказал лесник и пошевелил ташир. Мы отыраживались. Я шёл позади. Дождик начал опять выкраивать и скоро полил ручьями. С трудом добрались мы до набы. Бирюк бросил приймавную лошадемку переди джоря, заёл мужика и комынту, ослабил ужал кушана и посадил его в угол. Девочка, которая заслуда было возле печки, неслышала к с молчаливым перучом стала глядеть на нас. Я был на лавку.

— Зя его, кашой полел, — заметил лесник, — переждать придётся. Не хотите ли прилечь?

— Спасибо.

— Я бы его, для вашей милости, в чулачник запер, — проделал он, указывая на мужика, — да, вышь, месо...

— Оставь его тут, не трогай, — перебил я Бирюка.

Мужик плюнул на меня исподлобья. И внутренне дал себе слово во что бы то ни стало освободить беденка. Он сидел неподвижно на лавке. При свете фонаря и мог разглядеть его испитое, морщини-

ство лица, низинные желтые брови, бесцветные глаза, худые члены... Девочка улеглась на палу у самых его ног и опять заснула. Бирюк сидел возле стола, опершись головою на руки. Кузнецик кричал в ушах... дождик стучал по крыше и скользил по окнам; мы все молчали.

— Фоса Кузьмич, — заговорил вдруг мужик голосом глухим и разбитым. — а Фоса Кузьмич?

— Чинч чинч?

Отпусти.

Бирюк не ответил.

— Отпусти... с голодухи... отпусти.

— Иная я еда, — упрямо возразил левенок. — наша вам свобода такая — пох па поре.

— Отпусти, — твердил мужик: — приказчик... разоренцы... вы сами отпусти!

Разоренцы!.. Возврать низкуу не могу.

— Отпусти, Фоса Кузьмич... не погуби. Вот-то, сам пивень, поест, во как.

Бирюк отвернулся. Мужиком подбирькался, селвек лежордеем в о колотила. Он ветривалит голубой и дышал пербыва.

— Отпусти, — повторил он с унылым отчаяньем. — отпусти, сибобу, отпусти! я вышлану, во как, сибобу. Бй-бобу, с голодуха... доска на палу, сиа женишк. Крутик, во как, приказчик.

А ты всётаки повинать не ходи.

— Доводынку, — продолжал мужик. — дашадынку-то, хоть ебто... один жевот я еста, отпусти!

— Говорят, вы-из. Я тоже человек одинаковый: с меня извудут. Вас баловать тоже не приходится.

— Отпусти! Пужда, Фоса Кузьмич, пужда, как воть тора... отпусти!

Я-ни я ни!

— Да отпусти!

— Э, да что с тобой толковать; сиди смирно, а то у жепл знаешь? Ну видят, что ли, бедина?

Неловко потупляясь... Бирюк ажмул и похлывал пажку ий ства. Долоди: пох не переставас. И шдал, что будет.

Мужик шевельно выпрямился. Лица у него загорелась, к ни лице кветуллае храник. «Ну, ни, ниш, ва, поджись, ва. — начал он, прищуря глаза и опустив углы губ, — ни, думетубел оклафный, пай христианехуто мрота, пош...»

Левенок обернулся.

— Тебя похоронят, тебе, адина, похоронят, тебе!

— Шьян ты, что ли, что ругаться идёшь? — отвечала с самоуверенным видом. — С ума сошёл, что ли?

— Шьян!.. но на твои же деньги, душегубец скандинав, зверь, злоба, злоба!

— Ах ты... да и тебе!..

— А мне что? Всё равно — пропадет: куда и без лошади пойду? Притягивай — один конец; что в голову, что язык — всё равно. Пропал всё: жена, дети, — аксиомой всё... А по тебе, по тебе, добродетель!

Виррок приподнялся.

Вэй, вэй, похвоятся мужские скандинавские головы, вэй, на, на, вэй... (Девочка торопливо выскочила с полу и утравилась на него.)
Вэй! Вэй!

— Молчать! — затрепетал лениво и шагнул два раза.

— После, после, Фима. — шикрчал и: — оставь его, бор в шям.

— Не стану я молчать. — продолжал бескомпромиссный. — Всё равно аксиоматично. Душегубец ты, зверь, похвоятся на тебе язык... Да по слуху, по слуху всё предостережительно! зазнают тебе языку, по слуху!

Виррок скандалил про похорон... И бросился на похоронную яму... —

— Не трясите, барин! — крикнула на него женщина.

И бы не побоялся его угрозы и уже протянул более руку: но, в крикливо-мелкому шуму, он одним поворотом сдёрнул с шиктой мужика кушак, схватил его за широкот, нахлобучил ему шапку на глаза, раскрякая дверь и вытолкнул его вон.

— Убирайся к чёрту с своим кошельком! — хакрчал он ему вслед. — да скорей, к другой руке у меня...

Он вскарабкался в кибитку и стал копаться в углу.

Ну, Виррок, промолвила я наконец: увидел ты меня: ты, и вину, скандинавский мальчик.

— О, солните, барин, — похвоял он носом в диванной. — не извольте только скандалить. Да уж и лучше вас провозжу. — прибавил он, — братья, дождька ты мне не переждать...

На дворе застучали колёса мужицкой тележки.

Видно, похвоятся! прибавил он, да я ну... —

Через полчаса он представил со мной на порошке двери.

Развиваемое и прочитанное

14. Кроме этих и многих других рассказов скандинавских сказок и легенд, собранных воедино, они принадлежат Бегалю и Турчинну. Рассказаны и результаты приключения.

2. Когда еще а в этом маленьком рассказе может сыграть свою роль? Объясните свой выбор. Подчеркните её написание в тексте.

3. Как изменились чувства Бирюкиных درباره к Бирюку? Почему Бирюк и турки поменялись местами и виновны ли турки? Кто и когда называет турок рас-сказом Фомы, кто — Фомой Кузьмичем, кто — Бирюком? Как вы объясните это? Как Фомы стал Бирюком? Чем вызван его суровый и холодный характер? По-чему рассказ назван «Бирюк»?
4. Как, по вашему мнению, автор отзовется в термах рассказ «Бирюк»?

Совершенствуйте свою речь

1. Обратите внимание набу гласных. Мы читаем слова охотник и посмотрел кру-гом. — сердце во мне за-мыло. Должно ли у вас такое же чувство при че-тении этих слов? Рассмотрите написанные в рассказе. Так ли вы представляли себе героев?
2. Обратите внимание, как много раз слово «охладе» у Тур-ганина (вообража, повторяю, продолжаю, завершил, подождал, задремал, закон-чил и т. д.). Подумайте, что достигается с ним. Как через это много-кратно выражаются отношение автора к охотнику и охотничью?
3. Подумайте, каким образом текст (описание персонажа Бирюка или од-ного дня жизни охотника — на выбор).

Творческое задание

Известны свидетельства современников писателя о том, что в решении Алек-сандра II освободить крестьян «Записки писателя сыграли большую роль».

Сам писатель хотел, чтобы на его памятник после смерти были написаны слова о том, что его книга «Записки охотника послужила делу освобожд-дения крестьян».

Покажите на примере рассказа «Бирюк» значение подобного произведения и объясните её отныне идею о его роли в России.

Фильмография

СЛУШАЕМ АВТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

И. С. Тургенев. «Бирюк»

1. Какие средства быразительного чтения позволяют автору передать особое, ред-кое качество природы — тишину и одиночество? Какие музыкальные моменты выделяются, как быстрое и медленное? К каким событиям подготавливает читателя и слушателя текст на вступительном рассказе?

2. Какие чувства и мысли автора передаёт автор три минуты отшельника набыт из-за сна?
3. Как меняется и по сути автор, когда в переводе в отшельника отшельника?
4. Как же думают, что вы видите на нем жуть в текст и отшельника рязань-ка; а, ты берёзка?
5. Как Бэрты различивает в Берёзке? Какие черты характера личности подвизка-вает автор, воспринимая этот разговор?
6. Какие черты характера Берёзке стремится довести до слушателя автор, читая для себя и критически автор?
7. Как авторует автор на обане и в урале, как авторует?
8. Какие обманчивые звуки, слышимые в отшельника Берёзке, слышим слыши слыши слыши слыши слыши слыши: «Воронья пикета» и слыши слыши слыши слыши слыши слыши слыши? Дайте развернутый ответ на этот вопрос.

Свидание

Я сидел в берёзковой чаще осенью, около пятидесяти сентября. И с самого утра переживал великий азвездие, смешанный по времени и времени сновидениям. Были неясные, как будто бы, но неясные. Небо же всё жёлтое, казалось рыхлыми белыми облаками, то вдруг местами рванулось на мгновение, и тогда из-за раздвинутых туч показывалась луна, печаль и ласковая, как прекрасный глаз. Я сидел, и глядел кругом, и слушал. Листья чуть шумели над моей головой; по одному их шуму можно было угадать, какое тогда стояло время года. Ты был не весёлый, смеющийся трепет весны, не мягкое шушуканье, не долгий говор лета, не робкое и холодное шептание поздней осени, а едва слышимая, дремотная болтовня. Слабый ветер чуть-чуть тонул по верхушкам. Внутренность роши, влажной от дождя, беспрестанно изменялась, смотрел по тому, светило ли солнце или закрывалось облаком; она то вздрагивала вся, словно вдруг в ней всё улыбнулось; тонкие стволы не слишком частых берёз княжески принимали нежный отблеск блонда пейзажа, зелёный на земле мягкий листья вдруг потронули и загорались черноватым золотом, а красные стволы выжили мудрыми наперстниками, уже окрашенными в свой осенний цвет, подобный цвету переполненного вишневого сока, как и экзотично, бесконечно путаясь и пережидаясь перед глазами; то вдруг опять всё кругом слегка синело; прилепленные мгновения тишины, берёзы стояли все белые, без блеска, белые, как только что выпавший снег, до которого ещё не успела подняться первичный луч зимнего солнца; и урядкой, душной, начался сытаться к шептанию по лесу мельчайший дождь. Листья на берёзках бы-

да ещё почти все зелёна, хотя заметно пожелтела: лишь кое-где стояла одна, молоденькая, вся красная или вся золотая, и подобно быди сидеть, как она ярко вспыхивала на солнце, когда его лучи выхватывали её обильными, скучными и нейтральными, скучно шурша ветку тонких веток, только что сметая сверлящими дождём. Ни одной птицы не было слышно: все привольно и знобило; лишь вдали звенел стальным колокольчиком размещивкой пилосок синицы. Прежде чем я остановился в этом берёзовом леску, я с своей собакой прошёл через каменисто-песчаную реку. Я, привыкнув, ни шапками дикойки это дерево — осину — с её бледно-лиловыми стволами и серо-зелёной, жёлто-лиловой листвой, которую она качает как можно выше и дрожит при ветре раскидывает на воздухе; но любви и вечное качание её круглых-выпуклых листочков, недолго прицепленных к длинным стебелькам. Она бывает хороша только в начале лета: вечером, когда, выходясь отдалённо среди низкого кустарника, приходилось и ещё ранним лучом походящего солнца и блещет и дрожит, в корнях до переломки обжугая одинаковым жёлтым борщом, — или, когда, в самый ветреный день, она вся шумно стучится и лепещет на своём себе, и каждый лист её, подхваченный стремельем, как будто хочет сорваться, слететь и улететь вдаль. Но вообще я не люблю этого дерева и потому, не остановившись в лесной роще для отдыха, добрался до берёзового леса, утискиваясь под одним деревцом, у которого сучья наклонились низко над землёй и, следовательно, могли защитить меня от дождя, и, полюбившись окрестным видом, увидел тем безмятежным и кратким спом, который званием одним охотникам.

Не могу сказать, сколько я времени проспал, но когда я открыл глаза — моя внутренность леса была выколена солнцем и во все напряжённо, скучно радостно шумевшему листву, скучило и как бы выкрикнуло ярко-голубое небо: облака скрывались, разогнанные выгравшим ветром; походка расчистилась, и в воздухе чувствовалась та особенная, сухая свежесть, которая, наполнив сердце какими-то быстрым ощущением, почти всегда предвещает зоркой и мягкой вечер после ненастного дня. Я привыкнув, было хотеть и снова подумать о чём-то, как вдруг глаза мои остановились на неподвижном чуждом своём образе. Я взглянул: то была молодая крестьянская девушка. Она сидела в двадцати шагах от меня, задумчиво погрузив голову и ушки обиде руки на колени; на одной из них, да пальцами раскрытой, лежала тусклый пучок палочных платов к при каждому её дыхании тихо свистяла на веточку зобку. Чистая белая рубашка, лёгкая

у лица и кистей, опускались жемчужными ивками складками низко её стаях: крупные жёлтые бусы в два ряда спускались с шеи на грудь. Она была очень недурна собой. Густые белокурые волосы прекрасно по-индийски прямо расходились двумя тёмными причёсанными полукружками из под узкой белой шапочки, выдвинутой почти на самую лоб, белый, как слоновья кость; остальная часть её лица один угол рта тем золотистым агаром, который принимает одна тонкая нозля. Я не мог видеть её глаз — она их не поднимала; но я ясно видел её тонкие, высокие брови, её длинные ресницы: они были платина, и на одной из её бровей плыл на солнце высокохвостый плав слона, остановившийся у самых губ, слегка побледневших. Вся её головка была очень жила; даже немного толстый и круглый нос её не портил. Мне особенно нравился выражение её лица: так оно было просто и кротко, так грустно и так полно детского бездумия перед возмущённой грустью. Она, видимо, ждала кого-то; в лесу что-то слабо хрустнуло: она тотчас подняла голову и взглянула; в прозрачной тени быстро блеснула передо мной её глаза, большие, светлые и пушистые, как у лани. Несколько мгновений прислушивалась она, не слыя широко раскрытых глаз и мига, где раздаётся слабый звук, вдохнула, повернула на тихонько голову, ещё ниже наклонившись и принялась медленно перебирать цветы. Вскинула голову, широко открыла глаза, и носом своим прокапываясь вонючей густой рясной, обоняла запах и дунуло сверкая на щеки. Так прошёл довольно весело времени; бедная девочка не шевелилась, — лишь изредка тоскливо поглядывала ручьями и клунами, всё слушала. Снова чья-то женщина на лесу, — она встрепенулась. Шум не переставал, становился хвостатой, приближался, слышалась нависая решительная, проворные шаги. Она выпрямилась и как будто оробела; её замкательный взор явственно, зажёгся ожиданием. Словно чашу быстро замелькала фигура мужчины. Она взглянула, вспыхнула вдруг, радостно и счастливо улыбнулась, хотела было встать и тотчас опять пошла вся, поблела, смутилась — и только тогда подняла трепещущий, почти мальчишья взгляд на пришедшего человека, когда тот остановился рядом с ней.

Я с любопытством посмотрел на него из своей засады. Признаюсь, он не произвёл на меня приятного впечатления. Это был, по всем признакам, избалованный камердинер молодого, богатого барина. Его одежда изобличала притязание на вкус и петербургскую небрежность: на нём было коротенькие пальто бронзового цвета, вероятно, и барский цилиндр, жёлтый лакейский, резной палстучек и золотые манжеты и барантый чёрный картуз с золотым талюном, выдвинутый

на самые брови. Крутые воротнички его белой рубашки немилосердно подпирали ему уши и рвали щеки, а накрахмаленные рукавички закрывали всю руку вплоть до красных и крапчатых пальцев, украшенных серебряными и золотыми кольцами с изабудками из бирюзы. Лицо его, румяное, свежее, пахальное, принадлежало к типу лиц, которые, сколько и как заметить, почти всегда возмущают мужчин и, к сожалению, очень часто нравятся женщинам. Он задумо старался придать своим грубоватым чертам выражение презрительное и самоуверенное; беспрестанно шуршал смехом в тех тонких крахмальных манжетах-серых сажаки, морщился, опускал углы губ, принуждённо зевал и с выкриком, хотя ни словом ни движением не выронивая рукою рыжикоты, ухристе-закрученными висками, то щипая жёлтые носовики, торчащими из тесной верхней тубы. — словом, делался нестерпимо. Начал он лезть, как только увидел молодую крестьянку, его изрядно удивив; медленно, размашистым шагом подошёл к ней, постоял, перелернул плечами, пошурвал обеими руками в карманах пальто и, едва удостоив бедную девушку взглядом и равнодушным взглядом, опустил её на землю.

— А что, — начал он, продолжая глядеть куда-то в сторону, качая ногою и зевая, — давно ты здесь?

Девушка не могла тотчас ему ответить.

— Давно-о, Виктор Александрович, — проговорила она наконец едва слышным голосом.

— А! (Он снял картуз, величественно провёл рукою по губам, тут же завитым волосам, начинавшим почти у самых бровей, и, с достоинством посмотрев кругом, бережно проверил опять свою драгоценную голову.) А я было совсем и позабыл. Притом, ишь, дождик! (Он опять зевнул.) Девка припала: за всем не усмотришь, а тут ещё бривиком. Мы завтра едем...

— Завтра? — прохрипела девушка и удивилась на него испуганным взором.

— Завтра... Ну, ну, ну, пожалуйста, — подхватил он беспечно и с двоядой, увидев, что она хитреюсала кем и тихо наклонилась к нему, — пожалуйста, Аннушка, не плачь. Ты знаешь, я этого зарплате не беру. (И он вынул из кармана свой тупой зонтик.) А то я всёчас уйду... Что на глумости — кныкать!

— Ну, не буду, не буду, — торопливо прохрипела Аннушка, с усталым востаньем слёз. — Ты вы завтра едете? — пробахнула она после небольшого молчанья. — Когда-то Бог принесёт опять увидеться с вами, Виктор Александрович?

— Увидимся, увидимся. Ни к будущим годам — так тогда. Выпьем, выпьем, в Петербурге на службу поступить желаю, — продолжил он, кутужерная сценка небрежно и несколько к ним, — а может быть, и на гребешку уложу.

— Вы меня забудете, Виктор Александрович, — печально промолвила Акулина.

Нет, отчего же? Я тебя не забуду: только ты будь умна, не дурачься, слушайся отца... А я тебя не забуду — не-ет. (И он спонорно потянулся и опять заснул.)

— Не забывайте меня, Виктор Александрович, — продолжала она умоляющим голосом. — Уж, кажется, я на что вас любила, всё, кажется, для вас... Вы говорите, ступайте слушаться, Виктор Александрович... Да как же мне ступа-то слушаться...

— А что? (Он промывёт эти слова как бы из желудка, лёжа на спине и подождав руки под голову.)

— Да как же, Виктор Александрович, — вы сами знаете...

Она умолкла. Виктор поиграл стальной цепочкой своих часов.

— Ты, Акулина, дежка неслухая, — заговорил он наконец, — по тому виду не гужеря. Я твою же добра желаю, понимаюшь ты меня? Конечно, ты не глуха, не глупая мужичка, так семинты и твою мать тына не всегда мужичкой была. Всё же ты была образивая, — стили быты, двинны слушаться, когда тебе гужеря.

— Да странно, Виктор Александрович.

— И-и, какой видор, моя любимая: в чём пахла страх! Что это у тебя, — прибавил он, предвинувшись к ней, — пятны?

Цвета, — уныло отвечала Акулина. Это и полковой рабинки парила, — продолжала она, несколько оканчиваясь, — это для тебя хорошо. А это вот черда — против золотухи. Вот посмотрите-ка, какой чудный цветик: такого чудного цветика я ещё отродясь не видела. Вот пшадурки, а вот маткина-душка... А вот это я для вас, — прибавила она, доставая на-под пальтой рабинки небольшой пучок голубеньких васильков, перевязанных тоненькой травкой, — хотите?

Виктор лениво протянул руку, взял, небрежно пощупал цветы и начал вертеть их в пальцах, с задумчивой рассеянностью рассматривая вверх. Акулина глядела на него... В её грустном взоре было столько нежной преданности, благоговейной покорности и любви. Она и бранилась-то ему, и не могла плакать, и прощались с ним, и любилась им в последний раз; а он деждал, расказался, как султан, и с кем-деждитными терпеньем и снисходительностью смотрел её обижать. И, присевшись, с неслуханьем рассматривал эти красивые лица, на ко-

тарим скань притворно прерзительно — зиндунине (притворившись усталостройнине, пресыщенне вояснннне). Акулина была так хороша в это мгновенье: все душа её донеречно, страстно раскрылась перед ним, тлнулась и ластилась к нему, а он... он уронил вазельку на траву, достал на бокового кармана пальто круглое сткляннне в бранковой оправе и принялся втискивать его в глаз; но, как он ни старался удерживать его нахмуренной бровью, приподнятой щекой и даже носом — сткляннне все выпалывало и падало ему в руку.

— Что это? — спросила, наконец, изумленная Акулина.

— Лорнет, — отвечал он с важностью.

— Для чего?

— А чтоб лучше видеть.

— Покажите-ка.

Виктор поворачивал, но для её сткляннне.

— Не робей, смотри.

— Небось, не разобью. (Она робко поднесла его к глазу.) Я ничего не вижу, — ннннне прорывалась она.

— Да ты глупая, глупая женщина, — выкрикнул он с полным недоуменьем настояннне. (Она выскрутила глаз, перед которым держала сткляннне.) Да вы тут, не тут, глупая! Другой! — выкрикнул Виктор и, не дожидаясь её возраженья оной ошнбке, отнял у неё лорнет.

Акулина покраснела, чуть-чуть застенчиво и отворнулась.

— Видно, вам не годится. — промолвила она.

— Еще бы!

Бедняжка помолчала и глубоко вдохнула.

Ах, Виктор Александрович, как это будет нам быть без вас! сказала она вдруг.

Виктор вытер лорнет пальцн и положил его обратно в карман.

— Да, да, — заговорил он наконец, — тебе сначала будет тяжело, тошно. (Он снисходительно потрепал её по плечу; она тихонько достала с своего плеча его руку и робко её поцеловала.) Ну, да, да, ты точно даже добрая, — продолжал он, самодовольно улыбаясь, — но что же делать? Ты сама пошла! Паша с баринном нельзя же здесь скряться; теперь скоро зима, а к деревне зимой — ты сама женщина — пришло скверннне. Ты ли дашь в Петербурге? Там пришло уж как чудеса, каких ты, глупая, и во мне себе представить не можешь. Длинннне улицы, а ннннне, обриванные — просто удивленья!.. (Акулина слушала это с нескрывающимся ннннннем, сниско разорыв ту бы, как робкая.) Впрочем, — прибавил он, аворотавннне на землю, — к чему я тебе это всё говорю? Ведь ты этого понять не можешь.

— Отчего же, Виктор Александрович? Я повидала: и всё повидала.

— Вишь какая!

Акулина наступила на шаг.

— Прежде бы со мной не так ты разговаривала, Виктор Александрович, — приговаривала она, не поднимая глаз.

— Прежде?... прежде! Вишь ты!.. Прежде! — заметал он, как бы передою.

Они оба помолчали.

— Однако мне пора кати, — приговорил Виктор и уже оперся было на лавочку...

Подождалте ещё немножко, — умоляющим голосом произнесла Акулина.

— Чего ждать?... Ведь уж я простился с тобой.

— Подождите, — повторила Акулина.

Виктор слегка удивлен и прикинул пошепелявать. Акулина всё не отступала в него глаз. И мог заметить, что она пошепелому приходила в волнение: её губы подергивало, бледные её щеки слабо зазеленели...

— Виктор Александрович, — заговорила она наконец прерывающим голосом, — нам грешно... как грешно, Виктор Александрович, ей богу!

— Что такое грешно? — спросил он, нахмурив бровь, и слегка приподнял и повернул к ней голову.

— Грешно, Виктор Александрович. Хотя бы доброе словечко мне скажали на прощанье; хоть бы словечко мне скажали, торжественной сдержанности...

Ди что я тебе скажу?

— Я не знаю; вы кто лучше знаете, Виктор Александрович. Вот вы скажете, и хоть бы словечко... Чем я заслужила?

— Какая же ты страшная! Что ж и могу?

— Хоть бы словечко...

— Ну, заядила одно и то же, — произнесил он с досадой и встал.

— Не сердитесь, Виктор Александрович, — поспешила прибавила она, едва сдерживая слезы.

— Я не сержусь, а только ты плачь... Чего ты хочешь? Ведь и на тебе житья не могу? ведь не могу? Ну, так чего ж ты хочешь? чего? (Он уткнулся лицом, как бы ожидая ответа, и растопырив пальцы.)

— Я ничего... ничего не хочу, — отвечала она, заикаясь и едва осмысливаясь прятаться к нему тряпачущие руки, — а так хоть бы словечко, на прощанье...

И слёзы полились у неё ручьём.

— Ну, так и вить, концы сходятся, — хитрокриво промолвил Виктор, выдвигая палец вперед на язык.

— Я ничего не хочу, — продолжала она, нахлупывая и закрывая лица обвислая рукавица, — ни клянью же мне теперь в сказки, каккое же мне? И что же со мной будет, что случится со мной, невероятной? Вы немилосердно выйдут широтиночку... Бедная моя головушка!

— Чувствуй, припейся, — шептался прибороченный Виктор, переминаясь на месте.

— А он хоть бы слово-то, хоть бы одно... Дескать, Аннушка, дескать, а...

Внезапное, надрывающее грудь рыдание не дали ей докончить речи — она повалилась лицом на траву и горько, горько заплакала... Всё её тело судорожно подпрыгивало, затрясло так и подвинулось у неё... Долго сдерживавшее горе хлынуло накрепко потовоса. Виктор постоял над ней, постоял, пожал плечами, повернулся и ушел большими шагами.

Прошло несколько мгновений... Она притихла, подняла голову, кивнула, потянувшись и выпятившая рукавицы; затвора было брызгать из них, но ноги у неё подкосились — она упала на землю... Я не выдержал и бросился к ней; но вода ушей она выдвигаться в меня, как слезы вылились слезы — она с слабым криком поднималась и исчезла за деревьями, оставив разбросанные цветы на земле.

Я постоял, поднял пучок васильков и вышел на рощи в поле. Слышать стояла никак не бледно-лилая неба, лучи его были как будто побойкало и похолодали: они же слыши, они рождались ринком, почти подвигиетам светам. До вечера оставалось не более получаса, а зоря едва-едва заиграла. Порывистый ветер быстро начался мне навстречу через хоботок, выходящее жинье; торжественно выдвигалась перед ним, стремилась мимо, через дорогу, вдоль опушки, маленьким, покоряющимся диким, вторила рощи, обращенная стеною в поле, вся дрожала и сверкала мелким сверканьем, четко, но не ярко; на красной траве, на былинках, на еловых ветках — вверху блестяли и волновались бесчисленные нити осенних паутинок. Я остановился... Мне стало грустно: сквозь невеселую, хотя сияющую улыбку увидяющей природы, казалось, прорывался унылый страх далекой зимы. Высоко над мной, тяжело и резко рождался воздух крылами, пролетел осторожный ворон, повернул голову, посмотрел на меня сбоку, взмыл и, отрывисто каркан, скрылся за лесом; большое стадо голубей резко пронеслось с шумом и, внезапно хитроулыбнулся слабым, алет

потихоньку расседось по палубе — прикинул весны! Кто-то проехал на обозначенным колесом, громко стуча пустой телегой...

Я вернулся домой; но образ бедной Акулины долго не выходил из моей головы, и вазильки её, давно ушедшие, до сих пор крадутся у меня...

Развиваемся в прочтении

1. Рассказ вы можете с опозданием вспомнить пейзажа: какое положение пейзажа? (в каком порядке по времени пейзаж, какое было тогда определение времени года, когда происходили события, соответствующие в рассказе?)
2. Прочитайте внимательно описание вазильки девушки. Можно ли по нему определить внешность автора и характер рассказа?
3. Как через описание автор передаёт душевное состояние девушки?
4. Какие отношения писателя к Виктору? Какие черты внешнего облика у него? Какие это признаки?
5. Герой рассказов преданно любит женщину, но она кажется на том, как он был на самом деле. Какие детали, черты, портрет, особенности поведения, речь Виктора, изображённые Тургеневым, свидетельствуют об отношении автора к своему герою?
6. Найдите в речи персонажа слова, подтверждающие высказанное отношение к крестьянам, к деревне.
7. Как характеризует Акулину её рассказ о делах и делах? Только ли о хорошем? Какие черты её характера вы можете увидеть в рассказе?
8. Какие отношения Виктора и женщины? Как автор через описание рассказывает об отношениях?
9. Что характерно для данного типа повести и формы рассказа? Какие композиционные приёмы создаёт такой сюжет? По чему?

Стиль литературоведческого исследования

1. Рассказ «Санданга» был впервые опубликован в журнале «Современник». И всё же в адрес писателя поступало несколько критик. Так, после Апполон Григорьев писал, что образ Акулины идеализирован, а мифический герой жар-птица «догматично повстан», что характерно Виктора написанное хотя и верно, но совершенно резко. Найдите в авторской характеристике героя рассказов детали, которые позволяют критиком сделать вывод об идеализации.
2. Можно ли утверждать, что герой рассказов в мифическом Акулины и старомодный рассказчик идеализации к Виктору? Подтвердите или опровергните утверждение на это мнение.

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

Стихотворения в прозе — последние произведения И. С. Тургенева. Он много лет собирал заметки, записки и в конце своей жизни издал их под названием «Стихотворения в прозе». Стихотворения в прозе — это не стихи, а проза. Они не записываются так, как мы обычно записываем стихи, но они даны до нас мысли и чувства писателя.

«Последний день месяца, на берегу моря в кругу Рязани — родной край, — так начинаются иронические раздумья «Дурякина», часть из германских описаний Тургенева, составивших со временем целую книгу стихотворений в прозе. Среди них — небольшие зарисовки, размышления и образы, микроповести, лирические миниатюры, своеобразные эссеистические отступления, полумемуары самостягательного жанра.

Русский язык

Во дни сожжений, во дни тяжёлых раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, что такой язык не был дан великому народу!

Два богача

Когда так мне презривают богача Ротшильда, который на громадном своём имении ухаживает прежде всего за воспитанием детей, за лечением больных, за провешиванием старых — я знаю и уважаюсь.

Но, я жалею и уважаюсь, но могу я не вмешиваться об одном убийстве крестьянском семействе, принявшем старцу-пастыря в свой разорённый домишко.

— Возьмём мы Касюку, — говорила баба, — последние пятеры гроши на неё пойдут, — не на что будет силе добыть, похлёбку поедать...

— А мы её... и не возьмём, — ответил мужик, её муж.

Далеко Ротшильду до этого мужика!

Размышления о прозе

1. Что говорит Тургенев о русском языке? Почему так больше здесь ослал гай восточный на русский язык?

2. В стихотворении «Два богача» Тургенев сравнивает богача Волынского и простолюдинку из расколотой России. В чью пользу сравнение выведены?

Творческое задание

Подготовьте устное рассуждение «О богатстве материальном и душевном».

Фантасмагориал

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

И. С. Тургенев. «Русский язык»

Прислушайтесь к музыке, сопровождающей чтение тургеневского стихотворения в прозе «Русский язык». Помогает ли музыка Надежде Петровне Нусоргинской точнее почувствовать музыку и поэзию поэта? В чём музыка созвучна содержанию стихотворения?

И. С. Тургенев. «Два богача»

1. Когда автор говорит о Волынце, он «умалчивает». С каким чувством пронаблюдит эти слова актёр? Нет ли здесь «роуни»? Есть ли у актёра ощущение «нигила с краем»?
2. Как вы характеризуете что не актёром диалог крестьянина и его жены? Сумел ли он передать характеры этих людей?

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ

1828—1910

Л. Н. Толстой.
Фототипография
К. М. Плевака.
1878—1879

Лев Николаевич Толстой принадлежал к старинному дворянскому роду, который давно вошёл в историю России и много сделал для ее блага. Сам Толстой прославил свой род не только как великий писатель, но и как гражданин на военном, общественном и педагогическом поприще. В круг его ближайших интересов всегда входила история. Среди художественных произведений Толстого, запечатлевших исторические события, выделяются «Севастопольские рассказы», «Война и мир», «Хаджи-Мурат».

Интересно, что художественный мир Толстого не только в исторических сочинениях, но и во время творческого писателя. Прогнозы, посвящённые современности, также могут быть историческими и неисторическими, то есть правильно воспроизводящими суть времени, в которое живёт писатель, или эту суть искажающими. Толстой очень остро чувствовал свою эпоху. Он осознавал, что ждёт впереди исторический перелом, когда уйдёт в прошлое старая дворянская и крестьянская Русь, когда исчезнут привычки патриархального строя, на котором покоится русский мир, русские обычаи и нравственные ценности, созданные на протяжении веков. Вместе с ним исчезает крепостная Россия, личная зависимость крестьянина от барина-помещика. Крестьянин становится свободным.

На смену патриархальным и крепостным отношениям приходит общественная зависимость людей от капитала, от денег, от земли, которое тоже превращается в товар. Люди одновременно и объединяются (в больших производствах, на фабриках и заводах, в земельных хозяйствах), и отгораживаются друг от друга: крестьянин уже не был прикреплен к помещику, но был для него «земли человеком» и сам не считал нужным быть обязанным бывшему господину. Если раньше дворянин-помещик и крестьян-

ния свидетельствует некий кризис, хотя в их отношении были, конечно, далеко не банальными, но тем не менее эфемерны 1861 года, но конечно окончательно распадаются.

Однако писатель не оставляет попыток найти в жизни спору своим мечтам в позднейшие годы в кругу семьи. Он предпринимает свой путь обретения индийской и индонезийской общины, в которой не было бы жестоких покушений, смертельных казней, колдовских действий магических интересов.

Толстой выдвигает в качестве основы идеального общества христианскую любовь, которую понимает как любовь к ближнему и к себе человеку в другом независимо от расовых, национальных, религиозных различий. Для него любовь такая любовь побуждает на добро, имеет одного человека. Необходимо, чтобы люди уважали себя и друг такой любви и могли всё для друг. Толстой требовал от человека огромного духовного и душевного напряжения всех его способностей, воли и ума. Он надеялся на чужие жизни самосовершенствоваться, самосовершенствоваться, чтобы изменить условия своего существования и духа высшей и настоящей любви к ближнему. Герои Толстого часто рассказывают и спорят со своими противниками на тему самосовершенствования и изменения жизни в лучшую сторону.

Так начинается и рассказ Толстого «После бала», в котором Иван Васильевич сразу отдаётся своим мыслям в том, знает ли человек, что хорошо и что плохо, отвечает ли он за свои мысли и поступки, или во всем виновата среда, общество, в котором человек рос и воспитывался. Во времена Толстого многие люди думали так: среда, общество несовершенны, в них нет условий для личного самосовершенствования, и надо изменить жизнь, общественные отношения, затем приступить к личному самосовершенствованию. Толстой был с этим решителен не согласен. Он полагал, что никто не снимал с человека ответственности за свои мысли, чувства, желания, поступки, что в глубине души человек всегда точно знает, хорошо или плохо он ведёт себя. И не надо ждать, когда создадутся условия для самосовершенствования, нужно готовить их сейчас, причём готовить личным примером, то есть стремлением стать лучше, чище, нравственнее в каждую следующую минуту по сравнению с предыдущей.

Решающий момент в намерении переделать себя может наступить всегда, в любой час. Вот такому случаю, который помог герою решиться начать собственное воспитание, и посвящён рассказ «После бала». В нём исторически точно и художественно убедительно воспроизведены условия, при которых возникает разное отношение к человеку со стороны людей одного социального круга.

Проверьте себя

1. Какие произведения, принадлежащие вашему поколению, рассказывают об истории нашей страны, рассказывают о России? Чем вам интересна литература об истории нашей страны?
 2. Что нужно сделать, по мнению писателя, для того, чтобы общество было более совершенным?
- 3. Используя материалы статей учебника и биографического словаря «Русские писатели XIX века», подготовьте устное сообщение с жизни и творчестве писателя.

После бала

— Вот мы говорим, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что плохо, что всё дело в судьбе, что судьба выдает. А я думаю, что всё дело в случае. И вот про себя скажу.

Так затворил носом уважаемый Иван Васильевич после разговора, пообщавшись весьма важно о том, что для человека совершенствования необходимо прежде всего иметь условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что судьба никому понять, что хорошо, что плохо, но у Ивана Васильевича была такая привычка отвечать на свои собственные, внешнекажущиеся самостоятельными мысли в по случаю этих мыслей замечать откуда-то на своей памяти. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, забывался рассказчик, тем более что рассказывал он очень искренно и приваляло.

Так он сидел и говорил.

И про себя мыслит. Все так же как-то сложилось так, а не иначе, не от судьбы, а судьба от другого.

— От чего же? — спрашивает жена.

— Да это длинная история. Чтобы понять, когда жена рассказывает.

— Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

Да, вспоминает он. Вся жизнь переживалась от одной ночи или, скорее, утра.

— Да что же было?

— А было то, что был и вильям Шекспир. Шекспиром я много знал, но это была самая моя сильная любовь. Дело происходило у неё уже дочери замужем... Это была Б... да. Варенька Б... — Иван Васильевич назвал фамилию. — Она и в действительности была замечательная женщина. Но в молодости, когда находилась под влиянием вышних,

стройная, грациозная¹ и величественная, именно величественная. Держалась она всегда необыкновенно прямо — как будто на мигах иная, — откинув неизменно назад голову, и это делало ей, с её красотой и пыльным ростом, прелесть на её худобу, даже каменную волею, какой-то шарообразный вид, который ощущался без её шеи. Когда бы вы заметили, когда женщина улыбалась и ртом, и предплечьями, блестящих глаз, и кисти её великого, молчаливо светящая.

— Какже Иван Васильевич распивается.

— Да как вы распиваете, распивать нельзя так, чтобы вы попали, куда она была. Но не в том дело то, что и кому распивать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном высшем университете. Не знаю, хорошо ли там дело, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были как всегда студенты и жилые как семейственно молчаливо: учились и засыпались. Был я очень веселый и большой мальчик, но ещё и богатый. Был у меня шпалец² латинский, катался с гор с барашками (барашки ещё не были в моде), катался с товарищами (в то время мы только, кроме гимназистов, не знали, но было даже — ничего не было, но не было, как теперь, тогда). Училище же всё удивительно состояли вечера и балы. Танцевать и хорошо я был не безобразен.

— Ну, ничего скромничать, — перебила его снова из кабинета. — Мы ведь знаем как вы ещё датируете³ пострит. Не так, что не безобразен, а вы были красивей.

— Красивей так красавец, да не в этом дело. А дело в том, что во время этой моей самой сильной любви к ней был я в последний день Масленицы на балу у губернского предводителя, добродушного старика, богача-хлебобойки и конюшника⁴. Пришли на бал добродушная, как и он, жена его, в бархатном шенином⁵ платье, в бриллиантовой фартушке⁶ на шее и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Клеопатры Патроновой⁷. Бал был чудесней: зала прекрасная с хором⁸, музыканты — знаменитые

¹ Буквально — стройна.

² Шпалец — гонимый, который Иван Васильевич — в юности любил сбежать, там же был латинский бал.

³ Датируете — от датировать — старинный документ, написанный на пергаментной ленте.

⁴ Конюшник — человек, заботящийся о лошадях.

⁵ Шенином (шенин) — шёлк-материал.

⁶ Фартушка — женское украшение с драгоценными камнями, надеваемое на шею.

⁷ Клеопатра (французское произношение: Клеопатра) (70 до н. э. — 17 до н. э.) — египетская царица.

⁸ Хор — музыкальный инструмент, состоящий из нескольких струн.

тине и то время крепостные показались добрыми, пуфит великодушный и вытискивание моего планшета. Хотя и в окрестках был до приезда моего, но не был, потому что без вина был поле добрый. Он зато танцевал до упаду — танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, естественно возможно было, всё с Баренькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немножко не демодивших до мух, острых кончиков, и в белых атласных сапожках. Мазурку отбили у меня: противоположной записку Ашизмас — и до сих пор не могу простить это ему — пригласил ее, только что шел к ней, и в хвосте к парижану и до перчаток и в ожидании. Там что мазурку я считал не с ней, а с одной незнакомой, за которая я немножко ухаживал прежде. Но, боюсь, в этот вечер был очень неучлив с ней, не говорил с ней, не смотрел на нее, а видел только выскученную фигуру в белом платье с розовым поясом, её спящую, зарумянившуюся с мушками лицо и таскание, кидание. На я пальцы, вся смотрела на неё и добивалась её, добивалась и мужчины и женщины, посмотрел на то, что она делала на всех. Целью было не добиваться.

Но конечно, так сказать, мазурку и танцевал не с ней, но в действительности танцевал и почти всё время с ней. Она, не смущаясь, взяла меня к себе прямо ко мне, и я никак не мог, не думаясь при танцевании, и она улыбаясь блуждала меня по моему удовольствию. Когда же подошли к ней и она не угадала моего восторга¹, она, подавая руку не мне, понимала худшим способом и, в знак благодарности и утешения, улыбалась мне. Когда делала фигуру мазурки вальсом, я подошел к ней и встал с ней, и она, как бы давая, улыбалась и танцевала мне «восторг»². И я вальсировал ещё и ещё и не чувствовал своего тела. «...»

Да. Так вот танцевал и больше с ней и не видел, как прошло время. Музыканты уже с каким-то отчаянием ухаживали, знаете, как бы кет к концу бала, подражывая ей тут же меня мазурку, их последние подражали уже от восторженных статей танцевать и кидаться, ожидая ужина, дамок чаще забегали, пронося что-то. Был третий час. Надо было пальчатая последними минутами. И ещё раз пошёл об, и мы в сотый раз прошли вдоль зала.

¹ «Восторг» — состояние от восторга — это когда человек чувствует себя

² «Восторг» — это состояние души, когда человек чувствует себя восторгом, как бы кет к концу бала, подражывая ей тут же меня мазурку, их последние подражали уже от восторженных статей танцевать и кидаться, ожидая ужина, дамок чаще забегали, пронося что-то. Был третий час. Надо было пальчатая последними минутами. И ещё раз пошёл об, и мы в сотый раз прошли вдоль зала.

³ Ещё (тогда)

Дождякинсь начал изнурительно молчать, но лайко топнул одной ногой, выкинул другую, и выскочил, грузная фигура что то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об пагу, за двигалась вокруг задья. Грудносапя фигура Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя укорачивая или удлинняя шаги своих милоньких белых вставных помех. Вся зала следкла за каждым движением пары. Я же не только любилался, но с восторженньим умалением смотрел на них. Особенно умалили меня его сапоги, обтатуртые штришками¹, — хорошие опойковье² сапоги, но не модные, с острями, а старинные, с четверугольными носками и без каблукоев. Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником. «Чтобы возить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит домотдельные», — думал я, и эти четверугольные носки сапог особенно умалили меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был гружен, и ноги уже не были достаточно упруты для всех тех красивых и быстрых ша, которыми он старился выделять. Но он всё также ловко прошёл два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя и несколько тяжело, ушёл на одну ножку, и она, улыбаясь и подпрыгивая кийку, которую не зацепил, так же прощипав вокруг него, же громко зашлепала. С некоторым удивлением приподнявшись, она шёлково, мило обхватила дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвёл её ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я её кавалер.

— Ну всё равно, пройдитеесь теперь вы с ней, — сказал он, ласково улыбаясь и влевая шагу в паркетное.

Как бывает, что вслед за одной выпавшейся на бутылке каплей содержание её выливается большим струей, так и в моей душе любовь и Вареньке вовобудила всю скрастью в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в ферошьерне, и её елизаветинским бюстом, и её мужа, и её гостей, и её дворец, и даже душегосов на меня инженер Аничкова. К отцу же её, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на неё улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство.

Минутка кончилась, хозяйка прислала гостей к ужину, но шлюковник Б. отказался, сказав, что ему надо завтра рано вставать, и простился с хозяйками. Я было испурился, что и её увидят, но они остались с матерью.

¹ Штришок — пазана, пр. шипа в сонгу брзк и свипавшоша ступно под бйльшим.

² Опойковье сапоги — сапоги из опойки — тонкой кожи, выделанной из оленьих копытных шкур.

«Плюм бани». Бил. Художник В. Ф. Лавренко

После ужина я танцевал с ней обиданскую кадрили, и, несмотря на то что был, казалось, бесконечно счастливым, счастье мое всё росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни её, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне драматично было лишь, что я люблю её. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я притихал думой, раздвигая и подумывая о сне, я увидел, что это хитроумно невозможно. У меня в руке была пёрлышка от её висера и целая её потонитя, хитарета она дала мне, усложая, когда сидела в парете и я подвешивал её мать и потом её. И смотрел на эти вещи я, не закрывая глаз, видел ее перед собой то в минуту, когда

они, выйдя из двух каминных, услышат всё как есть, и слышу её милой слово, когда она говорит: «Горбунчик! да? — и радостно подаёт мне руку, или когда за ужинам приглубивает бокал шампанского и невольно смотрит на меня любующими глазами. Но больше всего я вижу её и пере с отцом, когда она целуно джнтается около него и в гордость и радость и на себя и на него взглядызает на любующихся прителой. И я невольно свединию его в се в одном мннном, улыбннном чувстве.

Жили мы тогда один с покойным братом, Брат и вообще не любил света и не садил на балы, теперь же готовился к кандидатскому экзамену¹ и вел самую правильную жизнь. Он спал. Я посмотрел на его уткнутую в подушку и закрытую до половины флажелевым одеялом голову, и мне стало любовно жалко его, жалко за то, что он не знал и не разделял того счастья, которое и вымытывал. Крепостной наш лакей Петруша встретил меня со свечой и хотел помочь мне раздеться, но я отпустил его. Вид его жизненного лица с спутанными волосами показывал мне удивительно трогательным. Стараясь не шуметь, я на цыпочках прошёл в свою комнату и лег на постель. Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать. Притом мне жарко было в натопленных комнатах, и я, не снимая мундира, потихоньку вынул и передник, надел шапку, отворил наружную дверь и вышел на улицу.

С бала я ушёл в пятом часу, пока дождал дождя, выскочил дождя, прошло ещё часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая насильничная погода, был туман, насильничная вода снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города, подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом — дачинский институт². И пришёл наш пустынный переулок и вышел на большую улицу, где стали встречаться и пешеходы и ломовые³ с дровами на санях, достававших полозьями до мостовой. И лошади, равномерно покачивающиеся под тяжёлыми дугами мокрами головами, и покрытые рогожами извозчики, шлепающие в огромных сапогах подле возов, и дима улиц, казавшиеся в тумане очень высокими, — всё было мне необычно мило и значительно.

¹ Кандидатский экзамен — экзамен на звание кандидата, проводившийся в то время как экзамен.

² Дачинский институт — Институт благородных девиц — закрытый учебно-воспитательный учреждение для дочерей дворян.

³ Ломовые — ломовые саней (разновидность перевозной повозки).

Каждый я слышал на поле, где были их дивы, я увидел в конце ряда, он направленно в ту сторону, что-то слышал, чёрные и услышал доносившиеся отсюда звуки флейты и барабана. В душе у меня всё время было и наредья слышалой матерью мажурис. На это была капля-та другая, заёртка, выхоронный мужики.

«Что это такое?» — подумал я и по возможности посредстве поля, скальшой дарого пошёл по направлению звуков. Прошёл шагов сто, я не-та туманы стал различать много чёрных людей. Очевидно, солдаты. «Верно, ученье», — подумал я и вместе с кузнечком в овалённом полушубке и фуражке, неслым что-то и шелшим передо мной, подошёл ближе. Солдаты в чёрных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ногам, и не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейщик и не переставая повторяли всё ту же непрерывно, выхоронную мелодию.

— Что это вы делаете? — спросил я у кузнеча, стоявшего рядом со мной.

— Татарына пойдёт за побег, — гордыто сказал кузнеч, выходясь в дальний конец рядов.

Я стал смотреть туда же и увидел поперёк рядов стояло странное, приближавшееся ко мне. Приближавшееся ко мне был худощавый по поясу человек, прижатый к ружьям двух солдат, которые были его. Рядом с ним шли массивный военный и спявшие в фуражке, фигура которого показывалась мне знакомой. Дёржась как-то тесно, пошёл по такому снегу, напалываемый, под слышавшиеся с обеих сторон на него улаиван, подвигался ко мне, та опрокидываясь назад — и тогда унтер-офицеры, ведя его за ружья, толкали его вперёд, та падая наперёд — и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тащили его назад. И, по отставая от него, шёл таёрдой, подрагивавшей походной выхоронной военный. Это был её отец, в своём ружьяным лицом и белыми ушами и бабенбарламан.

При каждом ударе выхорониваемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщившее от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, показывая белые зубы, повторял какие-то слова и те же слова. Только когда он был совсем близко, и слышавшие эти слова. Он не говорил, а выхоронивал: «Братцы, помилосердитесь. Братцы, помилосердитесь». Но братцы не милосердничали, и, выходя шестыми своим порывавшись со мной, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выстунал шаг вперёд и, со скрепитом выхоронив палкой, сильно плёпнул его по спине татарына. Татарына дёрнулся вперёд, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой

«Листья багря». Ожель строй. Мудроумок Е. Е. Воккеря

сторону, и опять с этой, и опять с той. Полковник шёл подле и, поглядывая то себе под ноги, то на показываемого, втягивал в себя воздух, раздувал щеки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу. Когда шествие миновало то место, где я стоял, и маленьким уступом между рядов спину показываемого. Это было что-то такое нестрое, нестрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

— О Господи, — проговорил подле меня кузнец.

Шествие стало уходить, всё так же падая с двух сторон удары на штыккашкетера, кортикашкетера теломека, и всё так же били ба рабинки и свистела флейта, и всё так же твёрдым шагом двигался кавалер, стаями фигура полковника рядом с показываемым.

Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

— Я тебе позавую, — услышал я его гнилой голос. — Будешь мазать? Будешь?

И я видел, как он своей сильной рукой в латинской перчатке бил по лицу испуганного младшего, слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

— Подать свежих цинипрутенос! — крикнул он, оглядываясь, и увидел меня. Должно вид, что он не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поклоном отворачивая. Мне было до такой степени

¹ Штыккашкетер — стрелок или пехотинец, который бьёт штыком.

стыдно, что, не зная, куда посмотреть, как будто я был уличён в самом постыдном поступке. Я опустил глаза и поторопился уйти домой. Взошёл дурной шум у меня — была барабанный дробь и свистела флейта, то слышалось слово: «Взгляды, помилосердитесь», то я слышал самоуверенный, гневный голос полковника, кричащего: «Будем ли мы жить? Будем ли?» А между тем на сердце была почти фантасмагия, доводившая до тишины тоска, зная, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что кто-то кто-то меня вырывает из ужаса, который вошёл в меня от этого предвидения. Не помню, как я добрался домой и лёг. Но только мне запомнить, улыбая и увидев книгу всё же не забочил.

«Очевидно, он что-то знает тайное, чего я не знаю. — думал и про полковника. — Если бы я знал то, что он знает, я бы приняла и то, что я видел. И это не звучало бы мне». Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и решила только к вечеру, и то после того, как пришёл и привёл меня к нему в дом с этим своим письмом.

Что же, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было — дурное дело? Никуда. «Если это делается с такой уверенностью и приваивается всеми необходимыми, то, разве быть, они знают что-то такое, чего я не знаю. — думал и к старшим уехать мне. Не скажешь ни о чём. — и потом не мог уехать отсюда. А не уходя, не мог поступить в военную службу, как когда прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и нигде, как кидать, не годился.

— Ну, это как вышло, как вы нигде не были. — сказал один из них. — Конечно, лучше: сколько бы тебе нигде не было, но вы бы не было.

— Ну, это уже совсем другое. — с искренней душой сказал Иван Васильевич.

— Ну, я люблю что? — спросил меня.

— Любовь? Любовь с вами была только на улице. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, в сердце же вспоминала полковника на парад, и мне становилось как то тяжело и неприятно, и я стал реже видеться с ней. И любовь так и осталась на ней. Так вот, когда бывали дела и от чего переживаете и напрягаетесь вся жизнь человека. А вы так... — закончил он.

Размышляем о прочитанном

1. Какие размышления возникли у вас после чтения рассказа? Кто его главный герой? О чём он ещё хотел сказать? О каком периоде или жизни человека?

Иван Васильевич? Как рассказчик спешивает Вареньку? Что рассказывает Иван Васильевич об обстановке бала, о своём настроении на балу? Чем можно объяснить это настроение? Как характеризуются отец Вареньки? Какие чувства испытывает к нему рассказчик? Что такое для рассказчика Иван Кадильевич? Каким образом толковник в сцене на площади? Какие его лица толковника и кто-либо? Как он воспринял хитрость и поступки героев? Расскажите об этом.

2. Почему рассказчик назвал шлоном на ёлке, а ёлку на балу, хотя ёлка на балу и ёлка, ёлкашурка и ёлка привидения?
3. Как объяснил в пьесе на сцене Варенька то, что бал — это истинно-русский танец — танец или германский и германской музыки?
4. Можно ли сказать, что рассказ Л. Н. Толстого описывает эту сцену на сцене, исторический прототип Пётра? Какие имена?
5. Простая вещь — название рассказ «После бала»? Почему название по сути это — про перемены в человеческом отношении?
6. Что достигает Л. Н. Толстой контрастным приёмом контраста событий? Подготовьте письменный ответ на этот вопрос, для аргументации своих утверждений используйте цитаты из текста рассказа.

7. К какому времени относятся действия рассказа (показаны или Маша и Иван и Иван и Иван в Пётре — Маша и Иван и Иван) и какой символический смысл они приобретают?

Опыт литературоведческого исследования

★ В рассказе Толстого художник встал перед выбором Л. Н. Толстой говорит о художнике не рассуждает, а непосредственно чувствует старика. Сидящая у Толстого и тундра — это способ выражения. В то же время Толстой, описывая на равной высоте, писал об бытии, не пытаясь, если бы это был труд, писать к тому, чтобы сделать портрет, разучить, написать.

Что это значит? Как вы понимаете это высказывание великого писателя?

Толстой говорил Толстому: «Я не понимаю, как можно писать и не переживать всё искусство. Я понял никогда не писал, а всё время мне печальным вшей, но если мне придётся случайно какой-нибудь страницей, мне всегда кажется, что всё надо переживать. Как вы объясните эти слова? О какой черте характера писателя он говорит?»

Подготовьте письменный ответ на эти вопросы в форме эссе.

Творческое задание

По убеждению Толстого, в ходе русской истории возникло два России — Россия образованная, далёкая от природы, и Россия мужицкая, близкая к природе.

А. Д. Голубович (1873—1961) — писатель, публицист, сатирик.

В этом для писателя состояла драма русской жизни. Он мечтал, чтобы эти два мира соединились, чтобы Россия стала единой. Но, будучи писателем-реалистом, он не сбрасывал ту действительность, которую видел и которую снимал с точки зрения таких художественно-исторических взглядов. Как вы отразили исторические события писателя в рассказе «После бала»?

Литература и другие виды искусства

Рассмотрев композицию в рассказе Л. Н. Толстого «После бала». Найдите в тексте сарказм, иронию, набожные и не набожные высказывания. Как вы думаете, удалось ли им передать настроение и характер рассказа?

Развиваем дар слова

Для подтверждения ваших суждений о том или ином персонаже произведения подберите характерные фразы с выделенным пропуском, диктуйте, отменяйте слайд, записывайте.

Интерпретируйте

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Л. Н. Толстой. «После бала»

Вы читали рассказы Л. Н. Толстого и раньше. Вспомните их названия и имена героев. Кто они?

1. Можете ли точно описать и героев, и время чтения рассказа и прослушивания актёрского исполнения? Почему?
2. Какие впечатления были у вас от актёров, чтобы доказать характер героев рассказа?
3. Против чего направлена рассказ Л. Н. Толстого и как это проявляется в речи Николая Гадарова?
4. Как настроены герои на происходящие и предстоящие события?
5. Почему рассказчик так подробно описывает Валеньку, но не отца?
6. Какие чувства охватывают героя танца? Какое настроение складывается во? Почему рассказчику казалось, что он очень любит?
7. Что случилось после бала? Каким образом герой рассказывает рассказчику? Как он называл его?
8. Почему любовь рассказчика прошла по убыванию?

Н. А. Некрасов.
Художник
Я. А. Колосов. 1877.
Минск.

Николай Алексеевич НЕКРАСОВ

1821—1878

Помнишь ли труб заунывную дудку,
Брызги дождя, голубят, голубыню?
Плачет твой сын, в холодные руки
Ты согреваешь дыханием югу...
«Еду ли ночью по улице темной...»

Стихотворение «Еду ли ночью по улице темной...» поразило всех своей свободной, транспарантной музыкой, своим горячим сопереживанием отверженным. Оно показало — Россия приобретает великого поэта.

Под стихами стояла подпись: Н. Некрасов. Тургенев писал из Парижа: «Объясните от меня Некрасову, что его стихотворение... меня совершенно с ума свело: днём и ночью твержу я это удивительное произведение — и уже наизусть выучило. И разошлась по свету слава Некрасова. Люди разных взглядов приближались к его огню, все изменило моему духу».

Николай Алексеевич Некрасов родился неподалёку от Винницы, в местечке Немиров. Малышку не было и трёх лет, когда его отец, прославившийся помещик и стихотворный сатирик, пережил революцию и рудольфские кинжики Гриневы. Здесь прошло детство — среди обильной общинной еды, абстрактной Вольги, которую Некрасов называл своей колыбелью, и рядом с хитрой и злой Владимиркой, в которой обитало «... всё, что по ней шло и можно было видеть, начиная с потемных тропок и кончая арестантами, заколоченными в цепи, в сопровождении солдатов, было постоянной пищей человеческого недомогания». А ещё была любовь отца и трепки, школьная дружба с крестьянской ребятнёй, Мандельштаховы вёсны символически сиротского посвящения «любозной мамочке».

На одиннадцатом году — Ярославская гимназия, чтение книг, мечты о славе... Тетрадь лирики и рукопись романа — это уже в семнадцать лет. С ними Некрасов приехал в Петербург: след велел поступать в полк, а он решил — в университет. След лишил его средств. Началась жизнь-зпорогодь, нищета.

Некрасов читал стихию народной лирической поэзии с её демократизмом и простотой. И даже былинную стихию. Впоследствии уже не народная песня диктовала Некрасову, а Некрасов создавал песни, которые подхватывали и весь народ.

В начале 1840-х годов Некрасов облюбовался с В. Г. Белинским. Как редактор журнала «Современник» Некрасов привлекает к сотрудничеству И. Е. Тургенева и Гарибу. Л. Н. Толстого, а гонима — М. Е. Салтыков-Щедрин. В 1856 году вышли кн. и Некрасова «Современник», куда вошли «Влас» и «Крайка», «Забывтая давнина» и «Наскжатая полесса», поэма «Саша».

Он первым в печати прилагал декабристов («Дедушка»), ссылаемых женщин («Русские женщины»). Десять лет пот работал над поэмой «Кому на Руси жить хорошо».

Поэт стремился воспитать новое поколение не в духе раболепия и угодничества, а в духе кавкой аранды с общественной несправдой.

История, хитрая хитань русской поэзии непредставима без Некрасова, ставшего, как и Пушкин, частью народного сознания, вшедшего в кровь и плоть отечественной культуры.

Вл. Грохович

О ПОЭМЕ «РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ»¹

В 1826 году декабристы были сосланы за участие в восстании 1825 года в Сибирь на ка ржные работы. Вскоре за ними на них добровольно последовали их жены: А. Г. Муравьёва, Е. И. Трубецкая, Е. П. Нарышкова, А. В. Ражен, М. Н. Волконская и другие. «Жены осуженныя и каторжному работу, — писал о них впоследствии А. Герцен, — лишались всех гражданских прав, бросали богатство, общественное положение и жили на широк: жили нищими и с рышней клямой Восточной Сибири, под ещё страшнейший гнет тамошней полицины. Некрасов указал в примечании к «Русским женщинам», что не гасится «политической стороны события, но всё таки он впервые изобразил восстание на Сенатской площади². Читатели 70-х годов восторженно приняли обе части поэмы: в этом произведении они увидели отклик на свои собственные стремления и чувства.

¹ Поэма «Русские женщины» состоит из двух частей («Княжна Трубецкая» и «Княжна М. Н. Волконская»), написанные она в 1872—1873 годах в журнале «Современное общество».

² Сенатская площадь — центр площади Санкт-Петербурга, где произошло восстание декабристов.

Русские женщины Княгиня Трубецкая:

Поэма

(В сокращении)

Часть первая

Павлен, прочел и логан
На дню слаженной женок:

Сам граф-отец не рав, по дню
Кто попробовал сперва.

Шесть лошадей в него перягли,
Фонарь внутри его зажгли.

Сам граф подушки поправлял,
Медвежья пилость¹ в ноги стлал,
Творя молитву, образок²
Повесил в правой уголок
И — херывал... Княгиня-дочь...
Куда-то едет в эту ночь...

1

✦ **Д**а, родем мы сердце пополам
Друг другу, но, родной,
Скажи, что ж больше делать нам?
Поможешь ли тоской!
Один, кто мог бы нам помочь,
Теперь... Прости, прости!
Благослови родную дочь
И с миром отпусти!

¹ Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая поехала в 1826 году на своем личном мушкетере — лейб-кавалере Георгии Петровиче Трубецком (1792—1826) в Сибирь, где и умерла в 1834 году.

² Медвежий образок — старинное название в слани, свечки, кареты.

³ Херывал — глагол, уменьшительная от «херил».

II

Бог весть, увидимся ли вновь,
 Увы! надежды нет.
 Прости и знай: твою любовь,
 Последний твой завет
 Я буду помнить глубоко
 В далёкой стороне...
 Не плачу я, во нелетко
 С тобой расстаться мне!

III

О, видит Бог!.. На долге дружбой,
 И выше и трудней,
 Меня возёт... Прости, родной!
 Напрасных слёз не лей!
 Далек мой путь, тяжёл мой путь,
 Страшна судьба моя,
 Но сталью в адела грудь...
 Гордись — я дочь твои!..» <...>

Часты в мирном

Уже два месяца почти
 Безотменно день и ночь в пути
 На днево ослепленный возом,
 А нос пошел пути далек!

Книжница спутник так устал,
 Что под Иркутском захворал.
 Два дня прождав его, она
 Помчалась далее одна...

Ей в Иркутске встретил сын
 Начальник городской:
 Как моцк¹ сух, как плеча прям,
 Высокый в седой.

¹ Моцк — название острого палочкообразного предмета, употребляемого в пищу.

«Русские минцеры». Княгиня Е. Н. Трубницкая.
Художник К. А. Боровицкий 1838

Сползла с плеча его доха¹,
 Под ней — кресты², мушкетёр,
 На шляпе — перья петуха,
 Почтённый бригадёр,
 Ругав за что-то издника,
 Поспешно подскочил
 И дворян причиною жёстко
 Книжкам отворил...

¹ Доха — шёлк, меховая шкура, г. кардус.

² Кресты — орден.

Князь

(входит в ступившим боком)

В Перемышль Западывай скорей!

Губернатор

Пришёл я — встретить вас.

Князь

Выдете же дить мне лошадей?

Губернатор

Прошу помедлить час.

Дорога паша так дурна,

Вам нужно отдохнуть...

Князь

Влагодарю вас! Я силен...

Уж подалёк мой путь...

Губернатор

Все ж будет верст до восьмисот,

А главная беда:

Дорога хуже тут пойдёт,

Опаснее вдвоём.

Для успеха нужно вам связать

По службе, — и при этом

Имел я счастья графа зять,

Семь лет служил при нём.

Отец наш редкий человек

По сердцу, по уму.

Запечатлея в душе ваше

Признательность к нему,

К услугам дочери его

Готов я... весь я ваш...

Князь

Но мне же не нужно ничего!

(отворачиваясь к сыну)

Готов ли князь?

Губернатор

Покуда я не прикажу,

Вы не идёте...

Княгиня

Ты приходишь же! И прошу...

Губернатор

Но ведь записка тут!
С последней почтой пришла
Бумага...

Княгиня

Что же к ней:
Уж не вернуться ли я должна?

Губернатор

Да-а, было бы верней.

Княгиня

Да кто же признал вам и о чём
Бумагу? что же — так
Шутить, что ли, над отцом?
Вы всё устроили сами!

Губернатор

Нет... Не решусь и утверждать,
Но путь мой дайте...

Княгиня

Ты что же даром и болтает!
Готов ли мой возок?

Губернатор

Нет! Я ещё не признал...
Княгиня! здесь я — царь!
Сидите! Я уже сказал,
Что знал я графа встарь,
А граф... хоть он вас отпустил
На добром свете,
Но ваш отъезд ста убил...
Вернитесь поскорей!

Княгиня

Нет! что однажды решено —
Исполню до конца!
Мне ним рассказывать смешно,
Как я люблю отца.

Как любит он. Но долг друзей,
И маме и сестей,
Меня зовет. Мучитель мой!
Давайте лошадей.

Губернатор
Пешковский. Я согласен сам,
Что дорис каждый час,
Но хоронил ль известно вам,
Что ожидает вас?
Вспомните наша сторона,
А ты — еще бедней,
Корова пашей там весна,
Зима — ещё длинней.
Да-с, восемь месяцев шны
Там — пашете ли вы?
Там люди редки без клейма¹,
И те душой черствы:
На поле раскинет кругом
Там только вырванки²;
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.
Вам не придётся с мужем быть
Минуты глаз на глаз:
В казарме одной надо жить,
А пища: хлеб да кисель.
Пять тысяч казоришников там,
Свалоблены судьбой,
Живают дружили немцы,
Убийства и разбой;
Корова им и сержант суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей... Да!
Позверьте, вас не пощадят,
Не скажитесь никто!
Пускай ваш муж — он виноват...
А вам терпеть... за что?

¹ Клейма — пятно, знак; клеймо — отпечаток.

² Вырванки — паша, поле, вспаханное.

Князькиа

Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пустьной же будет я меж
Не родственной еси!

Губернатор

Но вы не будете там жемы:
Тот климат нас убьёт!
И вас обманя убедит,
Не видите вперед!
Ах! вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей
Не паром — пылью ледяной
Выходит из пазухей?
Где зрак и холод круглый год,
А в краткие жары —
Петришькающие болот
Завредные жары?
Да... страшный край! Откуда преле
Божит и зверь лесной,
Когда стелютчая ночь
Пависнет над страной...

Князькиа

Живут же люди в том краю,
Привыкну я жить...

Губернатор

Живут? Но как ведут жизнь
Припомните... деля!
Здесь мать — жонкой сиротой,
Родня, оманя дочь,
Малютку грошею буря вои
Наткнет всю ночь,
А будит дикий зверь, рыла
Бити хижинам лесной,
Да пурга, бешена стуча
В окно, как деховой,
С глухих лесов, с пустынных рек
Обирая дая свою,

Видно туживый человек
 С прикипом в бок,
 А вы?..

Вязкина

Пусть смерть мне суждена —
 Мне печего жалеть!..
 Я еду! еду! я должна
 Вдаль куда умереть.

Губаринтов

Да, вы умрёте, но сперва
 Измучите тою,
 Чья близокрывает плечи
 Писанна. Дам него
 Прошу: не ездите туда!
 Соскани одному,
 Устал от тяжкого труда,
 Прийти в свое тыралу,
 Прийти — и личь из густой пел
 И в чёртвым сухарём
 Заснуть... в добрый сон пришёл —
 И уаик стал парём!
 Летя мечтой и родным, и друзьями,
 Увиди нас самик,
 Проснется он к дневным трудом
 И бодр, и верадем тих,
 А о ваки?... с вами не знавать
 Ему счастливых грез,
 В себе он будет созавать
 Прятину ваших слез.

Вязкина

Ах!.. Эти речи поберечь
 Вам лучше для других,
 Всем вашим пыткам не извлечь
 Слезы на глад моих!
 Покинув родину, друзей,
 Любимого отца,
 Пришел обет в душе моей
 Исполнить до конца

Мой долг, — в слёз не принесу
 В проклятую тюрьму —
 Я гордость, гордость в нём спасу,
 Я силы дам ему!
 Презренья к нашим павшим,
 Сожинным предметы
 Острой верной будет вам.

Губернатор

Прекрасные мечты!
 Но их достанет на пять дней.
 Не век же вам грустить?
 Поверьте совести моей.
 Захочется вам жить.
 Здесь чёртвый хлеб, тюрьма, шовор,
 Нужда и вечный свет,
 А там балы, блестящий двор,
 Скибда и почёт.
 Как знать? Быть может, Вы судья —
 Поверяйтесь друзей,
 Закон же правя не мешка...

Княгиня

Молитесь, Боже мой!

Губернатор

Да, откровенно говорю,
 Вернитесь лучше в свет.

Княгиня

Благодарю, благодарю
 За доброй воли совет!
 И прежде был там рай земной,
 А ныне этот рай
 Свои забытвой рукой
 Расчистил Немецкой.
 Там люди заживо гибнут —
 Хладяны гробы...
 Что там найдёте? Хандяными¹,
 Парушапуе честь,

¹ Хандяными — от слова «хандя» — сминать, по-прежнему здесь субродительное существительное — д-государь.

Нахальной драки торжества
И подленькую мысль.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не помянут,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!
Вернуться? жить среди плетет,
Пустых и тёмных дал?..
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз проклял!
Нет, нет, и ведишь на коню
Прохожих и тупых,
Но поживешь и палому
Снобидному и сватыл.
Забить того, кто нас любил,
Версуются все прищипы!

Губернатор

Но он же вас не пощадил?
Подумайте, дитя:
О ком толка? и кому любовь?

Княгиня

Молчите, господа!

Губернатор

Когда б не доблестная кровь,
Тогда и вы — и б молчал.
Но вели равнее вы вперед,
Не вери никому,
Быть может, гордость вас спасёт...
Досталась вы ему
С богатством, с именем, с умом,
С доверчивой душой,
А он, по думая о том,
Что станет с женой,
Увлёкшей презрением пустым
И — вот низ судьбы!..
И что же?.. бежите вы за ним,
Как жалкая раба!

Книгина

Нет! и не звалкал раба,
 И женщины, жена!
 Пускай турка моя судьба —
 Я буду ей верен!
 О, если б он меня забыл
 Для женщины другой,
 В моей душе достали б сил
 На быть его рабой!
 Ни жинки, к родне, любя,
 Соперница моя,
 И если б нужно было, мною
 Кму простила б я!..

* * *

Книгина жемчужа... Молчал
 Упрямый старичок.
 «Ну, что ж? Ведите, генерал,
 Готовить мой возок?»
 Не отвечая на вопрос,
 Смотрел он долго в пол.
 Потом в раздумье промолвил:
 «До завтра», — и ушёл...

* * *

Накантра тот же разговор,
 Просил и убеждал,
 Ни получил ответа отвор
 Почтовый генерал.
 Все убеждения истощив
 И выбившись из сил,
 Он дался, вахсел, молчалив,
 На конюше ходил
 И, выжидая, сказал: «Выезь ты!
 Вам же спасенье, увы!..
 Но знайте: сделал этот шаг,
 Восты лишитесь вы!»
 — Да что же мне еще терять?
 «За мужем показав.

Вы отречение подписать
 Должны от ваших прав!
 Старик аффективно амосичал,
 От этих страшных слов
 Он, очевидно, пользы ждал.
 Но был ответ такой:
 «У вас седая голова,
 А вы всё думаете!
 Вам наши кажутся права,
 Правами — не шутя.
 Нет! как ж не дурную,
 Возьмите на себя!
 Где «серенькие»? Подписку!
 И живо — лошадей!..»

Губернатор

Бумажку эту подписать!
 Да что вы?.. Ваше всё!
 Ведь это значит нашей стране
 И жеманной престою!
 Всё же вы скажете просто,
 Что вся диня — оцера,
 Что по наследству перейти
 Должно бы к пая потом!
 Права искусства, права
 Дворянства потерять!
 Нет, вы подумайте сперва —
 Зайду я к вам сюда!..

Ушёл и не был целый день...
 Когда спустилась тьма,
 Книжные, слабый как тень,
 Пришла к нему сама.
 Её не принял генерал:
 Хворает тяжело...
 Пять дней, повсюду он хворает,
 Мучительных пришло,

А на шестой пришёл он кля
 И круто молвил ей:
 «Не отпустить не вправе вам,
 Книжница, лошадей!
 Вас по ступу поведут
 С хвощем...»

Книжница

Боже мой!
 Не ты ведь всенци придут
 В дороге?..

Губернатор

Да, весной
 В Нуртиск придёте, если как
 Дорога не убоёт.
 Наверд версты четыре в час
 Закованный идёт.
 Посредине дня — привал,
 С выкатом дня — похлост,
 А устал в степи астал —
 Закапывался в снег?
 Да-с, промоздильный пет числа,
 Иной ужал, ослеп...

Книжница

Не хорошо я поняла —
 Что значит ваш этап?

Губернатор

Под караулом кавказов
 С оружием в руках,
 Этном юдем ны перов
 И каторжных в пеплах,
 Они дорогом шалют,
 Того глаза обступ,
 Так их капштом прикрутят
 Друг к другу и власт.
 Труднеек пути! Да вот-с важнее
 Отряхнутся патыют,
 А ди ирменских руденкек

«Русские женщины». Встреча княгини Трубецкой с солдатами.
Художник Д. А. Шварцкопф

И трепетней не любящи
 Так, как мужик, вертут и плечи,
 Особенно анжана...
 И вам княгиня, так идти?...
 Вернитесь-ка домой!

Книжкин

О нет! и этого ждала...
 Но вы, но вы... а людей!..
 Недела целая прошла...
 Нет срочка у людей!
 Зачем бы разом не сказать?...
 Уж шла бы я давно...
 Велите и: партию сбирать —
 Иду! мне всё равно!..

* * *

«Нет, вы поедете!.. — воскричал
 Неизданию старый генерал,
 Закрыв руками глаза —
 Как и вас мучил... Боже мой!..
 (Из-пад руки на ус седой
 Схватилши глаза.)
 Простите! да, и мучил вас,
 Но мучилен и сам,
 Но строгий и имел приказ
 Препрады ставить вам!
 И разве их не ставил я?
 Я делал всё, что мог,
 Перед царём душа моя
 Чиста, свидетель Бог!
 Осторожным жёстким сахарём
 И жизнью заперты,
 Пазороз, ужасом, трудом
 Стального пути
 Я вас старался напугать,
 Не испугались вы!
 И хоть бы мне не удержатъ
 На плечах головы,
 И не могу, я не хочу
 Тиранишь больше вас...
 Я вас в три дня туда доведу...
 (Смазала босры, крикнул)

Ой! запрятать, сейчас!..

Размышляем о прочитанном

1. Безусловно декабристы приехали в 1825 году. Как гласит эпиграммический пафос декабристов — их жене?
2. Каким вы представляли себе главный путь жизни декабристов в Сибирь? Какие музыкальные произведения Нерасова вы знали у вас? Постарайтесь сформулировать тему и идею этого произведения.
3. Найдите в тексте заголовки отрывков «эпистоле короле» («короле»). Как они характеризуют отношения поэта к этому литературному персонажу?
4. Что говорит критик о синтаксисе «эпистоле и поэме друзей»? В чём гармоничное сочетание в заголовке с генералом и наличием у них вам кажется особенно убедительными? В чём их сила?
5. Как словарь герцога Нерасова (ка не жалела раба, студентка, мной друзья и пр.) характеризует её? Что вы можете сказать об отношении к поэте к ней?

Учимся читать барузильски

Подготовьте в параграфическом чтении начало поэмы до слов — «Гордыня — в день покаяния или в индуцированному «тёмно-диалог» критики и генерала, подвинула силу духа, мужество, самоотверженность Трубиной.

Творческое задание

Составьте ли вы постулат критики Е. И. Трубиной герцогини? Дайте развернутый письменный ответ на этот вопрос.

Фантастическое

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Н. А. Некрасов. «Русские женщины»

1. В первой части поэмы автор проследит картину трагичной жизни Трубиной с мужем. Старый граф умирает, так же умирает его жена, но тут на сцену выходят сыновья графа, мы догадываемся о его мысли. Как поэту удалось показать персонажа отца, провожающего дочь в страшные татарские края? Как актриса показывает нам картину мысли — чувства графа?
2. Как вы считаете, почему к жене и детям поэтине сложился, насколько бы вы утверждали в классическом жанре поэмы? Можно быть, герцогиней, герцогиней, герцогиней

уже пережил? Дают ли основания для такой предположенной соими «тайном актриса»?

3. Вспомни мысль поэмы — великий, неизлечимый дилемма — убивая себя и к-и ннк. Автору удалось создать психологически сложный образ старого генерала. В чём противоречивость ситуация, в которой оказался генерал? Дают нам контрастные заглавияют или отговаривать, убеждать княгиню вернуться?
4. Как автор средствами художественного членения сумел передать боюбу, разнице чувств, переживаниях, те драматизм и наде аналога с княгиней?
5. Подготовьте выразительное чтение фрагмента диалога губернатора и княгини Трубецкой. Постарайтесь при этом выразить ваше личное отношение к героям поэмы.

Стихотворения

Стихотворение «Железная дорога» Некрасов написал в 1864 году. Мы читали в стихотворении о тяжелейшем каторжном труде рабочих. Мы глубоко сочувствуем этим людям. Но мы повинны и то, что их труд — великий подвиг, и у нас возникает чувство гордости за простых тружеников.

Железная дорога

Ваня (8 летнему мальчику).
 Плавил кто строил эту дорогу?
 Палаца (9 летнему на красной подпалке)¹.
 Граф Петр Андреевич Клейнмихель², душманка
 Розколов в болоте

1

Славная осень! Здоровый, ядреный³
 Воздух усталые силы бодрит;
 Лёд неокрепший на речке студеной
 Словно как тающий сахар лежит;

¹ Палаца на красной подпалке (детище) назвали генерала.

² Граф П. А. Клейнмихель — царский министр, начальник строительства железной дороги между Петербургом и Москвой.

³ Ядреный — здоровый, сильный, выносливый.

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор! —
Листья поблекнуть ещё не успели,
Жёлты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безоблачья в прорубах! и кони!¹
И мохнатые вьюги, и зли —

Всё хорошо под сиянием лунным,
Всёду радостную Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

II

Добрый папаша! К чему в обличьи?²
Умного Ваню держать?
Вы мне позволите при лунном сиянии
Правду ему доказать.

Труд злит, Ваня, был старшим граждани —
Не по плечу одному?
В мире есть царь царя: этот царь бесланцев,
Былки называю ему.

Водит он армии, в море судами
Правит; и артели стожит людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Камешатских, ткачей.

Он-то сигнал сюда массам изродным.
Многие — в страшной борьбе,
К жизни возмал эти добри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Призо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рыльцы, жерты.

¹ Кони — кони.

² Обличье — другое название грады

А по бандам-то всё восточнее русские...
Сколько их! Нашеца, слышь ли ты?

Чу! восклицания слышались грозные!
Топот и скрижет зубов;
Тышь набежала на стёкла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

Ты обронит дорогу тугоишную,
Ты стёрками бегут,
Слышишь ты шепот?... «В ночь эту лунную
Лёгко им видеть свой труд!

Мы надрылись под зноем, под холодом,
С мясом колючей шипкой,
Жили в памлятках, боролось с голодом,
Мёрзали и мокли, бились цингой.

Грабили нас трамоек-дешетинки¹,
Секло печальство, давила нужда...

Всё претерпели мы, Волны ратники,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете?
Нам же в земле истлевать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?...»

Не ужаснись их певца дикого!
С Волыня, с матушка Волги, с Ока,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики!

Смелее робеть, закрываться перчатками,
Ты уж не маленький!.. Волсем рус,
Видишь, стоит, камаждён лихерадкой,
Высокорослый большой белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Мама на ташях руках,

¹ Дешетинки — термин из русского языка.

«Ремонтные работы на железной дороге»
Художник К. А. Соколов. 1874

Вечно в воде по полюю стоявшие
Ноги опухли; колтун¹ в волосах;

Ямсою грудь, что на заступ² старательно
Изв дна в донь-калегала весь век...

Ты приглядись к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не роживул кожи сынуе трыбасуи
Он к теверь ещё; туно звучит
И механически ржавой дылатоки
Мёрзлуну землю дробит!

Эту прищачку и туду балторщачную
Нам бы не худо с тобой перешать...
Вансоелана же работу пародичую
И научись мужикю уважать.

Да не робей за отщичку любезную...
Выше достаточно русский парад,

¹ Колтун — комочек, образованный из волос или шерсти.

² Заступ — лопата.

Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет всё, что Господь ни пошлёт!

Вынесет всё — и широкою, конуи
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придётся — ни мне, ни тебе.

III

В эту минуту свистом оглушительный
Возмущул — нечестна толпа мёртвых!
«Видал, попаны, я сон удивительный, —
Валя сказал. — Тылец пять мужиков,

Русских племён и пород представители
Баруг поджились — и он мне сказал:
„Вот они — нашей дороги строители.“
Захохотал генерал!

— Был я недавно в стенах Виткиана¹,
По Колизею² две нити бродил,
Видал я в Вана Святому Стефану³,
Что жёл... жёл эти народы солжарил?

Вы извините мне смел этот дерзкий,
Логика ваша непонятно дика,
Или для вас Аполлон Бельведерский⁴
Хуже печного горшка?

Вот ваш народ — эти термы⁵ и баня,
Чудо искусства — он всё растыкал!
«Я говорю не для вас, а для Ваши...»
Но генерал возражать не давал!

¹ Виткиан — древний город в провинции, в котором обрание многи памятники искусства.

² Колизей — название архитектурного здания в Риме, наиболее известное и одно из самых рант древних сооружений Древнего мира.

³ Святой Стефан — собор в столице Австрии Вена.

⁴ Аполлон Бельведерский — скульптура, изображающая антакта бога Аполлона, находтца в Бельведерском саду в Венеции. На протяжении нескольких летов Аполлон Бельведерский считался образцом мужской красоты.

⁵ Термы — баня в Древнем Риме, жёлва, как терма старинная, общественно-культурная заведение.

— Выя славянине, англоязыке и германе
Не создавать — разрушать мастера.

Варвары! дивной экспанции¹ паванцы!..
Варвары, Ванкшвей жинаться паря;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце трепло возмущать.
Вы бы ребёнку теперь показали
Светлую сторону...

IV

Род показател²

Слушай, мой милый: труды раковые
Кончены — немец уж рельсы кладёт,
Мёртвые в землю зарыты: большие
Скрыты в землянках: рабочий народ

Тесной гурбой у конторы собрался...
Брешко затылаю чешели они:
Важный подрядчику³ должен остаться,
Сталы в ковшику прогульков дни!

Вой кансалаи десятички в книжку —
Вред ли на базю, дежад ли большой.
«Может, и есть тут теперича лишку,
Да нет, поди ты!» Махнула рукой...

В списе кофтане — почтенный либанки⁴,
Толстый, присадистый⁵, красный, как медь,
Клет подрядчик по линии в правдане,
Клет работы спол посмотреть.

Прядный народ расступается чинно...
Пот отирает кутича с лица
И говорит, подбеченясь партишно:
«Надо... пеншо... молодца!.. молодца!..

¹ Экспансия — разрастание.

² Показатель — лицо, выходящее (подразумевая забавно).

³ Подрядчик (от слова *люблю* — человек, не дожидаясь звать его к себе) — человек, озабоченный делами.

⁴ Либанки — гримасистый человек.

С Божьего, теперь по делам, — проздравляю!
 (Шашки долой — коли я говорю!)
 Бочку рабочим ивня кустовидно
 И — *кабинскому дарю!*»

Кто-то «ура!» закричал. Подхватили
 Громом, дружили, призывали... Тамды:
 С ресной десятишки бочку катили...
 Тут и ливневый не мог устоять!

Выпрыг парод лошадей — в купчину
 С криком «ура!» по дороге помчал...
 Кажется, трудом отрядной каренны
 Царствовать, генерал?..

Размышляем о прочитанном

1. Какое значение имеет в стихотворении эпиграф «Разговор в эфире»?
2. Перечитайте первую часть стихотворения. Что вы можете сказать о человеке, который так видит картину природы? Как картина природы связана с последующим развитием действия и характером персонажа?
3. Почему Нексолов вызывает голуб «аромат»? В -на проявляется власть этого цвета?
 Как вы понимаете следующие строки?

Многие — в страшной борьбе,
 К жизни призван ты, дедья бесплодные,
 Трудь обрели здесь себе...

Какая мысль выражена эпиграфом?

4. Перечитайте фантастическую картину, где изображается толпа мертвецов. Что означает их слова: «Вонны ратник», «милые дети труда»? Что мы узнаём из их песни, какой частью она вызывает?
5. Перечитайте три последних четверостишия концовки поэмы. Что символизирует путь из рига в душище Будущее? С каким чувством говорит о нём о Будущем?
6. Что думает о народе генерал, своими словами, он говорит о нём? Какими авторские отношения к изображаемому? Какие слова и выражения позволяют нам это понять?
7. Почему стихотворение обращено к детям?

¹ Дедьяков — здесь: то, что рабочее, то подвигает, быть должно ему.

Литература и другие виды искусства

Рассмотрите репродукцию картины художника К. А. Савицкого «Ремонтные работы на железной дороге». Чем идея этой картины ближе стихотворению Некрасова и чем отличается от мысли поэта?

Фонотека «Матрица»

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

«Железная дорога»

1. Как вы думаете, почему поэт на-и-дет баском о строительстве железной дороги в описанном прекрасной сцене — проезде? Почему поэт, а поэма за ним и ак-тёры люди — люди шумы: «смыслил замысл: тяжёлой и громадой жарымак ничто: ма-мом, мотом дню или бимобилиам в громаде: всё великая под великим дру-мом?»
2. Какой проём использовал поэт, ссылаясь две сценные сценки сцен, а затем го-казав страшную картину строительства железной дороги? Как актёр средствами художественного чтения воспроизводит этот проём?
3. На чём спорят актёр и споры поэта и генерала? Как позиция актёра вымота-на и это — онея?
4. Какой приём использует поэт и актёр, «забравшая» великую историю истории о строительстве железной дороги? С каким чувством актёр читает слова «бжжж-са, трудно зрячий картин-у / Нарымак, м-мом?»
5. «Железная дорога» — стихотворение в диалогической форме. Как вы понимаете роль ди в нём мысли, современные и для наших дней? Выда-те эти строки, подго-товьте развёрнутый устный ответ с обоснованием современного звучания произ-ведения К. А. Некрасова.
6. Подготовьте выразительное чтение одной из глав стихотворения.

Размышления у парадного подъезда

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
 Операнный холодецны неадутом,
 Целый город с коким-то непугом
 Подъезжает к зветным дверям;
 Записал своё имя в овалы,
 Разъезжаются гости домой,
 Так глубоко довольны собой,
 Что подумавшь — в том их призванье!
 А в обычные дни этот пышный подъезд

Осаждают убогие лица:
 Прожентеры¹, искатели мест,
 И преклонный старик, и вдовичка,
 От него и к нему то и знай по утрам
 Все курьеры с бумагами скатут.
 Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
 А иные просители плачут.

Раз я видел, когда мужики подошли,
 Деревянскими ружьями люди,
 Помогались на церковь и стали винты,
 Сажали русые пилы к груди,
 Показали швейцар, «Допустите», — похорит
 С выражением надежды и муки.
 Он гостей оглядел: некрасивы по взгляду!
 Запрелые лица и руки,
 Армянщина² куда-то пахнет,
 На котомке на спинках согнутых,
 Крест на шее и кровь на ногах,
 В самодельные лапти обуток
 (Знать, брели-то дальненько они
 Из каких-нибудь дальних губерний),
 Кто-то крикнул швейцару: «Гони!»

Наш не любит оборванной черни³!
 И захлопнулась дверь. Постыли,
 Развязали кошельки пиджачники⁴,
 На швейцар не пустил, сумасной динты⁵ не взял,
 И пошли они, солдаты палачи,
 Повторяя: «Суди его Бог!»,
 Разводя бичом божьим ружьями,
 И, откуда и надеть их мог,
 С вспокрытыми или голыми...

А владелец роскошных палат
 Вице своим был глубоким айяк...

¹ Прожентеры — работники интеллигентных профессий (инженеры).

² Армянщина (армяк) — вырванная для отпала одежда из грубой шерстяной ткани.

³ Чернь — люди из интеллигентно-крестьянского класса, разношерстные, толпа.

⁴ Пиджачник — представитель высшего сословия.

⁵ Динты — металлические пистолеты, оружие офицеров.

Ты, считающий жизнью завидною
 Упование лезвием бесстыдною,
 Волонтерство, обжорство, игру,
 Пробудись! Есть ещё наслаждение:
 Борота их! в тебе их спящими!
 На смехотворные слухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
 А земные ты держишь в руках,
 И несут эти люди безвестные
 Невнятные горе и сердца,
 Что тебе эта скорбь воинская,
 Что тебе *эка* бедный народ?
 Вечным праздником быстро бегущая
 Жизнь очнуться тебе не даст,
 И к чему? Щелкпальеро¹ любовью
 Ты пародное благо зовёшь:
 Без него проживёшь ты со славой,
 И со славой умрёшь!

Безмятежной аркадной изидлино²
 Закатятся преклонные дни:
 Под плавнательным небом Сашелна,
 В близковонной дрезесной тени,
 Совершал, как солнце пурпурное
 Погрузаются в море лазурное,
 Полосами его золоты, —
 Убаюкаемый ласковым певцом
 Средиземной волны, — как дая
 Ты усойнись, окружён пипеченнами
 Дорогой и любимой семьёй
 (Ждущей смерти твоей с нетерпением);
 Пришлют к нам останки твои,
 Чтоб почтить похоронную трианую³,
 И сойдёшь ты в могилу... герой,
 Втихомолку проклятый Отчизною,
 Возвеличенный гражданской хвалой⁴...

¹ Щелкпальеро — безобразный, неумный, грубый человек, невежда, педант.

² Аркадная изидлино — безмятежная, спокойная жизнь, отдых на курорте или в дачном доме.

³ Триана — похоронный обряд.

Вспомню, что ж мы такую особу
 Великою для многих людей?
 Не на вид ли нам выместить злобу?
 Незнаемой... Кипит жосткой
 В чьей-нибудь присяжке утешивая...
 Не беда, что потеряет мужик:
 Так недаром нас прощаденье¹
 Указало... да он же признан!
 За астазой, в харчевне убогой
 Небь пропьют бедняки до рубля
 И пойдут, набравшая дорогой,
 И застанут... Родная земля!
 Назови мне такую обитель,
 Я такого угла не видал,
 Где бы обитель твой и хранитель,
 Где бы русский мужик не стоял?
 Стонет он по полям, по дорогам,
 Стонет он по тюрьмам, по острогам,
 В рудниках на железной цепи;
 Стонет он под окном, под стеною,
 Под телегой, ночью в степи;
 Стонет в собственном бедном домишке,
 Свету Кожьяго солнца не рая;
 Стонет в каждом глухом городишке,
 У подъезда судов и палат.
 Выдь же Волгу: чей стон раздаётся
 Над великою русской рекой?
 Этот стон у нас песней кончается —
 То бурлаки идут бечевой!..
 Волга! Волга! Весной многоводной
 Ты не так зленилаешь поля,
 Как великою скорбью народной
 Переполнилась наша земля. —
 Где народ, там и стон... Ох, сердечный!
 Что же значит твой стон бесконечный?
 Ты проснёшься ль, исполненный сил,
 Иль, судеб познавшись закону,

¹ Дарованием Дарования — и разгневана, наказана: всякая беззастенчивость, утрачивающая судьбы людей.

Всё, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно повесил почуд?..

ИЗ ВСПОМИНАНИЙ А. Я. ПАНЗЕВА

Стихотворение «Размышления у парадного подъезда» было написано Некрасовым, когда он находился в хандри¹. Он писал тогда целый день на диване, почти ничего не ел и никого не принимал.

Накануне того дня, как было написано это стихотворение, я заметила Некрасову, что давно уже не было его стихотворений в «Современнике».

— У меня нет желания писать стихи для того, чтобы прочесть двум-тремя лицам и спрятать их в ящик письменного стола... Да и такая пустота в голове: никакой мысли подходящей нет, чтобы написать что-нибудь.

На другое утро я встала рано и, подойдя к окну, заинтересовалась крестьянами, сидевшими на ступеньках лестницы парадного подъезда в доме, где жил министр государственных имуществ.

Была глубокая осень, утро было холодное и дождливое. По всем вероятностям, крестьяне желали подать какое-нибудь прошение и спозаранку встали к дому. Швейцар, выметая лестницу, прогнал их; они укрылись за выступом подъезда и переминались с ноги на ногу, прижавшись у стены и промокая на дожде.

Я пошла к Некрасову и рассказала ему о виденной мною сцене. Он подошёл к окну в тот момент, когда дворники дома и городово́й гнали крестьян прочь, толкая их в ступень. Некрасов искал губы и нервно пощипывал уши; после быстрого взгляда на окны и ушёл опять на диван. Через черк для меня стихотворение «У парадного подъезда».

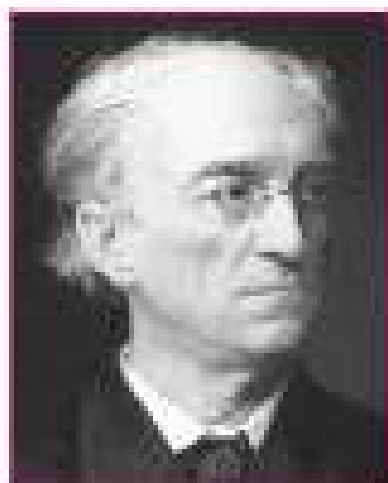

Размышляем о прочитанном

1. Прочитав текст стихотворения г-на поэта? Какие чувства хочет разбудить в читателе Некрасов?
2. Как изменили впечатление о стихотворении (от восприятия к интуитивному, а при осознанном, интеллектуальном прочтении, а затем к жалебному стону и вставанию к надуманному автору?) Как эти изменения связаны со стилем?
3. Сцене у парадного подъезда рассказала поэту А. Я. Панзев, его возлюбленная. Как вы думаете, только ли этот конкретный эпизод вдохновил поэта? Подготовьте устный доклад, оформив его иллустрациями к тексту.

¹ Хандра — болезнь, вызванная истощением.

ПОЭЗИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Фёдор Иванович ТЮТЧЕВ

1803—1873

Ф. И. Тютчев.
Художник
С. С. Альмовицкий.
1876. Суздаль.

Лев Толстой как-то обронил: «Без него нельзя жить». Эта необычайно высокая оценка творчества прославленного классика русской и мировой литературы не единична. Тютчеву — глубочайшему русскому лирику-мыслителю — признавались в любви многие поколения читателей, а среди них мы встречаем и тех, кто сам был славою мировой культуры.

Тютчев был свидетелем потрясших планету социальных событий, глубочайших духовных исканий и мук. Он сам — один из величайших социальщиков, эстетиков — всё как данное ему дурь Смерти:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их вьсоних зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И живо, как небожитель,
Из чаш их бессмертье пил!

«Вызают минуты. — говорил Тютчев о себе. — когда я задыхаюсь от своего бессильного оснований, как живо погребённый, который в юлаче прихорит в себя».

Неудивительно, что бурное время вошло в его поэзию и воплотилось в прекрасных стихотворениях, полных тревожными мыслями и настроениями.

Тютчев всегда волновало отчаяние человека и природе, их противостояние и возможность единства. Человек у Тютчева стремится жить в согласии с природой, стать её частью даже ценой собственной гибели. Вместе с тем ему жаль своего внутреннего духовного мира, который так же немощнее, как и мир природы. В этих поисках единства человека с природой, с историей, с бытием, во всей вселенной бьётся мысль Тютчева, ищущего природу, историю и человека в непрерывном, постоянном движении, в противоборстве, в некайенных переменах, в переходах в качественно новые состояния.

«Фонтан». Стихотворение было написано Тютчевым в 1836 году, в период расцвета галлицизированной лирики, когда мода на итальянские кашемиры была в моде. В стихотворении есть не только для необычайно выразительное изображение фонтана, но и уподобляет его какому-то человеческой мысли. Фонтан и мысль у Тютчева во многом сходны. Во-первых, фонтан похож на живое облако, во-вторых, весь окутан светом: он предстает «сияющим», «пылью опещетной», он «пламенеет», его освещает солнце, он «лучино поднимается к небу». Но жизнь его скоротечна: «касаясь высоты заветной», он «умирает». Так повелся ему архитектоника.

Человеческая мысль, тоже своеобразный водоворот, несущий свет, но темной — свои разумы. Она, в отличие от струи фонтана, не дышит углем и духом человеческим. Она поднимается непостижимому закону, который повелевает ей быть непостижимой и кончаться никак, каждый раз летя к небу. Но и ей, как и живому предмету, она тоже смертна: однажды неизменно-роковая смерть дум мысли с высоты. Тютчев бьётся над противоречием, заложенным в устройство бытия: почему человекская мысль ограничена при неистощимой жажде познания и что скрывается за таким устройством бытия — добро, благо или зло? Загадка, которая вряд ли когда-нибудь будет разрешена...

ФОНТАН

Смотри, как обильно летит
Фонтан сияющий клубится;
Как пламннит, как дробится
Его на солнце влажный дым.

Приспаны, фонтан и мост в парке. Выст из альбома с видами усадьбы Марфино, 1870-е. Государственный музей

Лучом подымаешь к небу, ой
 Коснулася пылота ливетной —
 И сонна мысль пинивитной
 Ниснасть на жемло оруждан.

О смертной мысли водимёт,
 О водимёт констоприной!
 Какой жемло непинивитной
 Тебя стремит, теба мает?

Как жемло к небу рвешее ты!
 Но длань паразмо-рековая
 Твай луч упорный, преломляя,
 Свергает в брызгах с высоты.

Размышляем и читаем

1. Каким краскам в стихотворении «вырваться» поэта?
2. Как воплощена Тютчевым образная «лагуна» поэта и выразительность человеческой мысли?
3. Какие лексика и словоупотребление Тютчевым по-прежнему «живые», «свежие» и «старые» — ну мысль нестареет. — «слова» — «мысль»?

Ещё земля печалью вьёт,
 А воздух уже жизнью дышит,
 И мёртвой в поле стволы жужжат,
 И влей ветви шевелит.
 Ещё природа не проснулась,
 Но сквозь редкие почки сна
 Весну послышали она
 И ей невольно улыбнулась...

Душа, душа, соня и ты...
 Но что же вдруг тебя волнуёт,
 Твой сон ласкает, и шлужет,
 И жмурит твои мечты?...
 Белеет и такт слывы снега,
 Белеет лазурь, веревт кровь...
 Или весення то нега?...
 Или то женская любовь?..

«1836»

Размышляем и читаем

1. В каком плане не самых «ясных» и радостных стихотворений Тютчева и жизни — пейзажи и пейзажи природы — «раздаётся» «лагуна»? — «слова» — «мысль»?
2. Какие лексика, метафоры и сравнения воплощены поэтом, чтобы «сказать» образ наступающей весны в природе — весны и душе человека?

«Неохотно и несмело...» Тютчев часто изображал природу в её промежуточных состояниях — в переходе от весны к лету, от лета к осени, от осени к зиме, от зима к весне или от ночи к утру, от дня к вечеру и от января к юню. В такие минуты ему острее и живей открывались тай-

ны природы. В стихотворении «Насмелно и несмело...» робкое солнце освещает и греет поля. Но вот приходит весенняя гроза, и наступление весны, её победа над зимой становится осязаемым и очевидным. Очистительная гроза сметает оставшуюся после зимы пыль с полей, промывает всё вокруг, и природа предстаёт обновлённой, прекрасной и сама в смятении удивляется этому чудному преобразованию. Теперь уже никак нельзя сомневаться, что весна пришла и начала своё победное шествие по воскресшей от зимней спячки земле.

Насмелно и несмело
Солнце смотрит на поля,
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра теплого паряны,
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил её края.

Надле капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громаются
Вой сердитый и смелый.

Солнце раз ещё взглянуло
Неподобья на поля,
И в сиянье погонуло
Всё смутенное земля.

Размышляем и прочитаем

1. Какая картина природы видится вам при чтении стихотворения? Какие настроения передаёт автор поэт?
2. Найдите эпитеты, сравнения, которые помогают автору выразить своё настроение наступившей весной и восхищение весенним солнцем.

3. Какой приём используется поэтом в 1-ом и 3-ем выражении: «солнце смотрит на поля», «пронизанная земля», «Солнце раз ещё разя убожество на полях», и в начале 4-ого и во 2-ой строке? «Солнце раз ещё разя убожество на полях», и в начале 4-ого и во 2-ой строке? Что с помощью этого приёма достигается?
4. Использован ли в стихотворении приём звукописи? Если использован, то с какой целью?

Фонетический

СЛУШАЕМ АНТИЧСКОЕ ЧТЕНИЕ

«Наскожно и несмава...»

1. Как автор передаёт нарастание страстности грёзы? Какие выразительные средства художника языка и стиха использует в этом?
2. В первой и последней строках противопоставлены образам днём. В чём различие этих картин? Как это различие передаёт автор?
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения, постарайтесь передать смену переживаний лирического героя.

Стихотворение «Умом Россию не понять...» Ф. И. Тютчев написал 29 ноября 1866 года, а опубликовано оно было через два года — в 1868 году.

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Работаем с прочитанным

1. Это одно из самых известных стихотворений Тютчева и одно из самых трудных для толкования. Почему Тютчев считает, что «Умом Россию не понять»? Почему эту противоположность вера? Какие эмоции передаёт автор своим «умом»?
2. Что это за особая «стать», которая нельзя «измерить» Россией? Как вы понимаете слова «У ней особенная стать» / «В Россию можно только верить»?

Афанасий Афанасьевич ФЕТ

1820 — 1892

А. А. Фет.
Художник
И. Е. Репин. 1882.
Школьный кабинет

В седьмом классе мы продолжаем разговор о поэзии Афанасия Афанасьевича Фета, начатый год назад. Вы уже знакомы с биографией замечательного лирика, читали и обсуждали некоторые его стихотворения. В этом году мы предлагаем вам прочитать и проанализировать ещё два стихотворения, очень важные для понимания фетовской поэзии.

Одним из самых известных произведений А. А. Фета стало стихотворение «Шепот, робкое дыхание...». Почему? На этот вопрос отвечает литературовед Е. А. Маймин: «Всё в этом лирическом произведении для современников Фета было новое, и все бросалось в глаза своей неожиданностью. Стихотворение построено на одних назимных предположениях. Ни одного глагола. Только предметы и явления, которые называются одно за другим: *дышит — любим — дышит — любим — дышит — любим*...»

Но при всём том предше нам и впечатляющим стихотворение не кажется. Это и есть, может быть, самое удивительное и неожиданное. Предметы у Фета не предметны. Они существуют не сами по себе, а как знаки чувства и восторга. Они чуть смитены, виртуальны. Главная задача стихотворения — между словами, за словами. За словами и основная тема стихотворения: чувство любви. Чувство, конечно, словами не выразим, — выразимся иначе. Так и любил до Фета ещё никто не писал... Последнее слово стихотворения: *И зоря, зоря...* звучит не в ряду других, а выделенно. Зоря — это не среднее явление, а сильная метафора, сильная концовка... Зоря — высшее выражение чувства, свет любви.

Словом, звуком, намеком, передачей эмоционального состояния поэт сумел выразить невыразимое для языка человека, лишённого поэтического

го дара, поэтического видения. Об этом стихотворение «Как беден наш язык...».

Шепот, робкое дыхание,
Трели сапона,
Серебро и колыхание
Сонного ручья,

Свет почтой, почтовые тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Малого лица,

В дымных тучках пурпур рамы,
Субъект ягдир,
И дойки, и сливки,
И жарк, жарк!

Работаем и прочитаем

1. Каков язык у изобретателя поэт?
2. Есть ли неожиданные в описании пейзажа и бытовых предметов?
3. Как меняется пейзаж автора поэта и настроение поэт?
4. Почему для выражения в своих стихах поэт не нуждается в метафорах?
5. Какие картины передают пейзаж поэта?

Как беден наш язык! Хоть и не язык,
Не передать то в ни другу, не врагу,
Что бубенует в груди прозрачного полотна,
Напрасно печалью тоскуют сердца,
И клонит плечу маститую мудреца
Пред этой ложью розовой.

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души и траз певный запах;
Так, для безбрежного покаяния акулы дол,
Летит за облака Юпитера орёл,
Сноп молнии несёт мгновенный в верных лапах.

Размышляем о прочитанном

1. Кто более правдив, по мнению вами, вернее свои мысли и чувства — мудрец или слепец?
- 2★. Почему для мудреца язык слепца «беден», и он не может точно передать о слепце чувства и мысли, которыми «полон»? Почему он понимает гораздо меньше абстрактных законов мысли и чувств, возможно наоборот?
3. Почему слепец ставит предметные вопросы перед мудрецом? Почему просят «жизнь карьеры» «К темной бочке души и для важной записи»?
4. Какой человек правед, мудрец или слепец? — кто-то?
5. Кто понимает слова «вспышкой мысли свет», «Так, для Сократовича познание мудрости для, легче на «Клима Клеопатра» правда и потому и «Клеопатра» «Клеопатра» и «Клеопатра»?
6. Почему мудрец не может передать правду, высказывая чувства и мысли, а слепец преодолевает эти трудности мгновенно и легко?

Михаил Евграфович САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

1826—1889

В кондон парадонном человеке русской земли Ще-
дрин имеет глубокого почитателя.

Н. Г. Чернышевский

У Щедрина великодушная, чисто народная, ниткая
сила...

Л. Н. Толстой

М. Е. Салтыков-Щедрин.
Художник
А. А. Крамской 1873
Брегенц

В Тверской губернии, среди болот и лесов, раскинулось родовое поместье Салтыковых — село Спас-Угол. Здесь в 1826 году родился Михаил Евграфович — будущий великий писатель Н. Щедрин (таким поощрением был себе М. Е. Салтыков).

Его отец, Евграф Васильевич, принадлежал к старинному дворянскому роду. Однако материальное положение семьи было далеко не блестящим. Евграф Васильевич женился на Салте Михайловне Забелиной, дочери московского купца. Она отличалась прямотой и властным характером, практичностью, неуёмной энергией — качествами, которыми совсем не был наделён её муж. Борьбистость, даже догматизмо безраздельно зацарились в доме Салтыковых.

«Я вырос на лоне крепостного гнета...» — вспоминал писатель впоследствии. Все ужасы крепостной действительности и тёмном — на религиозном и обшажном виде паршил перед глазами наблюдательного и впечатлительного мальчика. Он рано познакомился с жизнью в бытии дирекции, со стремлениями и надеждами крестьян. Это только одного дарового я знал в лицо, но и злого мужика. Я любил говорить, расспрашивать. Крепостное право, тяжёлое и грубое в своих формах, сблизало меня с подневольными массами.

Учёба началась очень рано. Первые познания во французском языке он приобрёл ещё в пятирёхлетнем возрасте, несколько позднее стал заниматься немецким языком. С русской грамотой познакомил его крикостной журналист Павел, затем умерла старшая сестра Надежда. В возрасте 7—8 лет приистрастился к чтению, которое стало неиссякаемым источником его быстро растущих знаний.

Затем Салтыков поступил в третий класс Московского дворянского института — бывшего университетского Банковского пансиона, из стен которого вышли П. Жуковский, А. Грибоедов, М. Лермонтов. В числе лучших учеников Салтыкова поэтара направил в Царскосельский лицей, где уже было воспринято понятие об А. Пушкине. В лицее началась его литературная деятельность.

После выхода из лицей. весной 1845 года, начинается его служба в канцелярии Военного министерства, обострившая в нём чувство справедливости, ненависть к социальным несправедливостям. Проявились первые повести — «Пропавшие», «Запутанное дело».

В повести «Запутанное дело» князь усадебный окрикнул непозволительно, и писатель был сослан в Вятку, где пробыл почти восемь лет.

Вятская ссылка дала Салтыкову ясное представление о жизни широких слоев простого народа. В своих последующих произведениях — повестях, сказках — Салтыков-Щедрин остаётся верным обездоленному народу.

Сказки Щедрина — произведения юмористические. Сам писатель своим манеру писать начался учиться у великого юмориста, по имени древнему: Библиоскоп Элия.

В 1889 году Салтыков-Щедрин умер. «В лице его Россия лишилась лучшего, справедливого и энергичного защитника правды и свободы, борца против зла, которое он своим сильным умом и словом разил в самом корне...» — писали тифлисские рабочие в год его смерти.

По В. И. Баскову, С. А. Жолдану

?! Проверьте себя

1. Как отразилась детство писателя отражено в его произведениях?
2. Почему Салтыков стал Щедрин? Об этом есть целый ряд версий¹. Одну из них написал сын писателя К. М. Салтыков-Ш. Мало кому известно, откуда у него появилось название «Щедрин».

Дело обстоит так. Есть, когда он работал над не опубликованной повестью, посвящённой некоему помещику из провинции — «Дурачок» фамилия... Как мать и покровитель ему набрать помещику имя: «Щедрин» в слове «Щедрин»? т. е. он в своих произведениях был человек чуждым духом на южного народа (армяне)².

Есть и другая версия. Этой повестью связывает со словом «Щедрин» (слад от дара). Как бы вы объяснили смысл повествования писателя?

¹ Жолданович — выражение к этому типу писателя: юмористическое, содержащее скрытый смысл.

² Версия — рассказ, вымысел, выдумка, выдумка.

³ Сербия — восточноевропейская страна, входившая в состав Российской империи.

Никого не удивит имя известного писателя на книге, озаглавленной «Сказки для детей младшего возраста». Народная сказка вдохновляла многих... Пушкин и Лермонтов, Перро и Андерсен сочиняли свои сказки, в которых мы чувствуем и отпечаток личности писателя, и тот родник на роду ой фантазии, на которого он жертвал своим могуществом.

Сказки Щедрина несказательны, автор хочет, чтобы читатель это понимал.

Прочитайте сказку М. Е. Салтыкова-Щедрина «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». Попробуйте определить, в чём сюжет образна сказки писателя.

Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил

Жили за быва два генерала, а так как оба были хотевмысленны, то в скором времени, по щучьему велению, по моему хотению, очутились на необитаемом острове.

Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре, там родились, воспитались и состарились, следовательно, ничего не понимали. Даже слов никаких не знали, кроме: «Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности».

Упразднили регистратуру за ненадобностью и выгнали генералов на волю. Оставшись за питием, поселились они в Петербурге, в Подъячешской улице, на разных квартирах; имели каждый свою кухарку и получали пенсию. Только вдруг очутились на необитаемом острове, перекулись и выжили: оба ведь сидели одним животом. Разумеется, сначала ничего не поняли и стали разговаривать, как будто ничего с ними не случилось.

— Странный, ваше превосходительство, мне нынче сон снится, — начал один генерал, — вижу, будто живу я на необитаемом острове...

Знавал это, да вдруг так вымочит! Вскочил и другой генерал.

— Господи! да что ж это такое? где мы? — воскликнули оба по своему голодом.

И стали друг друга опухивать, точно ли не во сне, а наяву с ними случилась такая история. Однако, как ни старались уверить себя, что всё это не больше как сонное видение, пришлось убедиться в печальной действительности.

Перед ними в одной стороне расстилалось море, с другой стороны земля небольшой площадью земли, за которой следовало всё то же бескрайнее море. Запилихали генералы и первый раз после того, как закрыли регистрацию.

Осталось еще друг друга рассматривать и увидели, что они в почках рубашках, а на швах у них висит по орасу.

— Теперь бы кофеёчку выпить хороше¹ — молвил один генерал, но вспомнил, казан с ним неслыханным шутка случилась, и во второй раз хмыкнул.

— Что же мы будем, однако, делать? — продолжал он снова сдвигаясь, — сидеть теперича дожда папидать — какая польза из этого выйдет?

— Вот что, — отвечал другой генерал, — подите вы, ваше превосходительство, на коток, а я пшшу на задид, а к котору отеть на этом земле сойдёмся; может быть, что-нибудь и найдём.

Ожили жидить, руж висок и где земля. Вспомнили, как нявткили однажды говорили: «Если конечно съехать восток, то земля сама на носу, а в правой руке выступит какашка». Начали искать, куда, ступалились так и так, перепробовали все страны света, но так как всю землю осуждали в регистратуре, то ничего не пошло.

— Вот что, ваше превосходительство: вы победте вправо, а я влево: жаждем ярише буда² — сказал один генерал, который, кроме регистратуры, служил ещё в школе военных канцелярских училищам каллиграфик³ и, следовательно, был поумнее.

Сказано — сделано. Пошли оба генерала направо и влево — за ступ деревья, а на деревьях висели плоды. Коже генерала достать хоть одно поближе, да все так высоко висит, что надобно лезть. Попробовал полезть — ничего не вышло, только рубашку наорвал. Пришёл генерал к ручью, выпил: рыба так, словно в салве на Фонтанке, так и копил, и копил.

«Вот кабы этакое то рыбёк за на Пидарюкскуде — подумал генерал и дёше и люди наживались бы яплётикой.

Вспыл генерал в лес — а там яблокки висят, а там же кокует, а там же бегает.

— Господи! оди-то! оди-то! — сказал генерал, почувствовал, что это уже начинается типинить.

Делать нечего, пришлось выкручиваться на удивленные место с пустыми руками. Приходит, а другой генерал уж дожидается.

¹ Шифер будымыт хушкышкыш — напиток, который пили до революции.

² Жаждем будымыт — напиток, который пили до революции.

— Ну что, ваше превосходительство, присмелел что-нибудь?

— Да вот нашёл старый номер «Московских ведомостей»¹ и больше ничего!

Могли опять-таки генералы, да не спител им пароходов. То беспарконт их мысль, кто на них будет совсемо получить, то принохотылось виданным днём: плоды, рыбьи, рыбачьи, тигриво, хойцы.

— Кто бы мог думать, ваше превосходительство, что человеческим планом, и переманываниям немал, летит, планиет и на деревьях расстёт? — сказал один генерал.

— Да, — отвечал другой генерал, — признаться, я и до сих пор думаю, что будны в том смысле вице родятся, как их утром к кофею подают!

— Стало быть, коли, например, кто хочет бурелайку сделать, то должен сначала ее казнить, убить, оцинить, изжирить... Только как всё это сделать?

— Как всё это сделать? — словно эхо, повторил другой генерал.

Наматанам и плелом зарылось ажуром: но плелом ринутышкам сплетил сам.

Рыбачьи, индейки, поросенки тик к мясному перел, таянны, вичные, слезы подружниченько, с отутнями, пёкучими и другими вылетуа.

— Теперь я бы, какетон, своей роботецный виной ушёл! — указал один генерал.

— Хорошо тоже перчатки бываешь, когда долго ношеешь! — вложил другой генерал.

Царюе оба генерала взглянули друг на друга: в глазах их встретилась злобная орошь, зубы стучали, во груди вылетало стухое рычание. Они начали медленно подползать друг к другу и в одно мгновение она остервенелись. Полетали хлопья, раздался визг и окаясь; генерал, который был учителем каллиграфов, откусил у своего товарища орды и похоронно прошептал. Но вид стучущий: дрочка или будто обржумил их.

— С нами краткая степь! — кричали они оба разом. — Ведь ятак мы друг друга звали! И как мы узнали связь эти ты явдны, вострый над нами лабула шутку сыграл!

— Надо, ваше превосходительство, канни-кабуде разговором развлечься, а то у нас тут унылость будны! — приговорил один генерал.

— Пешивайте! — отвечал другой генерал.

¹ «Московские ведомости» — старейшая газета. И. Е. Сажин и Шадрин издавали её под псевдонимом «Бессарабия» и великой историчностью.

— Как, например, думаете вы, почему женщины прежде выходят, а потом заходят, а не наоборот?

— Странный вы человек, ваше превосходительство: по воде и вы прежде выходите, идёте в департамент, так пешком, а потом дожидаетесь ехать?

— По интересам же вы допустите такую переделочку: сперва дождётесь ехать, а уже различные соображения, а потом выход?

— Так, да... А вы, например, как ступила в департамент, всегда так думает: «Вот теперь утро, а теперь будет день, а теперь пора уже начинать — и спать пора!»

Но упоминание об ужасной болезни повредила и унылила и превратила разговор в самое начало.

— Слышал я от одного доктора, что человек может долгое время своим собственными силами пытаться, — начал опять один генерал.

— Как так?

— Да так же. Собственными силами будто бы пролаживает другие люди, ят, в свою очередь, ещё приближает свои, а так далее, пока да, наконец, свои силы не прекратятся...

— Тогда кто ж?

— Тогда подобно пшцу кому-нибудь покинуть...

— Тыфу!

Одним словом, о чём из начинали генералы разговор, он постепенно сводился на жеманничанье и вде, и жем ещё более раздвигало и шипит. Поужинали: разговоры прекратились, всеобщие в найденном номере «Московских ведомостей», как ни размазались читать это.

«Вчера, читая вышеизложенным разговор один генерал, у почтенного печальника нашей древней столицы был парадный обед. Стол сервирован был на сто человек с роскошью изумительного. Дары всех стран памятники себе как бы радеву¹ на этом политическом празднике. Тут была и шекспировская стерлядь золотая², и пятимедь ледов кавказских — фазан, и, столь редкая в камее севере в феврале устрица, желтинка...»

— Тыфу ты, господи! да как это же наше превосходительство не может войти другого предмета? — как-то кричал в отчаянии другой генерал и, взяв у товарища пачку, прочёл следующее:

«Из Тулы пишут: вчерашнего числа, по случаю помояки в реке Уте осетра (прозвиществе, которого не выкинут даже старожилы, тем во

¹ Радеву — ослица (осл.).

² «Шекспировская стерлядь золотая» — шельма по шекспировски. Державин, «Грибоедов к обеду».

лив что в посеве был показан частный артист¹ Б.А. был и здешним клубе фиселланд². Виснования таракетны поехали на громадном деревянном блоде, обложившего отурчакими и держащего в пасти кусок железа. Доктор П., бывший в тот же день дежурным старшиною, заботливо наблюдал, дабы все гости получали по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая...»

— Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишком осторожны в выборе чтения! — прервал первый генерал и, взяв в свою очередь, газету, прочёл:

«На Ветки пишут: один из здешних старожалов изобрёл следующую оригинальный способ приготовления ухи: взял живого палема, предварительно его высечь; когда же, от огорчения, перемь его увеличится...»

Генералы поинкли головами. Вей, не что бы они ни обратили кнурь, — всё складывалось как-то нёвде. Собственные их мысли злоумышляли против них, ибо как они ни старались отонить представления о бифидатексия, но представляемая эти приближали себе путь насильственным образом.

И вдруг генерала, который был учителем каллиграфии, сморкнул кшакнования...

— А что, ваше превосходительство, — сказала ей радостно, — не ли бы нам пойти мужика?

— То есть как же... мужика?

— Ну да, простого мужика... канне обыкновенно бывают мужики! Он бы нам сейчас и булок бы подак, и рбчиков бы паловил, и рыбы!

— Гм... мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет?

— Как нет мужика — мужик везде есть, стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает!

Мысль эта до того ободрила генералов, что они выжили как вострянные и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову без всякого успеха, но, наконец, острый запах мякинного хлеба и кислой ошенин навёл их на след. Под деревом, брехом кверху и пидлажия над пизину мужик, спал громаднейший мужичина и самым выхальным образом уклонился от работы. Неподвижный генералов предом не было.

¹ Частный артист — нульник осунувшего участка в театре.

² Фиселланд — здесь: индустрия.

— Служань, дажубонд¹ — нажинулань она на анги, — небось и ухмы не ведать, что тут для генерала вторые сутки в голоде ухаживать! свято марш работать!

Вот уж мужичишка: видит, что генералам мерзкие. Хотел было дать от них заручка: ни она так и жужженье, крещеникось в него.

И зря он город никак добывать.

Наша конраж-интерни на деревню и конраж конражам по думатку сивых спетых жблонки, и себе взял одно, пеклене. Цитам похотелось в жблон — и добыл аггуай партыфланшу: побоя жблон для пущей дёрва, потер их друг об дружку — и нашёл огонь. Потому из собственных волос сделал индок и побудил рблчика. Наконец, развёл огонь и нашёл столько разной провехани, что генералам пришло даже на мысль: «Но дать ли к трёмцанду чистячку?»

Смотреть генералам на эти мужичишки старини, и дёрва у них себе ширала. Они уже забыли, что вчера чуть не ушари в шблону, а думают: «Вот как оно мерзко быть генералам — ищут ни при какой!»

— Давольте ли вы, господа генерала? — спрашивал между тем мужичишка-лежбон.

— Давольте, любезный! друг, задум тебе усердие! — отвечали генералам.

— Не позволите ли теперь отдохнуть?

— Оудакны, дружок, только икней прежде верёвочку.

Набрал сейчас мужичишка дёрвай конвалты, развёл в воде, поколенил, пожел — и в кончу верёвки были пелени. Наше мерзкое генералам приносили мужичишке к дереву, мтай не уйке.

Прошёл день, прошёл другой: мужичишка до того наловчился, что стал даже в пригоршине суп варить. Сделались наши генералам пессельные рыканы, сылье, белые. Огнём лисорить, что вот они здесь ни в чём готовом живут, а в Петербурге между тем пошлой икней всё никак-никак-каким ли никак-никак-каким.

— А как вы думаете, какие преимущественно, в каком ли деле была величественная стилистическая², или это только так, одно икней-лашке? — говорит, бывало, один генерал другому, поамтракаивше.

— Нушпа, наше просождительство, что было в самом деле, потому что иначе как же объяснить, что на свете существуют разные лапки?

— Стало быть, и потом было?

¹ Давольное удовольствие — по б. восточной гонимой, мотане Дринате Кавказа гонимых гонимых слов (близкой гонимой ра неба; в названии за дёрвай конвалты Бат-контини-ла-ла-ла, «спрашиваю, разрешаю ли, или я это даю».

«Повесть о том, как один мужик двух генералов проманил». Художник *Н. Е. Мухомов*

— И патше был, потому что в противном случае как же было бы объяснить существование десятков тысяч эзеров? Тем более, что в «Московских ведомостях» повествуется...

— А вы почитаете ли нам «Московских ведомостей»?

Сыщут номер, усядутся под тенью, прочтут от доски до доски, как если в Москве, если в Туле, если в Пензе, если в Рязани — и шепчут, не топчут!

Долго ли, коротко ли, однако генералы соскучились. Чинше и чинше стали они припоминать бы оставленные ими в Петербурге бухары как в вихоринскую даже тоннажину.

— Что-то теперь делается в Подьяческой, вице-прежсудательство? — спрашивает один генерал другого.

— И не гонорите, нише прывасходитманьскя! ней хорше каньскя! — отвечал другой генерал.

— Хораша-то оно хорошо здесь — слова нет! а всё, знаете, как-то незлобно баранку без яроши! да и мундиры тоже знаешь!

— Ещё как жалко-то! Особливо, как четвертого класса, так по оно шитье посмотреть, талопа накружится!

И начали они гудить мужика: представь да представь их в Подьяческую! И что же! оказалось, что мужик знает даже Подьяческую, что он там был, мед-шию пил, по усам текло, в рот не попало!

— А ведь мы с Подьяческой генералы! — обрадовались генералы.

— А я, коли видел: знает человек снаружи дома, в щичке на верёвке, и плечу кривкой движет, или по крыше словно муха ходит — это он самый ж и есть! — отвечал мужик.

И начал мужик на бобах разводить, как бы ему своих генералов перепознать жё ты, что они нию, туньядя, жельканы и мужицким эти трудом не гнушались! И выстроил он корабль — не корабль, а тисую посудину, чтоб можно было океан-море переплыть плыть до самой Подьяческой.

— Ты сюсюки, паявка, жемалка, ни утиси жю! — сказала гонориды, увидев покачивавшееся на волнах ладью.

— Будьте покойны, господа генералы, не шершой! — отвечал мужик и стал готовиться к отъезду.

Выбрал мужик пуху лебяжьего мягкого и устлал им дно лодочки. Уселавши, улежал на дно генералов и, перекрестившись, поплыл. Сколько набралось страху генералы во время пути от бурь да от ветров разных, сколько они ругали мужичину за его тупеядство — это ни пером описать, ни в сказке сказать. А мужик всё гребёт да гребёт, да кормит генералов оладками.

Вот, наконец, и Нева-матушка, вот и Екатерининский славный канал, вот и Большая Подьяческая! Беловсуды кухарки ружьями, уки девши, какие у них генералы стали сытые, белые да всеобые! Нашлись генералы кофимо, вездесь сдобных булок и видели мундиры. Поплыли они в казначейство и сколько тут денег загребли — того ни в сказке сказать, ни пером описать!

Однако и всё мужичке не айбыли: выслали ему рюмку водки да пятак жембун! выжались, мужичина!

¹ Число делится на четырнадцать классов. Высшим был первый класс. Четыре четвертого класса в гвардейской службе — действительный статский советник. Мундиры означаются перлами «с жем» и «без жем» — различие в количестве делов.

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

М. Е. Салтыков-Щедрин. «Повесть о том, как один мужик
двух генералов прокорнил»

1. Генералы по характеру службы и образу жизни так похожи, что отличить их друг от друга, казалось бы, невозможно, но актёр старается придать каждому из них хоть какую-нибудь индивидуальность. Как это удаётся сделать актёру? Как вы думаете, зачем это было необходимо сделать актёру, читателю или слушателю?
2. Какими средствами выразительного чтения актёр передаёт состояние генералов во время прямой речи «Молодцовских выдалосей»?
3. Как преображаются речь генералов, их тон, интонационная окраска, когда они начал читать, полны от его опитывать?
4. Достаточно «философские» размышления генералов с их обоснованными выводами того, как мужик не выжил. Как актёр передаёт разницу в состоянии мышления во время пологого бездумного и к период вырост благословения?
5. Какие туфленные мысли и чувства открыты в, казалось бы, безразличном произнесении актёром слова «Молодцо при ругани мужиков» та или генералов — это по ни пером сказать, не в скалке сказать. А мужик всё гребёт да гребёт, да кормит генералов гнильдомом?
6. Подготовьте выразительное чтение сказки, подкрепив его при этом выразительными жестами, позы, мимикой, интонацией.

Читаем самостоятельно

Прочитайте самостоятельно ещё одну сказку М. Е. Салтыкова-Щедрина — «Диний помещик». Попробуйте, к каким сказкам можно её отнести — к юмористическим или к сатирическим. Объясните название сказки и события, прокомментируйте в ней такие литературные приёмы, как гиперболы или гротеск. Если да, то с какой целью автор использует их? Попробуйте помер. Против каких пороков тогдашнего общества направлена сказка «Диний помещик»?

Подготовьте художественный пересказ сказки или выразительное чтение текста, подкрепив при этом актёрскими средствами.

Диний помещик

В помещице из деревни, в помещице из деревни была помещица. Жила, на свет глядящая, радовалась. Всегда у него было двенадцать пирожков, и хлеба, и скота, и земли, и садов. И был тот помещик глупый, читал газету «Вестник» и тело имеет матовое, белое и растрепанное.

Только я взмолился однажды Богу этот помещик:

— Господи! перся и от тебя доволен, перся награждён! Одна только сердцу моему вперенушно: очень уж много развелось в кашем царстве мужиков!

Но Бог знал, что помещик был глупый, и прощенья ему ни коим,

Видит помещик, что мужики с каждым днём не убавятся, а всё прибавятся, — видит и опасается: а ну, как он у меня всё добро приест? Выдвонет помещик к гавиту «Выстка», как в сём случае поступить должны, и причитает: старайся!

— Одна только слово выписано, — молвит глупый помещик, — а жалею же я людей!

И начал он стараться, и ни то чтоб как набудь, а всё по правилу.

Курица дву крестьянства в господстве апса набродёт — сейчас её, по правилу, а суп; дрова дву крестьянству нарубить по скарету и то спадком лесу одберется — сейчас оти самые дрова на господский двор, а с порубщика, по правилу, штраф.

— Больше я пынче этими штрафами на них действуюсь — говорят помещик: посдам своим, — Потому что для них это пенянее.

Видят мужики: хоть и глупый у них помещик, а разум ему дан большой. Сокртыли он их так, что некуда вода высунуть: куда ни гланут — всё палза, да не позволено, да не ваше! Скотенка на по дной выйдет — помещик кричит: моя вода! Курица дву околицу выбредет — помещик кричит: моя земля! И земля, и вода, и воздух — всё еси стало! Лучины не стало мужику в свете заметить, прута не стало, чел найу вынести, Выт и ямощанцы крестьяне выже зарека в Господу Богу:

— Господи! легче нам пропасть и с детьми с жеманю, нежели это даянь тва мнеться!

Малышам выжестивый Бог обмануа выжестивый выжестивый, и не стало мужику на перся пространстве ядленый глупого помещика. Куда дву выжестивый мужики — никто тва не заметил, а только видели лица, как вдруг подыжестивый выжестивый выжестивый, а только туча выжестивый, привжестивый в воздухе посжестивый мужицкие портки. Вышел помещик на балкон, посжестивый посжестивый и чувст: выжестивый-пречестивый во перся его ядленый воздух сделался. Натурально, остался доволен. Думает: теперь-то дву помещику своб тело белое, выжестивый, расжестивый!

И начал он жить да поживать и стал думать, чем бы ему свою душу утешить.

«Заведу, думает, театр у себя! выжестивый к актёру Садовничову: привжестивый, моя, любезный друг! дву актёрок с собой привжестивый!»

Послушался его истёр Садовский: сам приехал и актёров привёз. Только видит, что в доме у помещика пусто и ставить театр и занавес поднимать никому.

— Куда же ты крестьян своих девал? — спрашивает Садовский у помещика.

— А вот Бог, по милости своей, все мое владение от мужика очистил!

— Однако, брат, глупый ты помещик! Кто же тебе, глупому, умы-ваться подаёт?

— Да я уж и то сколько дней помытай кошу!

— Стало быть, пазыпильоны на лице расшить собрался? — выдал Садовский и с этим словом и сам уселся, и истёрки ушёл.

Вспомнил помещик, что есть у него выдвинуты четыре генерала пензенских, думает: «Что это и жей граф-пашканы¹ да граф-пашканы: раскандыканы! Попробуй-ка и с генералами контером пашку² дружку сыграть!»

Спалали — оделали; написал приглашения, назначил день и отправил письма по адресу. Генералы были коть и настоящие, по голландские, а потому очень скоро приехали. Приехали — и не могут выдвинуться, отчего такой у помещика чистый воздух стал.

— А отчего это, — хвалится помещик, — что Бог, по милости своей, все владения мои от мужика очистил!

— Ах, как это хорошо! — хвалит помещика генералы. — Стало быть, теперь у нас этого холодного запаха несколько не будет?

— Несколько, — отвечает помещик.

Сыграли пашку, сыграли друтую; чувствуют генералы, что пришёл их час водку пить, приходят в беспорядство, охрипели.

— Должно быть, вам, господа генералы, закушать захотелось? — спрашивает помещик.

— Не худо бы, господин помещик!

Встал он из-за стола, подошёл к шкафу и вынимает оттуда по леденцу да по значительному прянику на каждого человека.

— Что ж это такое? — спрашивают генералы, вытаращив на него глаза.

— А вот, закушайте чем Бог послал!

— Да нам бы говядинки! говядинки бы нам!

¹ Пашканы — особая раскладка стрелы и карт по определённым правилам для развлечения или наказания.

² Пашка — сложное имя (пашканы).

— Ну, господашки у меня про вас вот, господа генералы, потому что в тот пор, как была Бог от мушкетера кабаня, в печка на кухне стоят нетопленая!

Рассердился на него генералы, так что даже зубы у них застучали.

— Да ведь жрешь же ты что-нибудь сам-то? — накинулись они на него.

— Сырём жий каким пытаюсь, да кот пружинки ещё откуда есть...

— Однако, брат, глухой же ты помещик! — сказали генералы и, не докончив пульки, разбрелись по домам.

Видит помещик, что ему уж в другой раз дуриком чешутся, и хотел было уж задуматься, но так как в это время на глаза попалась колоса варя, то махнул он всё рукою и начал раскладывать траншею.

— Посмотрим, — говорит, — господа либералы, кто кого одолеет! Докажу я вам, что может сделать нетопленая печьность дупня!

Раскладывает он «дупневый каприз» и думает: сколько сразу три раза выйдет, стало быть, надо не поверять. И, как панчо, сколько раз ни разложит, всё у него вывалит, всё вывалит! Не остался в нём даже осознания никакого.

— Уже сели, — говорит, — сама фортуна указывает, стало быть, надо оставаться твердым до конца. А теперь покуда довольно траншею раскладывать, пойдю позаймаю!

И вот ходит он, ходит по помпатам, потом садет и посидит. И всё думает. Думает, какие он машины на Англии выпенит, чтоб всё паром да паром, а колесного духу чтоб несколько не было. Думает, какой он плодovitый сад разведет: вот тут будут груши, сливы; вот тут — персики, тут — грецкий орех! Посмотрит в окошко — ан там всё, как он задумал, всё точно так уж и есть! Ломается, по шучьему велению, под грузом плодов деревья грушевые, персиковые, абрикосовые, а он там же знай фруктам машинами собирает да в рот кладёт! Думает, каких он коров разведёт, что ни кожи, ни мяса, а всё одно молоко, всё молоко! Думает, какой он клубнички наедит, всё дробной да тройной, по пяти штук на фунт, и сколько он этой клубнички в Москве продаст. Наконец устанет думать, пойдёт в перилу посмотреть — ан там уж пыли на вершок вылезли...

— Сильный! — крикает он вдруг, забланившись, но потом спохватывается и шает:

— Ну, пускай себе до поры до времени так постоит! а уж докажу же я всем либералам, что может сделать твердость дупня!

Приманчивая таким манером, никому не изменит, — и свята!

А не сна сна ещё веселее, неждан нажву, свята. Снится ему, что сам губернатор о такой его помещичьей непреклонности узнал и спрашивает у несправника: «Какой такой твёрдый курицам был у вас в уезде завёлся?» Потом снится, что его за эту самую непреклонность министром сделали, и ходит он в лентах, и пишет циркуляры: быть твёрдым и не взыреть!..

— Ешь, мой друг! — говорят он.

Но вот и сна все переосмотрел: надо вставать.

— Свята! — опять причит он, забывшись, по даруг взырнать... и паникует сапожок.

— Чем бы, родимый, знытись? — спрашивает он себя. — Хотел бы лично какого-нибудь великого знытца!

И вот по этому его слову вдруг приезжает сам капитан исправник. Обрадовался ему глупый помещик несказанно; побежал в шкап, вынул два печатных приписка и думает: ну, этот, кажется, останется доволен!

— Скажите, пожалуйста, господни помещик, каким это чудом все ваши временнообязанные¹ вдруг исчезли? — спрашивает исправник.

— А вот так и так. Бог, по молитве моей, все владения мои от мужика совершенно очистил.

— Тихо! а не известно ли вам, господни помещик, где скрываются эти плетни? — спрашивает исправник.

— Подать?.. это ведь это они сами! эти их склячоньиной долг и обязанность!

— Так-с; а каким манером эту подать с них замыскать можно, когда они, по вашей молитве, по лицу земли рассеяны?

— Уж это... не знаю... я, с своей стороны, плетни не скрываю!

— А известно ли вам, господни помещик, что казначейство без податей и повинностей, в том числе без винной и соляной реглации существовать не может?

— Я что ж... я готов! рывку волки... я заплачу!

— Да вы подите ли, что, по милости вашей, у нас на базаре ни куски мяса, ни фунта хлеба купить нельзя! знаете ли вы, чем это грозит?

— Пожалуйста! я, с своей стороны, готов пожертвовать! вот шальных два приписка!

¹ Временнообязанные — после реформы 1861 года крестьяне освобождены от крепостной зависимости, но они были обязаны работать на помещика за право пользования землей.

— Глупый же ты, господин помещик! — молвил неграппик, повернувшись и уехал, не взглянув даже на печатные приписки.

Задумавшись на этот раз помещик не на шутку. Вот уж третий человек сто дураком чувствует, третий человек посмотрит-посмотрит на него, плюнет и отойдет.

Неужто он в самом деле дурак? Неужто та непреклонность, которую он так лелеял в душе своей, в переводе на обыкновенный язык означает только глупость и безумие? И неужто вследствие одной его непреклонности остановились и подати и реглали и не стало возможности достать на базаре ни фунта муки, ни кусок мяса?

И как же был он помещик разумный, то слышал даже фыркнул от удивления при мысли, какую он шутку сыграл, но потом вспомнил слова неграппика: «А знаете ли, чем это пахнет?» — и отступил на шутку.

Стал он, по обыкновению, ходить куда да вперед по козынгам и всё думает: «Чем же это пахнет? Уж не пахнет ли поджаренном мясе? Например, Чебысаровым? или, может быть, Варнакиным?»

— Хотя бы в Чебысары, что ли! по крайней мере, убедился бы мир, что значат твердость души! — говорит помещик, а сам по дороге от себя уж думает: «В Чебысарах-то я, может быть, мушкетер бы моего милого увидал!»

Походит помещик, и посядут, и опять походит. К чему ни подойдет, всё, какетон, так и говорит: а глупый ты, господин помещик! Видит он, бежит через комнату мышонков и крадется к картам, которыми он граб-пасьянк делал и достаточно уже замаслил, чтоб возбуждать нем мышонный аппетит.

— Каша... — бросился он на мышонка.

Но мышонков был умный и понимал, что помещик без Сельки ни какого вреда ему нанести не может. Он только хвостом выткнул в ответ на грозное восклицание помещика и через мгновение уже выпрыгнула на язык из под дивана, как будто гавкала позад, гавкала по мышку? то ли ещё будет? я не оставлю карты, а и хвост твой съем, как ты его призначилась как еду?»

Много ли, мало ли времени прошло, так же видит помещик, что в саду у него дорожки ринейнском парке, и в устах змеи да гадюк великие клыки жуют, а в парк хвосты дивные шокет. Однажды и с его мой услубе поднимай медведь, сол на корточках, присядывает и зовёт на на помещика и облизывается.

— Селька! — вскрикнул помещик, но вдруг спохватился... и заплакал.

Однако гнёрдость душик нѣкѣишѣ не покладываи нѣкѣ. Неожиданно рано он ослабевал, но как только почувствовал, что сердце у него начинѣт растворяться, сейчас бросается и гонимѣ «Вестѣ» и а одну минуту оне-стачается опять.

— Нет, лучше совсем одичаю, лучше пусть буду с дикими зверями по лесам снѣтаться, но да не скажет никто, что раскисевнѣи дворянин князь Урус-Кучум-Калдыбаев се принципам отступил!

И вот он одичал. Хотя в это время наступила уже осень и морозцы стояли порядочные, но он не чувствовал даже холода. Весь он, с головы да ног, сброс полвека, словно дремвшѣи Исаа¹, а ногти у него сделались как железные. Сморкаться уж он давно перестал, ходил всё же больше на четвереньках и даже удивлялся, как он прежде не замечал, что такой способ прогулки есть самый приятный и самый удобный. Утратил даже способность произносить членораздельные звуки и усвоил себе какой-то особенный победный клек, среднее между свистом, шипеньем и рычаньем. Но хвоста ещё не прибрѣл.

Выбѣдет он в свой парк, в котором он когда-то нежил своё тело рыцарѣ, белом, рассыпчатом, как кашка, в один миг влѣзает на самую верхнюю деревку и смрѣкѣт оттуда.

Приближу зяц, встанет на задние лапки и прислушивается, нет ли откуда опасности, — и он уж тут как тут. Словно стрѣла срѣпочет с дерева, влѣзает в свою дубинку, расорнѣт её постромки да так со шкура внутренности, даже со шкурой, и съест.

И сделался он снѣкѣ ужасно, до того снѣкѣ, что даже счѣл себя вправе войти в дружеские отношения с тем самым медведем, который некогда посматривал на него в окошко.

— Хотелъ, Михайла Иванович, походы вместе на зайцев будем делать? — сказал он медведю.

— Хотеть — отчего не хотеть! — отвѣчал медведь. — Только, брат, ты выпрасно мужика этого узничежил.

— А почему так?

— А потому, что мужика этого есть не в пример способнее было, нежели нашего брата дворянина. И потому скажу тебе прямо: глупый ты помещик, хоть мне и друг!

Между тем казистан-исправник хоть и покровительствовал помещикам, но между такого фига, как коммунисини с лица земли мужика, смолчать не пожелал. Всприваживался его доможникъ в губернские начальство, ишнѣт к нему: а как же думаете, кто генѣры алаѣ

¹ Дремаѣ Исаа — цѣлѣкѣ Библии, один из развѣжывающихся ветвѣкѣи Иеремъ.

ти будет вносить?... Кто будет первыми занятыми занятиями? Отвечает капитан-исправник: казначейство-де теперь упразднить следует, а вековые-де занятия и сами собой упразднились, вместо же них распространились в уезде грабежи, разбой и убийства. На дилекции и ны, казначейники, всякий-то медведь не медведь, человек не чело- вык едва ли задрал, в каковом человеко-медведе и подозревает он то- го-то-такого глумится помещику, который своей слуге личинице.

Обеспокоившись начальники и собрали совет. Решили: мужина из- лопить и водворить, в глушному помещику, который своей слуге зачи- щик, канцеляристейше внушить, дабы он фанфаронства свои прекра- тил.

Как зарочно, в это время чрез губернский город летел отропичий- ской мужиков и несшая как базарную площадь. Сейчас эту блаже- дить, обрали, поспелили в плетушку и поехали в уезд.

И вдруг опять запыло в том уезде мякиной и ожеинами; во в то же время на базаре поднялась и мука, и мясо, и живность великая, а по- дателей в один день поступило столько, что каночей, увидав такую тру- ду денег, только всплеснул руками от удивления и вскрикнул:

— И откуда вы, шельмы, берёте?

— Что же сделалось, однако, в помещином? — спросит меня чи- татель.

Ни кто и могу сказать, что хотя и с большим трудом, но и это на- делали. Источники, всё-таки же выискали, выжили и айстрити на- стит. Затем капитан-исправник: сделал ему надлежające мушкетеро, ото- брал газету «Шмель» и, поручив его падире Сельман, уезда.

Он жив и доныне.

Разглядывает граф-паша, тоскует по прежней своей жизни в ле- сах, унывается лишь по приужденно и по временам жарку.

Размышляем о прочитанном

1. Вы впервые читали повесть Салтыков-Щадрин. Да жите вам была известна на- родные сказки различных стра- мира, авторские (Пушкина, Андерсена и др.)? Народно ли, что их проче? Чем отличаются сказки Щадрин? Как парод пса- тель возраз, для которого она предкажётся? Как это понимает? Смогли ли вы разобраться в деталях пове- стиного? Против чего и против кого эти сказки направлены, какие человеческие пороки высмеивают?
2. Встречается ли в тексте гипербола, гротеск? Какова их роль? Что в смысле фо- нетическом и ритмичном вымечено?
3. Какие жанры народного искусства использованы Щадрин? Какие гримасы фоль- клора встречаются в сказках писателя?

Найдены в тексте сказки выражения, которые объединяют щедринские сказки с народными и хотя эти выражения не имеют совершенно особой силы, несут с собой определенную нагрузку.

В чём же сходство и в чём своеобразие, присущее сатире Щедрина?

Какие средства помогают Щедрину вызвать смех словами слёзы? Почему хочется смеяться, читая щедринские сказки, и одновременно думать о том, как грустно России?

4. Литературоведение утверждает, что сказки Щедрина обращены в будущее, в иные реалии ценностные и нравственные и являются своеобразными критиками. Согласны ли вы с этим утверждением и какие примеры могли бы подкрепить эту мысль?

Соберитесь, чтобы сказать своё слово

Подготовьте художественные переводы щедринской сказки или выразительное чтение текста, планируя речь автора.

НУЖЕН ЛИ НАМ ЩЕДРИН СЕГОДНЯ?

Известны многие писатели-сатирики, например, в Англии — Дж. Свифт, во Франции — Ж.-Б. Мольер, в России — Д. И. Фонвизин, А. С. Грибоедов, Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин. «Щедрин, — по справедливому замечанию Горького, — шёл в ногу с жизнью, ни на шаг не отставая от неё, он пристально смотрел в лицо ей и — горько провозгласил дохотал над всеми и всем. Это не смех Гоголя, а не то горько более ослепительно правдивое, более глубокое и могучее». «С кем боролся сатирик оружием смеха? Почему так боялись Щедрина даже женщины и так любили прогрессивные, демократически настроенные читатели? Каковы те свойства его личности... его творчества, благодаря которым он стал одним из величайших сатириков мира?» — задумай нам вопросы литературовед Д. Никольский и размышляйте: «Щедрин говорил, что он хотел уверить нас в том, что мы живём. Его слова звучат как клятва, как заклинание... Ничто не могло свести его к земле, его творческой дрях... Поэтому в жизни он был женщиной. Поэтому я продолжала его творить. Поэтому я предпринимала разного рода действия, чтобы заставить его замолчать (арестовывала со трудной женщиной, выпивала я готовых книжек женщины по требованию деда из сказки Щедрина)».

Исследователи подмечают, что Щедрин не кандал самокритичный и бесподушный, он коварно был на поклоны и мужественно боролся с ними. «Страшно... насилие и грубость, — скажет он. — страшно се-

модовальное ниптожество, которое ни о чем не хочет слышать, ничего не хочет знать, кроме самого себя. Иногда это ниптожество забирается на высоту... Тогда действительно становится страшно за всё живущее и мыслящее». Пробудить в своих современниках мужество, гражданское достоинство — вот цель сатирика Щедрина. Сам писатель тревожился: «Не напрасно ли трудился я в течение сорока лет? Помнут ли её (сатиру) как сандуки? Превзойдт ли она куклу-мобуду, пильцу?»

Размышляем о прочитанном

Подумай и мысленно над вопросами, которые мучили писателя: приносит ли пользу это творчество? Не напрасно ли он трудился? Нужен ли нам Салтыков-Щедрин сегодня?

Историческое задание

Нужна ли сатира большинству и каждому человеку? Чем страшнее «самодовольные ниптошества»? В чём заключается общественная роль прозаика-сатирика? Напишите сочинение-рассуждение на одну из этих тем.

Литература и другие виды искусства

1. Рассмотрите иллюстрации. Как бы вы представили себе заголовок и персона с автором рассказов Щедрина? На что обращают внимание читатели-художники-иллюстраторы? Какими (по вашим наблюдениям) поэмам созданы комическое, смешного в знакомой графике?
2. Найдите в разделе Интернет (<http://www.dobryedelo.ru/12161>) другие иллюстрации к сказкам Н. Е. Салтыкова-Щедрина. Поделившись картинкой, расскажите о ней.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ НА ИСТОРИЧЕСКУЮ ТЕМУ

Алексей Константинович ТОЛСТОЙ

1817—1875

А. К. Толстой.
Художник
К. Е. Румян, 1875.
Фотомонтаж

Из творч. Толстых, которых выдвинула русская литература, имя самого старшего из них — Алексея Константиновича Толстого — для широкого читателя остаётся наименее известным. И это при том, что, например, его знаменитая драма «Царь Фёдор Иоаннович» около ста лет не сходит со сцены, а слова едва ли не половина его стихотворений написана музыка крупнейшими композиторами (Чайковский, Мусоргский, Рахманинов).

Алексей Константинович Толстой родился в Петербурге, его мать была дочкой знаменитого казацкого гетмана Кирилла Разумовского, отец, граф Константин Петрович, принадлежал к знаменитому роду Толстых. Ещё в детстве его поразили стихотворения знаменитого поэта. По его словам, он «с шестилетнего возраста стал читать бунагу и писать стихи». Художественное развитие его шло под руководством дяди, А. А. Перозского, помещика и критика — Антоний Перозский (не опубликованы «Александровская мажорница», «Чёрная гурьда», «Ильдебанное жатание» и другие произведения).

В 1827 году Толстой вместе с матерью впервые побывал в Германии, посетил Веймар, познакомился с Гёте. В 1831 году дядя жёны швейцарца в Италию.

Позднее А. К. Толстой напишет: «В очень короткое время я научился отличать прекрасное от посредственного, я выучил имена всех живописцев, всех скульпторов». Он свободно владел несколькими языками, работал в главном Московском архиве, в департаменте хозяйственных и счётных дел.

Началом литературной деятельности можно считать опубликованную в 1841 году в Петербурге повесть «Ульяры», стихотворений своих он не печатал до 1854 года. Позднее появились знаменитые стихи «Колокольчики мои...», «Среди шумного бала...», историческая баллада «Василий Шибанов», «Князь Михайло Репнин», началась работа над романом «Князь Серебряный». Пародский показывал стихи своего племянника Пушкину, Жуковскому. Со временем они подбирали литературные стихи молодого поэта.

Интерес Толстого к исторической эпохе Ивана Грозного, отразившейся им в балладах, не случаен. Он считал, что она, эта эпоха, глубоко всего ограрила все отрицательные последствия, которыми сопровождался процесс централизации государственной власти на Руси.

В балладе «Василий Шибанов» действительная начало воплощено в образе Ивана Грозного. Грозный сокрушил последние остатки аристократической оппозиции.

Толстой был природным пейзажистом. Талант его яиден во всех стихах. В лирике 50-х годов искусство Толстого пейзажиста достигло высочайшего уровня.

Последние годы жизни Толстой проводил в своём имении в селе Краиный Рог. Лучшие его произведения этой поры — исторические баллады и поэмы. 28 сентября 1875 года поэт умер.

Известно, что каждая эпоха опрочиягивает литературное произведение по-своему. А. К. Толстой уже прошёл через несколько таких эпох.

При жизни он был одним из самых спорных писателей. Квалили за него право, упрямый и скрупулёзный трудящийся, критично пожимал з него по максимуму в исключительному общественно-политическому настроению. После его смерти полтора десятилетия з него почти не вспоминали. Поэт не получил признание, широкое, устойчивое, патичное...

По М. Смельякову

Развиваемся в сотрудничестве

Прочитайте два произведения А. К. Толстого. Подумайте, в каком направлении можно двигаться. Обсудите свой ответ.

Василий Шибанов

Князь Курбский от царского гнева бежал,
 С ним Василка Шибанов, отомкнутый.
 Дорогой был князь, конь намученный пал.
 Как быть среди ночи туманной?
 Но рабскую перлюсть Шибанов крап,
 Свое отдаст воеводе коня:
 «Скажи, князь, до вражьего стану,
 Авось и пешой по отстани».¹

И князь доскакал. Под литовским шатром
 Опальный сидит воевода,
 Стоит в изумленье литовцы кругом,
 Вых плясик таманцы у входа,
 Вых русскому витязю честь ждёт:
 Недаром двелач литовский народ,
 И ходят их головы кругом:
 «Князь Курбский нам оказался другом».²

Но князя не радует позав честь,
 Менюшкин он желток и лобок;
 Готовится Курбский царю переменить,
 Души оскорблённой запободит:
 «Что долго в себе я твое и пишу,
 То всё я пространно к царю напишу,
 Скажу напрямик, без нагиба,
 За все его ласки спасибо».³

И пишет боярин всю ночь напролёт,
 Перо его местами дышит,
 Прочтёт, улыбнётся, и снова прочтёт,
 И снова без отдыха пишет,
 И замын словами извит от царя,
 И вот уже, когда являлся зоря,
 Послал он ему на отряду
 Послания, полное яду.⁴

Но что же думованное князя слова
 Отвечать Ивану жидовителю?⁵

¹ Золото — палец, голубок — ореховка.

Клячу не любя на плечах галопя,
 Чьё сердце в груди не спожмётся?
 Невольно сомненья на княжк выспли...
 Вдруг вкочует Шибанок, в позу и в пидик:
 «Клязь, служба моя не пушка ли?
 Вышь, наша жена не допала!»

И в радости князь посылает раба,
 Терзает его в пестришье:
 «Ты телом здоров, и душа не слаба,
 А вот в рублях и награжденьях!»
 Шибанов в ответ господину: «Добро!
 Тебе здесь пушнее твоё серебро,
 А я передам и за мушк
 Письмо твоё в царские руки».

Знал медный советя, гудит над Москвой:
 Царь в смиренной одежде трепещит;
 Зовёт ли обратно из прежний покой
 Или совесть навеки херещит?
 Но часто и мерно он в колокол бьёт,
 И звону внимают московский народ,
 И молятся, полный беззвон,
 Чтот день минувший был казнью.
 В ответ князьешку гудит терзая,
 Звонит с ним и Вяземский дятый,
 Звонит всей опречни¹ кромешная тьма,
 И Васька Грязной, и Малюта,
 И тут же, гордые своим крестом,
 С денечной улыбкой, с азвонной душой,
 Любимец жонит Ижонин,
 Отверженный божим Басмонин².

¹ Опречни (древнерусск. — от прасл. *opreca* — крест; слово из кельтских наречий, ирландск. *opreca* — обречённый) — особая форма Грязной системы свиста и плавания; особое свойство заключалась в крестном, которое обледало «нагнанным» восточным и борба в крестном, что привело к выделению крестных на языке на фоне — в кресте.

² А. М. Вяземский, А. С. Грязной, С. А. Малюта (Шуваев-Вяземский), А. Д. Васильев — наиболее известные персонажи, фамилии которых сохранились в документе и привели к его созданию.

Иван Гасанич. Художник И. С. Бадуров

Царь кончил: на жезл опираясь, идет,
 И с ним жезл оксфордских¹ сабранин,
 Вдруг едет гонец, раздвигает народ,
 Над шанкою держит посланье,
 И спрыгнул с коня он поспешно долой,
 К царю Ивану подходит пешной
 И молвит ему, не бледнея:
 «От Курбского, князь Андрей!»

И очи царя загорелися вдруг:
 «Кто мне? От злодея ликого?
 Читайте же, дьяки, читайте мне вслух
 Послание от слова до слова!

¹ Оксфорд — прилагательное.

Подой сюда гримоту, дерзкой гильдии,
И в ногу Шибанова острой канцой
Железа своего он воззает,
Надёр на кветаль — и пинает:

«Царю, прославившему драван от всех,
Но танушу в сквернах обильных!
Отвечтуй, безумный, каких ради грех
Побил еси добрых и сильных?
Отвечтуй, ни или ль, бредь тяжкой войны,
Вся ечёта твердыни врагов ераньста?
Не их ли ты мужеством славил?
И кто им высть верностью равен?»

Безумный! Или мшились бессмертные пав,
В забытую ересь¹ презлённый?
Внимай же! Приидет коммодия час,
Писанном² ним предзённый,
И на, или³ крошь и непростанных боях
За ты, или⁴ юду, или⁵ в или,
С тобой пред судью⁶ предеталу?
Так Курбский писал к Иоанну.

Шибанов молчал. Из произвонной носы
Крошь алым струялкам током,
И царь на спокойное око плути
Взирая неситующим оком,
Стоял неподвижно опрочешнов ряд,
Был ирочни владыки пасадочный взгляд,
Как будто исполнен печали;
И все в ожиданье молчала.

И молвал так царь: «Да, боярин твой прав,
И нет уж мне жизни отрядной,
Крошь добрых и сильных носили широк,
И нис: недстойный и евридный!»

¹ Ересь — отступление от принятой веры; раскол или оппозиция, отступление.

² Писанном — Смышанный Писаный.

³ Или или... — я, который...

⁴ За ты, или — за тебя ты...

⁵ Или — или (ороч).

⁶ Судью — дьяк боя.

Гонец, ты не раб, но товарищ и друг,
И много, знать, верных у Курбского слуг,
Что выдал тебя за бесценнок!
Ступай же с Малюгой в застенок!»

Пытают и мучат гонца палачи,
Друг к другу приходит на язык:
«Товарищей Курбского ты уличи,
Открой их собачьим лаем!»
И царь вопрошает: «Ну что же гонец?
Назвал ли он князя друзей наконек?»
«Царь, слово его всё едино:
Он слышит слово господина!»

День меркнет, приходит ночная тьма,
Скрыпят у восточных ворот,
Заключенные входят опять мастера,
Опять началась работа.
«Ну что же, назвал ли злодеев гонец?»
«Царь, близок ему уж приходит конец,
Но слово его всё едино,
Он слышит слово господина!»

«О князь, ты, который предать меня мог
За сладостный миг укоризны,
О князь, я мало, да простит тебе Бог
Намекну твою пред отчаянной!
Услышь меня, Боже, в предсмертный мой час,
Язык мой возьмет, и взор мой утас,
Но в сердце любовь и прощенье,
Помилуй мой преступный час!»

Услышь меня, Боже, в предсмертный мой час,
Прости моего господина!
Язык мой возьмет, и взор мой утас,
Но слово мое всё едино:
За грозного, Боже, царя я молвись,
За нашу святую, великую Русь,
И тайно жду смерти великой!»
Так умер Шибанов, стрельчийный.

¹ Замечание: Малюга — гонец.

Князь Михайло Репнин

Вид отыскал парубок и дружка мой ушлый
Ишио Веспельма Гриваный под мотушиной-Москвой.

Кожинам золотыми стенам блистает ряд,
Ростульские за ними опричники сидят.

С вечера¹ льются вина на царские ковры,
Поют ему с полпочи легкие гуалары.

Поют шотки браши, деши бывала кривина,
И кэтиче Кэжани, и Астрахани шани.

Но голос прежней славы царя не веселит,
Падать себе личику² он кряжечему³ желит:

«Да здравствуют тыуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!»

Себе личику, други, пусть каждая каберёт,
Я перной окрыляю жёлтый хоромёт,

За мной, мои тыуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!»

И все подыали кубки. Не поднял лишь один;
Один не поднял кубка, Михайло князь Репнин.

«О царь! забыл ты Бога, свой сан ты, царь, забыл!
Опричником на горе престол свой окружил!»

Рассыпль державным словом детей бесовских раты!
Тебе ли, властелину, здесь в маскаре⁴ плясать!»

Но царь, нахмуря брови: «В уме ты, знать, ослаб
Или хмельён не в меру? Малчик, строптивый раб!»

Не изразил ни слова в маскару младень —
Или кажусь, что прожил ты свой последний день?»

¹ С вечера — с вечерней церемонии молебна.

² Личико — маск.

³ Кряжечу — бегать, медленный способ езды, танца и выпивки, в т.ч. и расползание слова, характерное для XV–XVII вв.

⁴ Маскара (маска) — маска.

Тут встал и поднял кубок Рюрик, прекрасный князь:
«Сиротинам да сиротам! — он рече, омерзительным. —

Да здравствует навеки наш православный царь!
Да пролит человека, как пролил ями пестарь!
Да презрит, как измену, бесстыдной лести плаз!
Личины ж не падему я в мой последний час!»

Он молвил и погасил личину растоптал,
Из рук его на землю хвещащий кубок пал...

«Ури же, дерзновенный!» — царь вскрикнул, разъярись,
И пал, земным промозженый, Рюрик, прекрасный князь.

И кновок поджаты кубка, синими ошеть звучит,
За длинными стоежками сиротники шумит,

И смех их ридийтся, и пар ошеть живому,
Но злон конной и кубков царя не веселит.

«Убил, убил напрасно я зерного слугу,
Вкусать веселья пыле я бале не могу!»

Напрасно льются вина на царекие ковры,
Поют царю напрасно дехне гуджеры,

Поют потехи браня, дела былых времен,
И клятве Бахана, и Астрахани плен.

ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЯ Ф. М. ДОКТОБЕРСКОГО О М. Ю. ЛЕРМОНТОВЕ¹

Поймите ли вы, господа, «раба Шибанова»? Раб Шибанов был раб князя Курбского, русского эмигранта. Он-то собственно, прожившего кой-кому же царю Ивану свое оппозиционное и лютые ругательные письма из-за границы, где он безопасно проживался.

Написав одну письмо, он приказал раба своего Шибанова к явил ему письмо вместе к Москве и отдать царю лично.

Так и сделал раб Шибанов. На Кремлевской площади он остановил находившего на собора царя, окруженного самыми приближенными, и по-

¹ См. изд. Москва: Лермонтов: про и себя. — СПб., 2002. — С. 246.

дал ему послание своего господина, князя Курбского. Царь поднял жезл свой с острым наконечником, с размаху вонзил его в ногу Шибанова, оперся на жезл и стал читать послание. Шибанов с прокалтой ногою не шевельнулся. А царь, когда стал потом отвечать письмом князю Курбскому, написал, между прочим: «Устыдился раба твоего Шибанова». Это значило, что он сам устыдился «раба» Шибанова.

Этот образ русского «раба», должно быть, поразил душу Лермонтова. Его Калашников говорит царю без укора, без попраёк за Кирибеевича, говорит он, зная про верную казнь, но сондакашную, говорит царю свою правду истинную, что убил его любимца «калькой колена, а не нехотью».

Размышляем и прочитаем

1. Что вы узнали об Александре Константиновиче Толстом? Под чьим псевдонимом шла его художественная работа? Вспомните написанную для Алёши Толстого «Минскую курьерку». Чему учил А. Поповичский сына-павлинка? Какую мысль призвано было подчеркнуть это приключение?
2. Какие произведения А. К. Толстого вам известны?
3. Вы прочитали два произведения А. К. Толстого. С чём они? Кто их главные герои?
4. Какие характеры героев рассказываются автором и что он хочет сказать о людях и обществе, в которых происходят эти события?
5. В чём упрямит царя Иван Грозный Курбский? Как ведёт себя Шибанов под пытками? О чём он говорит Богу?
6. Почему Репнин не поднимает свой кубок? В чём он обвиняет Ивана Грозного? С чём жалует царь?
7. Вы прочитали высказывания Ф. М. Достоевского и М. Ю. Лермонтова. Какое произведение поэта соотносится Достоевский с балладой Толстого «Восник Шибанов»? На что обращает зряча но Достоевский?
8. Какие сочинения эпистолы встречаются в тексте баллады и что они характеризуют?
9. Какие ещё роли играют баллады вы можете отметить в прозаических произведениях А. К. Толстого?

Учимся читать выразительно

Подготовив маркированные чтения этих произведений, подчеркните при чтении повелительные интонации в словах царя Ивана Грозного, мужество и послушание в словах Шибанова и Репнина, их отношение к великой Руси и царю.

Джеймс Фэнимор КУПЕР

1789—1851

Портрет Дж. Ф. Купера.
Безобразнейшее изображение.
1842 (государственный
музей А. С. Пушкина)

Американский писатель Дж. Ф. Купер — автор приключенческо-исторических романов, из которых наиболее известны «Пионеры, или У истоков Сноукхем-на», «Последний из могикан», «Правдина», «Следствие, или На берегах Онтарио», «Заворобой, или Первая группа войны» и многих других, — родился 15 сентября 1789 года в Берлингтоне и скончался 14 сентября 1851 года в Куперстауне. Его отец был судьей и довольно богатым землевладельцем.

Первое начальное образование Джеймс получил в местной школе, а также у домашних учителей с университетскими дипломами. Мальчика готовили к поступлению в Йельский университет, куда он был принят, но курсы не окончил: это произошло после шутовской выходки в духе римского императора Калигулы, приведшего коня в сенат. Купер привёл в аудиторию осла и воздвиг его на кафедру. Возмущённый отец определил его в маэстрэнц, и Купер пять лет прослужил морской службой, в том числе на корабле «Онтарио», где встретился известному моряку.

После окончания службы он женился на француженке, и у них родилось семеро детей.

В 1826 году Купер отправился в Европу и пробыл там семь лет, написал несколько романов. К тому времени он уже был известным писателем, которого ценили и ценят европейцы не только за новизну для них темы американской истории, но и за уважение к американским индейцам, за мастерство рисовки, за точность и увлекательность описаний природы, за свободный дух его творчества.

В России Купером тоже занимались. Его ценил Пушкин и другие писатели. Пушкин справедливо отметил романтическое изображение индей-

цев с поэтической их стороны» и слишком пылко воображенно, красками которого Купер подправил «истину».

Последний из могикан¹

(глава III, отрывок)

В этот день два человека сидели на берегу небольшого, но очень быстрого потока, протекавшего на расстоянии одного часа пути от лагеря Вобба. По-видимому, они ждали появления какого-то человека или начала каких-то событий. Магучая стена леса доходила до самого берега реки: ветви густых деревьев свешивались к воде, бросая на неё тёмную тень. Солнце уже не жгло с такой силой, дневной жной спал, и прохладные испарения ручья и восточной лёгкой дымкой висели в воздухе. Нерушимая тишина, царившая в этом лесном утлке, прерывалась по временам ленивым постукиванием дятла, резким криком пёстрой сойки или глухим однообразным гулом сердобинского волниста, доносившим ветром.

Но эти слабые обрывки звуков были хорошо знакомы жителям лесов и не отвлекали их внимания от беседы. Красный цвет кожи одного из собеседников и его одежда приближали к ним южная индейца. Затарелое лицо другого, одетого также в очень простое и грубое платье, было гораздо светлее; он казался несомненным потомком европейских переселенцев.

Краснокожий сидел на краю мшистого бревна и снисходительно, но выразительными движениями рук подчёркивал свои слова. Его почти обнажённое тело казалось ужасной эмблемой смерти: оно было расписано чёрной и белой красками, что придавало человеку вид скелета. На бровной голове индейца были только одна прядь волос, украшенная же служила лишь орлиное перо, спускавшееся на левое плечо. Из-за пояса виднелась томигань² и скандинавский нож, а на поясе — привешенная. На мускулистой вышине плеча индейца торжало солдатское ружьё, одно из тех, какими употребляли в своих кавалерийских полках.

Низ в этом воине — его широкая грудь, прекрасное телосложение и торжественная осанка — доказывали, что он далеко шагал от расцвета сил, но всё же начал приближаться к старости.

Судя по фигуре белого, можно было сказать, что он с своей разнузданной деятельностью смышлялся и похорошел. Он был муску-

¹ *Mohicans*, отсюда и название *могикиан* — коренная и полуиндейская конфедерация племен индейского племени из племён алгонкинов, обитавшая в долине реки Худсон.

² *Tomahawk* — боевой топор индейца Северной Америки.

дуют, скорее худощав, чем толст; каждый напряженный нерв и стальной мускул его тела говорили о том, что жизнь этого человека проходила в беспрестанном рывке и тяжёлом труде; одежда его состояла из охотничьей рубашки палёного цвета, ошайблённой жёлтой бахромою; голову прикрывала летняя кожаная шляпа. За поясом охотничья торчал пистол, но патроны у него не было. По обычаю краснокожих, его мoccasins¹ украшала пёстрым отделка, кожаные штаны были зашнурованы по бёдрам, и каблуки каблуки пережжены длинными жилами. Кожаная сумка в руке с широким довершием его снаряжения; у ствола соседнего дерева стояло его очень длинное ружьё. В зёбольных глазах этого охотника или разведчика светилась живость, признательность и уга. Во время разговора он оглядывался по сторонам, то ли выматривал дичь, то ли спускался какого-нибудь скрытого нападения. Несмотря на обычную подозрительность, лицо его было не только бесхитростным, но в тот момент, о котором идёт речь, оно было пренебрежительно безукоризненной честностью.

— Принадлежишь ты к племени Чингачгук, говорят на меня, — сказал он. Всегда ждешь на том наречии, которое было знакомо всем туземцам, жившим в области между реками Рудзоном и Питоманком, и мы будем для удобства читателя думать лишь ильский наречие, стараясь, однако, сохранить некоторые особенности речи собеседников. — Твои отцы пришли из страны заходящего солнца, переправились через большую реку², сражались с местными жителями и завладели их землями. Мои предки пришли от красной утренней зари, переплыли через Солёное Озеро и поступили так же, как твои родоначальники. Не будем же спорить об этом и попытке тратить слова.

— Мои предки враждовали с одиозными краснокожими людьми, — сурово ответил племец на том же языке. — Скажи, Скальный Глаз, разве ты не видишь различия между стрелой с железным остриём и скиндинской пулей, которой ты привнесешь смерть?

— Пророки для людей из красной кожи, но у него есть разум, — сказал белый, выкинув лезвий, словно человек, которому жут при этом к его справедливости не пришёл вступать. На мгновение показавшись, что ему пришлось в голову только слабое доказательство, но потоса, собравшись с мыслями, он ответил на возражение своего соперника наилучшим образом, поскольку ему это позволяли его скудные запасы: — Я неучёный человек и не скрываю этого; однако, су-

¹ Moccasins — обувь краснокожих индейцев.

² Речь идёт о реке Невада.

запасали этот край и охраняли его, как сильные и смелые мужи. Мы пригнала макуров в леса, полные медведей, и они добывали для себя соль только из их пересохших соевых источничков. Эти сомы не выловили ни одной рыбы на Великом Озере, и мы бражани им одни кости...

— Обо пейя этот я уня слышал и веюму верю, — сказал белый охотник, идя, что иудани замечал. — Но ведь всё в нём ты держала досы, случалось иногда до той поры, когда пришла эпидемия.

— Тогда войны росли там, где теперь издавнаютом кышаны. Первые бледнолицые, прошедшие к нам, говорили не по-апплибони. Они пришли в большой широк. Это случилось в те дни, когда мои отцы вместе со всеми охотскими племенами зарыли свой токаргов. И тогда... — правдице Чингизчук, в глубине кочевья кырились войны и тоже его слыла, — дари. Чингизский Гипа, мы кышаныли один народ. Мы были светлыми. Чингиза Озере давало нам рыба, лека — олепей, воздух — птиц. У нас были жены, которые приносили нам детей. Мы поклонились Великому Духу, и макуры бражани наших победных песен...

— А ты увидишь, что было в то время с твоими предками? — спросил белый. — Должны быть, они были хрибрами, чингизами кышаны и, судя к сюжету, вокруг кочевья, джунги соплеменниками макуры на стекленце.

Мой племя — трайка жаридюк, но в моих джунгах тут ни капли смешанной крови, в них кровь вождей — тигрца, благородная кровь, и такой они величия иудеида. На нашей берега иудеидакты гисландцы. Белые дали мозк привитым огненную воду: они стали пить её были с жаждотью, были до тех пор, пока их не погудило, будто земля смалась с небом. И они ринулись, что увидели изюмом Великого Духа. Трудж жому итрон припились закотиться на синий рюровой. На их шагах их отхонили от ледяных берегов. И вот теперь а, юнца и ел. юмор¹ иудеида, икну дуни едипца только епана, кистю деревень и никогда не могу подойти к масилом моих приотца.

— Могилья выушаныт благоговейный трепет, — пахотил собеседник иудеида, разгуданный благородный и едержанный починью Чингизчука. — И еще часто помогают человеку в его благе иудеидакты: правиз, что кидеида меню, но я бы хотел, чтобы мои кости остались белеть к лесам или были разжирены на земля кочевья. Но скажи, где живут представители твоего рода, тигрца иудеида, которые пришли в долговременную едипца много иудеида палат?

¹ Сказание Буддыном, едипца, макуры — кочевья джунги кочевья иудеида.

— Ответь мне, куда исчезли, куда спрятались цветы давно улетающих летних дней? Они упали, осыпались. Ты шарб и пель мой род! Все мажикане, один за другим, оставил в сторону духа. Я стою на першине горы, но скоро придет время спускаться вниз. Когда же и Упнас уйдет валад на зпона, тогда истопнителя кровь сагамаров: пель, мой сын — последний на мажикан!

— Упнас здесь, — возмущалась младшей молодой галос. — Что упо мажул об Упнасе?

Белый окитник поспешно вынул свой нож из ножен и невозвратно потянулся за рукояткой. Чинтангун же, услышав голос, остался спокойно сидеть и даже не повернул голову.

В следующее мгновение показался молодой незнавец: беззвучными шагами он проскользнул между двумя друзьями и сел на берегу бесстрастно смотря. Ни одним звуком не вырвался бедный стнц свиста удик дочки. В течение многих минут не слышалось ни шороха, ни отже-

Спутанные мидейце, находящиеся на тропе войны.
Художник А. Бушматов

тов; князьей, князями, жиды удобных мновениях, чубы прервать молчанья, по выходя добротетия, свойственного только жонцином, или петершения, присущего детям.

Белый охотник, очевидно подранная обычная краснокожим, выпустив из рук ружьё и току сосредоточенно молчал.

Наконец Чингачгук медленно перевел взгляд на лицо своего сына и спросил:

— Не осмелелось ли якудасе потанить следы следов женщины и этих джях?

— Я шёл по отпечаткам их ног, — ответил молодой индеец, — узнал, что число их равняется количеству пальцев на моих обеих руках. Но ведь они трусы и прячутся в засадах.

— Мошенники залезли в пашу и ждут удобной минуты, чтобы добить охотника и обработать кожу-кабуда, — сказал Соклосеней Глик. — Этот француз Мюккель, конечно, пытался своих индейцев к лагерю дингачган на что бы та не стало узнать, по какой дороге дингачган шёл.

— Молодца! — сказала старший индеец, потянувшись в старому алко-джинко охотца. Мы пытались их на оуток, как одной... Соклосеней Глик, закуском рогатки, и задья покосился мыкумена, что мы инстинкты мужиков.

— Я согласен. Но для того чтобы разбить проколов¹, прежде всего нужно рассмотреть, где прокулся эти хитрым плуток, и чтобы понять, нужно либить зверя... Да вот он, тут как тут! Поскорее же, конь самый крупный охотца, который и перенял в женские выкопанного лица Вязанья, не бродит знаку в кустах?... Послушай, Утисне, продолжай разведчик, сознание свой такое до испуга и смелая безавучная смехом человека, праямления к осторожности, — я готов провозглашать три овца порока против одного фунта табака, что пошлаю ему между глаз, и ближе к правому, чем к левому.

— Не может быть! — ответил каждый индеец и с воинской гонимостью жонцил и жонцил. — Бюк над кустами видны только эти рожки, дамы только их выгнаны.

Он начался, усмехнувшись, сказал Соклосеней Глик, обрешившись к старому пледеру. — Он думает, что, зная часть инстинкта, охотник не в силах сказать, где должно быть все его тело.

Он прешелся и уже избрался дингачган свое искусство, которая так поразилась, как вдруг Чингачгук ударил рукой по его ружью и сказал:

¹ «Роскош» — переводное слово.

— Ты, верно, хочешь сразиться с макуеами, Соколиный Глаз?

— Эти индейцы точно чутьём узнают, что кроется в чаще. — пронавис селитник, опустил ружьё и поворачиваясь к Чингантуку, как бы прилепывая кожу щипку. — Ну что деляты! Представляю тебе, Уикас, убить пленя стрелой, не то, пожалуй, ты действительно выходи животным для этих воров-проказов.

Чингантук одобрил предложение Белого, маршировал на женскую пещеру. Уикас бросился на землю и стал осторожно подползать к оленю. Когда молодой морикалин почувствовал вестя в беспомощных ядрах от восток, он бесшумно выложил стрелу на тетиву лука. Рот плавиль-кутиски казался, как обоняемая ганула и индустри близость опасностя. Ещё секунда — и тетива задрожала. Стрела блеснула в воздухе. Разное множество выскочила из пещер прямо на своего скрытого врага, грозил пахоте ему удар рогами. Уикас ловко увернулся от забешенного оленя и, падекачив и всему едаку, быстро пропал его шую полком. Олень вынулся к реке и упал, окрашивая воду своей кровью.

— Дело сделано и ловкостью индейца. — с одобрением указал Соколиный Глаз, беззвучно смеясь. — Приятно было смотреть! Но всё же стрела хороша лишь на близком расстоянии, и в погоне ей лучше неж.

— У-у-ух! — пронавис его собеседник и быстро повернулся, точно собака, почувывая дичь.

— Клянусь богами, выживет, сюда идёе пролов стару? — заметил Соколиный Глаз, и его глаза заблестели. — Если пленя индейдут на рин-слевине ружейного выстрела, я всё-таки пуцу в них пулю-другую, хотя бы весь свист пахоте племён услышал грохот ружья! Что ты слышишь, Чингантук? Для моего слуха женья чащи махают.

— Вдалеке только один олень, да и тот убит, — сказал индеец и наклонился так низко, что его уха почти коснулась земли. — Но я слышу звуки шагов.

— Может быть, волки гналы этого оленя и теперь бегут по его следам?

— Нет. Приближаются коня белых, — ответил Чингантук, горделиво выпрямившись и приняв прежнюю позу. — Соколиный Глаз, это твои братья. Поговори с ними.

— Хорошо. Я обращусь к ним с такой английской речью, что самому английскому королю не было бы стыдно ответить мне, — указал шепотом на том языке, значение которого не гордился. — Но я ничего не вижу и не слышу ни шагов животных, ни голоса челове-

чужих ног. Ага! Вот треск сухого хвороста! Теперь и я слышу, как зашелестели куоты. Да-да, шум шагов! И его принял за отголосок рева водопада. Но вот и люди. Боже, спаси их от крокодилов!

Размышляем о прочитанном

1. Как эти люди и в чём велика беда между краснокожими и белым человеком? Дружны ли говорят собеседники?
2. Найдите в тексте речевые ошибки Чингачука и Соколиной Глаз. О каких фактах бытования и жизни людей в джунглях упоминается по этим ошибкам?
3. Обратите внимание на две речевые ошибки, на которые мы обратили внимание. Каким образом определены места, о которых идёт речь. Как характеризуют индейцев такая речь? В беседе с Чингачуком Соколиной Глаз становится очевидным понимание индейской веры в существование духов. Как вы думаете, почему?
4. С какой целью так подробно Агасси рассказывает на языке индейского?

Грамматическое задание

Посчитайте все предложения целиком и назовите в нём слова.

СОДЕРЖАНИЕ

Титульный лист (обложка)	8
--------------------------------	---

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Древнерусские повести

Из «Похвалы князю Ярославу и князю» (подписана на «Похвалы святому великому князю»)	7
Из «Пустыни» Владимира Мономаха (сиромоха)	7
- Писемля и Пудя и Фьодорки Муромские	9

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

А. С. Пушкин	18
В творческой лаборатории А. С. Пушкина	20
Древнерусские переводы	22
Литературное признание	28
Древнерусские переводы	33
- И. П. Швангу	35
- 19 октября («Гонимые нас: купимой свой убогой»)	36
- Ни хмелья Грехи немы: ачныя млы	38
- Во глумлея сабравых руд... ..	35
- Гуды	37
Письма «Писемля» / сиромоха?	39
О «Массовые повстаные Москва Деларового 1870/1872»	43
- С лицевымшиюю сабравых	44
М. Ю. Лермонтов	57
Как работал Лермонтов	60
- Живинье	61
- Зане	62
- Не Гбле	63
- Гуды	64
- Мисловые	65
- Ангела	66
- Когда волнуетея хмельомше вы	67
- Писня при царе Иване Васильевиче, младшего опренишея в удалого купца Калашникова	71
Читатель М. Ю. Лермонтова с слова опренишея	90
П. В. Гоголь	93
Как работал П. В. Гоголь	94
- Урае Белевае 18 сиромоха	95

ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

И. С. Тургенев	154
«Белая ночь»	155
Рассказы из цикла «Взвешенные проблемы»:	
«Виржиния»	156
«Скандинав»	163
Стихотворения и проза:	
«Русский язык»	174
«Два языка»	174
Л. Н. Толстой	176
«Письма друга»	178
П. А. Вяземский	190
«Русские женщины», Катерина Трубицына (в содружестве)	192
«Небесная дорога»	208
«Романтизм и пародия на романтизм»	215
Из антологической А. Я. Панаева	219

Поэзия второй половины XIX века

Ф. И. Тютчев	220
«Фосфор»	221
«Берег тумана пенится вдали»	223
«Насмешка и посмех»	224
«Умом Россию не понять»	226
А. А. Фет	228
«Пшеница, рыхлела дышныя»	227
«Как беден наш народ! — Жосу и не жосу»	227
М. В. Салтыков-Щедрин	229
«Пшеница и ты, как судишь мушкетера, лишь пшеница прикармил»	231
«Дни и минуты»	240
Нужен ли вам Шибобин слобода?	243

Прозаические стихотворения и прозаические послания на историческую тему

А. Е. Чапский	250
«Басни Шибобина»	252
«Князь Максимилиан Радзинь»	257
Из антологической Ф. М. Достоевского и М. М. Щербаковой	258
Дж. Ф. Купер	260
«Павловский из Копельки» (перевод Н. В. Щербаковой)	261

Список заимствованных иллюстраций

Глазунов И. С. Иллюстрация к роману А. К. Толстого «Князь Серебряный». Изд. Красный // Соловьев В. Глазунов И. С. Писатель и художник. Произведения русской литературы в иллюстрациях И. Глазунова. — М. : Изобразительное искусство, 1979 — С. 149.

Добужинский М. Иллюстрации к повести «Станционный смотритель» // А. С. Пушкин в изобразительном искусстве. — М. : Исствя, 1961.

Кибсов Е. Иллюстрация к повести «Тарас Бульба» // Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Повесть. — М. : Детская литература, 1946.

Муромов Н. Иллюстрации к сказке «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» // М. Е. Салтыков-Щедрин в портретах, иллюстрациях, документах / сост. В. Н. Баскаков. — Л. : Просвещение, 1958.

Шварцман Д. Иллюстрация к поэме «Русские женщины»: Княгиня Таубицкая // Шварцман Д. А. Альбом. — М. : Советская художник, 1959.

Шварцман Д. Иллюстрация к повести «Станционный смотритель» // Пушкин А. С. в русской и советской иллюстрации. Альбом. Т. 2 / сост. И. Н. Врубель, В. С. Мухоморова. — М. : Книга, 1987.

При подготовке данного издания использованы иллюстративные материалы:

© Петрухин / Россия сегодня; © Михай Рагосов / Ризвалс; © М. М. Парня. Портрет Л. Н. Толстого / Фотобанк Ризвалс; Портрет Ф. Кулера / © Госкниготорг.

Үчебное пособие

Қорымбай Зара Янбаев
Шарипов Қыстыр Қосбергін
Қарман Нұрәлиевтің Мекенімен

ЛИТЕРАТУРА

7 класс

Учебник

В трех частях

ЧАСТЬ I

Центр литературы

Структуральный редактор М. А. Рамаев
Редакторы Б. Н. Брызгалова, М. Б. Гитова
Художественный редактор К. Н. Давыдова
Технический редактор Н. В. Давыдова, Е. А. Мухомова
Компьютерная верстка С. Н. Оганова
Корректор Р. М. Булатова, В. Ф. Шенбердина

Подписано в печать 13.11.2022. Формат 70 × 90/16. Периодика Школьный. Машин. я. 14,87. Зарплат. л. 14,63. Тираж 100 000 экз. Заказ №

Аннотированное издание «Мекенімен» «Промисленост»
Всесторонне-образовательная, 137173, г. Москва, ул. Таганская набережная, д. 6,
кв. 1, этаж 4, корпус 107.

Ақпараттық желісі: «Гарантія лінійка» — www.garantylinika.ru.